Вечерніе часы,

или

Древнія сказки

Славянъ

древлянскихъ.

Часть VI.

Москва,

Въ Типографіи Компаніи Типографической,
съ Указнаго дозволенія,
1788.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ВЕЧЕРЪ LXI.

Продолженіе похожденія Судиславова.

Побѣгъ *Форгасовъ*, продолжалъ *Станобой*, произвелъ въ Поляніи великой шумъ; *Бурносилъ* казался быть онымъ чрезмѣрно раздраженъ, и прилагалъ всякое стараніе о его поимкѣ. По щастію не имѣли на меня подозрѣнія; однакожь хотя я и уповалъ, но не пріобрѣлъ къ себѣ довѣренности моего Князя, коею онъ никого изъ насъ не удостоилъ.

Княгиня препровела четыре года въ крайнемъ уныніи, которое наконецъ ее въ гробъ повергло; и не извѣстно, проникла ли она,

кто именно былъ причиною печальнаго съ нею приключенія.

Ничто не могло быть сравнено съ печалію Князя *Бурносила*: въ самой древности не можно сыскать тому примѣровъ; онъ лишился совсѣмъ разсудка, даже когда и сынъ его подходилъ къ нему, убѣгалъ онъ его присутствія. Стократно покушался онъ лишить себя жизни, когдабъ попеченія наши его не отвращали. Князь, шесть его, раздѣлялъ съ нимъ горесть нѣжнѣйшимъ образомъ, и часто плакали они съ нимъ какъ бы спорясь. Уединеніе *Бурносилово* продолжалось цѣлый годъ; наконецъ Князь Поляніи едва убѣдилъ его выйти на свѣжій воздухъ въ придворной садъ. Юный *Закомірь* попался ему на встрѣчу: красота и ласки сего любезнаго дитяти произвели вънемъ таковое впечатлѣніе, что съ того времени не помышлялъ онъ объ иномъ, какъ только о возвышеніи своего сына, и нѣжность привела его сердце къ величайшему честолюбію. Страсть эта послѣ печали вступила съ таковымъ жаромъ, что всѣ другія преодолѣла, и поднесь еще имъ владѣетъ.

Какъ престолъ Поляніи былъ ненаслѣдственный, но избирательный, слѣдственно на оной ни *Бурносилъ*, ни сынъ его, не могли имѣть вѣрной надежды: по чему и обратилъ онъ глаза свои на Болгарскій. Объ-

этой честолюбивыми мыслями, *Бурносилъ* началъ избраніе Князя родителя своего, въ разсужденіи брата его *Сердолюба*, считать несправедливымъ, коего въ разсужденіи слабаго смысла полагалъ къ тому недостойнымъ. И такъ предпріялъ онъ какимъ нибудь средствомъ отвести его отъ наслѣдства; и чтобъ удобнѣе въ томъ трудиться, предложилъ онъ Князю Поляніи тестю своему о необходимости послѣ таковаго долгаго отсутствія возвратиться ко Двору родителя своего. Онъ получилъ желаемое; тесть его оказавъ ему великіе знаки нѣжнѣйшей любви, позволилъ ему отъѣхать, снабдивъ по царски всемъ нужнымъ для путешествія. — Впрочемъ, сказалъ *Станобой*, желавшіе окончить свою повѣсть, не удивляйтесь о подробностяхъ разсказываемаго мною приключенія; я по всякой вечеръ записывалъ то, что мнѣ днемъ встрѣчалось: сія помощь съ того времени, какъ я учинился первымъ Бояриномъ, оказываетъ мнѣ добрыя услуги.

Мы проводили, продолжалъ онъ, *Бурносила* и сына его до сего Двора, гдѣ они приняты съ отмѣнною милостію со стороны нашего Государя. Князь, *Бурносилъ*, старался сперва склонить въ свою пользу родителя своего ласканіями, въ которыхъ препроводилъ онъ цѣлые два года. Но видѣвъ, что старанія его тщетны, началъ онъ пріобрѣ-

обрѣтать на свою сторону сообщниковъ. Онъ ласкательствовалъ дворянству и черни, коихъ называлъ себя защитникомъ. Когда появлялся онъ при Дворѣ, толпа придворныхъ его окружала, коя казалась быть совсѣмъ ему преданною. Таковая пышность нанесла Князю родителю его боязнь о томъ, не предпріемлетъ ли онъ чего противъ его особы, и Государь сдѣлалъ мнѣ милость открыть о своемъ безпокойствіи.

Вскорѣ по возвращеніи Князя *Бурносила* въ Болгары Государь оказалъ мнѣ честь возвысить меня въ первые свои бояра; долгъ и благодарность прилѣпили меня навѣкъ къ пользамъ и намѣреніямъ моего Монарха. Оный удостоилъ меня всей своей повѣренности, а я употреблялъ всевозможное стараніе и хитрости отвращать намѣренія *Бурносиловы*, кои ослабленнаго старостію родителя его повергали въ страхъ.

Во время всѣхъ таковыхъ движеній Князь *Сердолюбъ* пребываетъ спокоенъ, и мнитъ, что его щастіе волею его родителя совершенно утверждено; и что никакое препятствіе не можетъ лишить его наслѣдованія престолу, когда уже во всей Болгаріи эту честь ему отдаютъ. —— ——

Въ таковомъ-то положеніи, сказалъ *Станобой*, находится нынѣ Дворъ Болгарскій, и на семъ-то должны мы основать

всѣ

всѣ наши намѣренія. *Зименъ*, выслушавъ съ великимъ вниманіемъ его повѣствованіе, сказалъ: я усматриваю, что нравъ Княжича сего для намѣреній нашихъ полезенъ; я примѣчаю также, что сердце его легко можетъ покориться любви и честолюбію. Чего не можемъ мы ожидать, когда соединимъ въ немъ обѣ сіи страсти? Но какъ сдѣлали вы мнѣ описаніе о своемъ Дворѣ, учиню я краткое начертаніе и объ нашемъ.

Король Агафирскій отъ супружества съ сестрою моею имѣетъ двухъ дочерей, которыя по силѣ утвержденнаго всемъ народомъ закона состоятъ наслѣдницами короны; понеже Королева не родитъ уже четырнатцать лѣтъ: нѣтъ по тому надежды къ рожденію другихъ наслѣдниковъ. Младшая изъ Королевенъ, по имени *Зарина*, едва только выступивъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, оказываетъ въ себѣ отмѣнную острошу и живость разума; но *Серцерада*, старшая ее тремя годами сестра, также остроумна и оказываетъ въ себѣ великія способности. Не предстоитъ мнѣ нужды въ описаніи красошы ея; вы можете разсмотрѣть оную въ семъ портретѣ, писанномъ славнѣйшимъ Еллинскимъ живописцемъ, и которой получилъ я отъ сестры моей.

Станобой взялъ портретъ изъ рукъ *Зименовыхъ*, и разматривалъ оной съ вели-

кимъ удивленіемъ. Симъ прекраснымъ орудіемъ, сказалъ *Зименъ*, хочу я возпалить любовь въ вашемъ Князѣ, когда притомъ подамъ ему несомнительную надежду къ наслѣдованію престола, къ которому онъ нынѣ единственное оказываетъ стремленіе.

Въ ту минуту принесли къ *Станобою* письмо отъ богатаго купца Агафирскаго, съ которымъ имѣлъ онъ торговую переписку; онъ прочелъ и вскричалъ: о Небо! какое печальное извѣстіе! — Что такое васъ поражаетъ? спросилъ *Зименъ*. Самое то письмо, отвѣчалъ бояринъ, которое больше до васъ, чѣмъ до меня касается; я не осмѣлюсь почти показать онаго вамъ. — Ахъ! не скрывайте отъ меня ничего; когда уже единожды (продолжалъ *Зименъ*] мысль занята ненавистію и мщеніемъ, и когда кто свергнутъ съ высочайшей степени величія чиновъ въ прахъ и грязь, того ничто уже поражать не можетъ. — Такъ, отвѣчалъ *Станобой*, вы конечно окажете себя нечувствительнымъ, когда извѣстіе это васъ не тронетъ. *Зименъ* взялъ письмо изъ рукъ его и челъ слѣдующее:

„ Нынѣ находятся здѣсь всѣ въ таковомъ смятеніи, что я не могу послать „ къ вамъ никакихъ щетовъ. За три дни „ предъ симъ Королева, выѣзжая прогуливатся,

„ ся, разбита съ горы лошадьми; при чемъ
„ колесница опрокинулась, Королева при томъ
„ получила столь жестокой ударъ, что три
„ часа спустивъ, отъ онаго скончалась. Съ
„ того времени Король находится внѣ себя,
„ и не оказываетъ инаго движенія, развѣ
„ когда впадаетъ въ бѣшенство, которое
„ не прежде его оставляетъ, какъ дочь его
„ *Серцерада*, неотступно при немъ находя-
„ щаяся, употребитъ нѣжныя старанія ко
„ укрощенію его. Сія удивленія достойная
„ Королевна, имѣющая больше способности,
„ нежели бы по лѣтамъ ея требовать мож-
„ но, обращаетъ примѣчаніе свое и на дѣ-
„ ла Государственныя, не терпящія отсроч-
„ ки, между тѣмъ, какъ другія остаются
„ внѣ дѣйствіи къ великому вреду Королев-
„ ской особы. Мѣсто Государственнаго пра-
„ вителя еще не занято, и одинъ изъ лю-
„ бимцевъ Королевскихъ управляетъ только
„ должностію онаго. Здѣсь совсѣмъ не из-
„ вѣстны о произходящемъ съ прежнимъ пра-
„ вителемъ, который оставилъ дѣла въ та-
„ ковомъ безпорядкѣ, что почти попра-
„ вить не льзя. Мы претерпѣваемъ очень мно-
„ го и воздыхаемъ подъ бременемъ. Въ та-
„ ковыхъ печальныхъ обстоятельствахъ про-
„ стите мнѣ, что я молчу. Челомъ бью предъ
„ вашимъ высокимъ достоинствомъ. — и про-
„ чая."

Должно признаться, сказалъ *Зименъ* воздохнувъ, что это случай жестокой. Королева сестра моя достойна была лучшей участи; я сожалѣю объ ея кончинѣ. Однакожь произшествіе это полезно для нашего намѣренія; чрезъ оное получаю я больше свободы, и нещастіе, изобрѣтенное мною моему неблагодарному отечеству, не столько будетъ безпокоить сердце мое. *Становой* столько изумленъ былъ хладнокровіемъ жестокаго *Зимена*, что естьли бы не требовали Государственныя пользы, конечно оставилъ бы сторону злаго сего человѣка.

Начнемъ опять съ того мѣста, сказалъ *Зименъ*, гдѣ мы остановились. Самой тотъ любимецъ, которой ничто иное былъ, какъ подлый невольникъ, привелъ меня у Короля въ немилость; когда не получилъ онъ великую сумму денегъ, выпрошенную имъ у Короля, началъ онъ стараться о мщеніи мнѣ. Я сдѣлалъ представленіе въ разсужденіи безпорядка великихъ жалованій, и оное тогда было принято. Корыстливый любимецъ, видя себя обманута въ надеждѣ, клялся меня свергнуть, и трудяся въ томъ тайно, получилъ успѣхъ. Меня лишили даже способовъ къ оправданію. Однакожь это дѣло прошедшее, должно помышлять о поправленіи онаго, и къ тому

я въ двухъ словахъ покажу средства, кои кажутся мнѣ быть вѣрнѣйшими.

Серцерада, племянница моя, продолжалъ *Зименъ*, чрезъ кончину родительницы своей учинилась законною наслѣдницею Агафирской короны; должно не упуская времени сватать оную за котораго нибудь изъ вашихъ Княжичей. Естьли дѣло кончится добрымъ образомъ, желаніе *Бурносилово* совершится, и старой Князь вашъ успокоится: но когда въ противномъ случаѣ отказъ получимъ (чего я по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ тотчасъ объявлю, ожидаю), тогда причина къ войнѣ, и можно вооруженною рукою истребовать согласіе Короля Агафирскаго и его дочери. Много есть причинъ къ оправданію таковаго предпріятія, но прежде всего надлежитъ стараться о томъ, чтобъ *Бурносилъ* влюбился въ *Серцсраду*. Когда это удастся, не останется сомнѣнія о добромъ успѣхѣ. — Испытаемъ, сказалъ *Станобой*; однако сомнѣваюсь *я*, чтобъ сердце его могли побѣдить ея прелести.

Разположеніе и мѣры *Зименовы* казались *Станобою* очень хорошими; но онъ разсматривалъ разположеніе это лишь съ поверьхности. Я извѣщу о семъ, сказалъ онъ съ удовольствіемъ, моему Государю, и надѣюсь, что онъ будетъ на то согласенъ; но прежде

де нежели что либо предпріиму, должно мнѣ удостовѣриться. Старый Князь обрадовался, нашедъ предлогъ къ удаленію сына своего *Бурносила* отъ Двора Болгарскаго; онъ обѣщалъ стараться о произведеніи предпріятія сего въ дѣйство; оба Вельможи имѣли по сему дѣлу частые съ нимъ переговоры, и все было разположено.

Зимена считали тогда при Дворѣ Болгарскомъ только за иностранца, друга верьховнаго боярина ихъ, и тѣмъ больше, что скрывалъ онъ себя подъ ложнымъ именемъ *Милафа*. Оный жилъ у *Станобоя*, и только съ нимъ при Дворѣ являлся; чрезъ разумъ свой и пріятности вскорѣ онъ снискалъ знакомства, и старались снискать къ нему благосклонность Князя *Бурносила*. Въ этомъ оказались затрудненія: привязанность *Милафова* къ *Станобою* внушала въ Князя сего подозрѣніе, когда *Милафъ* осмѣлился просить у него дозволенія о тайномъ переговорѣ; ему надлежало открыться и учинить весьма опасное для себя предложеніе; однакожъ онъ сдѣлалъ оное, и смѣлость его была для него удачнѣе, нежели чаялъ.

Нѣкоторая надежда къ престолу долженствовала необходимо воздвигнуть честолюбіе сего Князя, и портретъ Королевнинъ рѣшилъ его къ тому совершенно. Изображеніе красоты поколебало его сердце; но ког-

когда бы онъ и самъ въ *Серцераду* не влюбился, пользы сына поощрили столько, что онъ *Зимену* обѣщалъ въ случаѣ щастливаго успѣху все тѣ достоинства, кои имѣлъ онъ прежде. Не станемъ медлить, сказалъ *Бурносилъ*; мы поговоримъ объ томъ съ моимъ родителемъ, и постараемся пріобрѣсти его ко мнѣ милость; за таковую высокую цѣну я на все отважусь. Прежде нежели онъ предпріялъ то, подалъ ему *Зименъ* начертаніе сего предпріятія; оное разположено было человѣкомъ остроумнымъ и краснорѣчивымъ, такъ что *Бурносилу* не чего въ немъ было поправлять: и такъ во всемъ стремленіи жару своего пошелъ онъ въ чертоги родителя своего.

Старый Князь забылъ о преступленіи сына своего, и принялъ его съ таковою милостію, что онъ былъ тѣмъ тронутъ. Онъ стыдился своей неосторожности, бросился къ ногамъ родительскимъ и живо изобразилъ свое раскаяніе. Встань сынъ мой, сказалъ ему Князь: я вѣрю, что оное произходитъ отъ сердца, и вы увидите слѣдствія моей къ вамъ нѣжности, которая удерживалась только до вашего исправленія. Послѣ таковыхъ трогающихъ обясненій между родителемъ и сыномъ совѣтовано о предстоящемъ дѣлѣ. Князь Болгарскій и сынъ его льстили себѣ неложнымъ успѣхомъ.

Ста.

Становой былъ въ задумчивости, и наблюдалъ глубокое молчаніе; его безпокоило припомянутое *Зименомъ*. Всемилостивѣйшій Государь! сказалъ онъ Князю: *Зименъ* мнѣ говорилъ, что Королевна можетъ возпротивиться дать свое согласіе; не повелитель Ваше Величество, чтобъ онъ въ присутствіи, Вашемъ обьяснилъ къ тому причины. Князь одобрилъ это, и *Зименъ* былъ призванъ.

ВЕЧЕРЪ LXII.

Онъ не раздумалъ открыть Князю объ обстоятельствахъ Королевны *Серцерады*. Всемилостивѣйшій Государь! сказалъ онъ, Королевна считаетъ, что обрученіе ея за Князя *Судислава* ненарушимо, когда уже за четыре года предъ симъ положено оное на мѣрѣ. Этотъ юный Князь, сынъ дальняго родственника Королевскаго, осиротѣвъ въ дѣтствѣ, взятъ ко Двору Агафирскому для воспитанія вмѣстѣ съ сею Королевскою дочерью; оная была тогда двухъ лѣтъ, а онъ пяти. Съ возрастомъ утверждалась взаимная ихъ другъ ко другу склонность, которая столько была сильна, что они ни на минуту

ту не могли разлучаться. Обхожденіе ихъ казалось невинно до совершенія Королевнѣ двѣнатцати лѣтъ; съ того времени обычаи страны нашей не позволили *Судиславу* вольно съ нею обходиться, и Король перевелъ его въ особливые покои Дворца своего для изученія въ воинскихъ и богатырскихъ упражненіяхъ.

Хотя *Серцерада* весьма зрѣлый умъ имѣетъ, но не могла привыкнуть къ отлученію своего любовника. Хотя старалась сокрывать свое огорченіе, но задумчивость ея то измѣняла. *Судиславъ* также безпокоился, и воздыхалъ объ одной только *Серцерадѣ*. Таковое постоянство тронуло Короля; онъ ускорилъ ихъ соединеніемъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ Князь отправился путешествовать, и препровелъ два года въ осмотрѣніи знатныхъ Славянскихъ и прочихъ Дворовъ, дабы въ это отсутствіе слабость здоровья *Серцерадина* поправилась. Повелѣніе сего роду показалось обоимъ влюбленнымъ очень строго, однакожь изъ почтенія волѣ Королевской оному подверглись.

До отъѣзда *Судиславова* брачный договоръ торжественно и со всеобщею радостію подписанъ. Любовники разставаясь, клялись другъ другу вѣчною вѣрностію. Князь отъѣхалъ подъ именемъ скрытымъ ко Двору великаго Князя Русскаго, и провелъ при

ономЪ довольное время; оттуда отправился вЪ Готфы, всюду принимаиЪ былЪ со многою почестію, а особливо, когда возвращаясь ко Двору Русскому, оказалЪ удивленія достойную храбрость на сраженіи войскЪ РусскихЪ сЪ Чудскими. Князь, ищущій славы, присталЪ кЪ рати Русской и освободилЪ военачальника оной. *СудиславЪ* вЪ войнѣ этой оказалЪ столько услугЪ Государю Русскому, что онЪ дѣлалЪ ему знаменитыя предложенія для удержанія при Дворѣ своемЪ. Первый годЪ пересыланы были очень часто гонцы между *СудиславомЪ* и *Серцерадою*, для засвидѣтельствованія взаимныхЪ знаковЪ нѣжности. НапослѣдокЪ Князь увѣдомлялЪ Королевну, что онЪ отъѣзжаетЪ изЪ Хомограда (*) вЪ ГунигардЪ, чтобЪ оттуда возвратиться ко Двору Агафирскому для соединенія сЪ нею навѣки. Было то послѣднее извѣстіе отЪ *Судислава*; сЪ того времени пересталЪ онЪ писать, и нѣтЪ обЪ немЪ ни малѣйшаго слуху. Король и и дочь его посылали развѣдывать обЪ немЪ во всѣ страны Славянскія безЪ всякаго успѣху. Однакожь это удивительное молчаніе *Судиславово*, имѣющее причиною либо смерть или невѣрность его, не могло поколебать по-

(*) Гдѣ стоялЪ этотЪ городЪ, и ГунигардЪ, видимо вЪ первой Части сихЪ СказокЪ.

постоянства *Серцерадина*. Она еще до моего отъѣзду клялась, что никогда и никому уже не отдастъ своего сердца, хотя бы вѣрное получила извѣстіе о невѣрности, или смерти *Судиславовой*.

Бракъ Королевны нашей еще не совершился. Князь *Судиславъ*, хотя бы и живъ былъ, имѣетъ безъ сомнѣнія уже другія намѣренія; и естьли мы поспѣшествуемъ сочетанію ея со внукомъ вашимъ, мы послужимъ тѣмъ какъ собственному ея щастію, такъ и всего Королевства, которое отъ слабости Короля приходитъ къ паденію. Должно, Всемилостивѣйшій Государь, возпріять оружіе, естьли получимъ отказъ вредный собственнымъ пользамъ *Серцерадинымъ*. О! вскричалъ *Бурносилъ*, я сего только щастія и желаю, чтобъ сынъ мой имѣлъ право на престолъ Агафирскій. Родитель мой! продолжалъ онъ, бросившись къ ногамъ Королевскимъ: благоволите утвердить это предпріятіе, которымъ навѣкъ возстановите твердость престола Болгарскаго, и покроете дѣтей вашихъ славою.

Князь *Болгарскій*, имѣвшій столькожъ пользъ въ произведеніи сего предпріятія, какъ и сынъ его *Бурносилъ*, повелѣлъ *Станобою* ничего не щадить къ достиженію въ томъ успѣха. Вельможа сей самъ назвался ѣхать Посломъ для сватанія за Королевну. Князь

согласился на это, но далъ притомъ разумѣть *Зимену*, туда не отправлявшемуся, чтобъ онъ всевозможно остерегался отъ опасности быть узнанъ.

Станобой прибылъ ко Двору Агафирскому: не знали причины его посольства, и приняли его съ должною честію; онъ пришелъ въ восхищеніе, увидѣвъ своими глазами красоту *Серцерадину*. Между тѣмъ сопротивлялся онъ удовлетворить любопытству ея до открытаго выслушанія и пріему; по чему допускъ его и не замедлился. Когда Посолъ на ономъ обьяснилъ свое требованіе, Король, стоявшій съ своею дочерью позади потаенной рѣшетки, велѣлъ ему чрезъ своего любимца обьяснить, что предложеніе принято быть не можетъ; для того что Королевна давно уже обручена за *Судислава*, Князя Королевской крови; заслуги сего младаго Князя и законы нашего Королевства, продолжалъ любимецъ, постановляютъ два препятствія, которыя Короля и дочь его принуждаютъ съ должнымъ почтеніемъ отказать требованію Государя Болгарскаго.

Станобой повторялъ свои требованія, но всякой разъ получалъ тотъ же отвѣтъ. Хотя ожидалъ онаго заблаговремянно, но притворилъ себя удивленнымъ и раздраженнымъ; онъ даже грозилъ, что за это по-

слѣ-

слѣдуетъ жестокое мщеніе. Однако и сіе не имѣло никакого дѣйствія. Посолъ отъѣхалъ обратно съ неудовольствіемъ; и хотя причины Короля Агафирскаго предложены были со всевозможною вѣжливостію, но не удовлетворили *Станобою*; онъ произвелъ угрозы свои въ дѣйствіе, и страна Агафирская подверглась ужаснымъ бѣдствіямъ.

Между тѣмъ, какъ *Станобой* путешествовалъ, *Зименъ*, предвидѣвшій слѣдствія посольства, старался сколько возможно пріобрѣсти себѣ благосклонность *Бурносилову*. Онъ внушилъ въ него таковое понятіе о достоинствахъ *Серцерадиныхъ*, что ему все казалось позволеннымъ, чемъ только можетъ пріобрѣсти ее своему сыну. Когда Посолъ возвратясь отдалъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ, вскричалъ *Бурносилъ*, слѣдующій жару своей страсти: нѣтъ! ничто не защититъ Агафирсовъ отъ моего мщенія; честь моя весьма въ томъ страждетъ, и я долженъ утвердительно исполнить мое намѣреніе.

Предпріятію сему никакихъ препонъ не находилось. *Станобой*, проѣзжая Королевствомъ Агафирскимъ, нашелъ все то истиннымъ, что о состояніи онаго сказывалъ *Зименъ*, и что мало супротивленія найти можно при нападеніи на оное вооруженною рукою.

Зименъ, бывъ измѣнникъ своего отечества, и ни о чемъ столько не помышлялъ, какъ о возвращенiи въ оное за тѣмъ, чтобъ его разорять, подалъ *Бурносилу* таковое начертанiе къ завоеванiю онаго, которое онъ охотно принялъ, и тѣмъ больше, что въономъ льстилось его честолюбiю и видимы были слабости его непрiятелей. Не стараясь искать къ нарушенiю мира дальнѣйшихъ предлоговъ, собрали войска. *Бурносилъ* самъ оными предводительствовалъ, и въ послѣдованiи своего сына и вѣроломнаго *Зимена*, впалъ въ королевство Агафирское, подобно быстрой все опровергающей рѣкѣ.

Нещастное это государство находилось въ страшномъ безпорядкѣ. Мѣсто государственнаго правителя было еще не занято; Король, кончиною своей супруги лишенный разсудка, попускалъ безпорядку господствовать во всей его крайности. Тамъ не было ни искуснаго Министра, ни знающаго Полководца. Одинъ только столичный городъ Велыжъ (†) былъ въ состоянiи остановить непрiя-

---

(†) Не извѣстно, гдѣ сей городъ въ Вологодской области стоялъ, и которое мѣсто изъ трехъ составляетъ его развалины: первое нынѣ видимо отъ Вологды въ 3 верстахъ при

пріятеля; но и сей нечаянно со всѣхъ сторонъ осадили Болгары. По щастію нашлись въ ономъ запасныя житницы, снабженныя съѣстными припасами, и оружница полная воинскихъ снарядовъ. Вооружили всѣхъ, даже и ремесленниковъ, и оборона сдѣлалась столькожъ храброю, какъ и продолжительною.

Бѣдствіе это, которому Королевна *Серцерада* была причиною, производило въ душѣ ея жестокія движенія. Еще и въ несовершенныхъ лѣтахъ оказала она постоянство сердца, котораго ничто поколебать не могло. Бывъ воспитана съ Княземъ *Судиславомъ* подъ надзираніемъ своей родительницы, взирала она на него всегда какъ на будущаго своего супруга, и не оскорбляя добродѣтели, чувствовала къ нему страстную любовь, которую одобрялъ и родитель ея. Бывъ же занята симъ своимъ любовникомъ, оказывавшимъ къ ней всегда вѣрность и нѣжнѣйшую страсть, предпочитала она лучше смерть, нежели впаденіе во власть *Бурносилову*.

при деревнѣ Лукьяновѣ; второе въ 90 верстахъ въ Шуйскомъ при рѣкѣ Сухонѣ; а третье отъ Вологды во 120 верстахъ при рѣкѣ Сянжемѣ, подъ имянемъ Чудимскаго Городища.

Ужасъ ея умножался съ приближенiемъ непрiятеля, и щастливые успѣхи онаго угрожали ей съ часу на часъ болѣе. Нечувствительность Короля, отца ея, къ таковому великому нещастiю, доводила ее почти до отчаянiя; однако напослѣдокъ преодолѣла она себя столько, что ободрилась. Между тѣмъ отецъ ея рѣшился самъ предводительствовать войсками; онъ оставилъ Дворецъ свой, и клялся не инако возвратиться въ оный, какъ побѣдителемъ. Онъ избралъ себѣ жилище въ сосѣдственномъ домѣ къ тому мѣсту, гдѣ производилось главное нападенiе.

Нѣсколько дней спустивъ, вознамѣрился онъ, пользуясь темнотою ночи, учинить всеобщую вылазку, и чтобъ лучше ободрить своихъ воиновъ, обѣщался онъ самъ ими предводительствовать. *Серцерада*, предвидѣвъ опасности таковаго предпрiятiя, приведена была въ ужасъ; она старалась ласками и слезами отвратить отъ того своего родителя. Я теряю все, говорила она, когда васъ утрачу. Тысячи стрѣлъ мѣтятъ въ васъ, и предчувствованiе приводитъ меня въ трепетъ.

Король остался неупросимъ. Когда Королевна по его повелѣнiю возвратилась во Дворецъ, упражнялась она съ мамкою своею *Медлиною*, женщиною добродѣтельною, въ томъ, чемъ бы отвратить ту страшную минуту,

нуту, которой ожидала. Она велѣла во всѣхъ покояхъ Дворца накласть льну, и *Медлина* въ угодность ей исполнила ея желаніе.

Цѣлыхъ три дни до вылазки препроводила *Серцерада* въ жестокой печали объ жестокой судьбѣ, удалившей ея любовника, котораго присутствіе такъ необходимо было нужно. Хотя и считала его непостояннымъ, но пребывала тверда въ своихъ клятвахъ и ждала часа, чтобъ принести себя вѣрности на жертву, естьли по нещастію Король, родитель ея, лишится жизни.

Въ войскѣ Агафирскомъ происходило движеніе: всякъ готовился. Когда часъ сраженія наступилъ, отослала Королевна всѣхъ своихъ служителей и невольницъ къ отцу своему, а сама осталась только съ сестрою своею, мамкою и сыномъ ея, по имяни *Мирадомъ*, имѣющимъ не болѣе осмнатцати лѣтъ отъ роду, но юношею рѣдкаго остроумія въ его лѣта.

Вскорѣ послышанъ былъ жалостный вопль; всюду кричали: Король убитъ! непріятели побѣдили! При страшномъ этомъ извѣстіи заперла *Медлина* всѣ двери и входы во Дворцѣ, чтобъ не вдругъ могли ворваться, и приказала сыну своему обстоятельнѣе освѣдомиться о произшедшемъ.

Король слишкомъ отважилъ свою особу, и ничто не уподоблялось храбрости Агафирсовъ, сражавшихся подъ предводительствомъ своего Государя. Хотя была ночь, но видѣли уже, что побѣда склоняется на ихъ сторону: какъ вдругъ непріятельская стрѣла попала Королю въ самое сердце и повергла онаго мертва. Смерть его тотчасъ отмщена была страшнымъ посѣченіемъ множества Болгаровъ, но превозходныя силы непріятелей принудили отступить храбрыхъ Агафирсовъ. Когда таковымъ образомъ Князь *Бурносилъ* имѣлъ побѣду въ рукахъ своихъ, и о завоеваніи своемъ удостовѣрился, желалъ онъ пощадить кровь новыхъ своихъ подданныхъ. Повелѣлъ по тому даровать жизнь всякому, которой положитъ оружіе. Однакожъ спасенію Агафирсовъ служило болѣе утомленіе Болгаровъ, чемъ милость новаго ихъ Монарха. *Бурносилъ* имѣлъ свое вшествіе въ городъ, подтвердивъ прежде своимъ Военачальникамъ всячески не допускать до грабежу. Обыватели получили повелѣніе не выходить изъ домовъ своихъ, въ которыхъ имъ не оказано будетъ никакого озлобленія.

По отданіи таковаго великодушнаго повелѣнія, шествовалъ онъ во Дворецъ покойнаго Короля: какъ вдругъ внутри покоевъ Королевенъ сдѣлался столь сильный пожаръ,

жаръ, что не можно было онаго утушить. Все зданіе это сгорѣло, и подъ кучами пепла не нашли, кромѣ малыхъ остатковъ того платья, въ которомъ Королевны въ тотъ день одѣты были.

Огорченіе новаго Государя и изумленіе при семъ страшномъ видѣ были неописанны, когда разсуждалъ онъ о чрезвычайномъ намѣреніи *Серцерадиномъ*, которая не токмо изъ ненависти къ нему пожертвовала самой собо, но сожгла вмѣстѣ съ собою сестру свою *Зарину* и свою мамку.

Таковое странное и невѣроятное приключеніе внушило въ *Бурносила* подозрѣніе о ихъ бѣгствѣ; онъ считалъ, что пожаръ произведенъ только къ сокрытію онаго; и велѣлъ всячески стараться объ нихъ провѣдывать: но не открылось ни малаго къ тому слѣду. Стонаніе умножилось всюду, и вся страна Агафирская при жалостномъ воплѣ и всеобщемъ уныніи должна была присягнуть въ вѣрности своему завоевателю.

Когда *Бурносилъ* удовлетворилъ своему честолюбію завоеваніемъ таковаго сильнаго королевства, старался онъ пріобрѣсти сердца новыхъ своихъ подданныхъ кротостію. *Зименъ*, всюду слѣдовавшій за нимъ, умѣлъ своею ревностію и стараніями возстановить всеобщее спокойсшво для собственныхъ

ныхъ своихъ выгодъ; послѣ того успокоилъ всѣ области, послѣдовавшія примѣру столицы; всюду признали *Бурносила* законнымъ обладателемъ престола, когда уже не было къ оному наслѣдниковъ; ибо поколѣніе Королей ихъ пресѣклось съ смертію обѣихъ Принцессъ и Князя *Судислава*, объ коемъ столько лѣтъ не было ни малаго извѣстія.

Однакожь внутреннее это спокойство не продлилось: Король *Бурносилъ* считалъ оскорбленіемъ своего Величества, чтобъ власть *Зимена* въ особѣ Государственнаго правителя ограничивала его собственную. Для испытанія къ уменьшенію оныя возвѣстилъ онъ, что самъ имѣетъ засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ, и чтобъ Государственный правитель предъ онымъ отдалъ отчетъ о состояніи и распоряженіи Государственныхъ доходовъ. Это казалось *Зимену* смертельнымъ ударомъ; онъ старался отвратить то всякими предлогами. При семъ случаѣ позналъ онъ, что Министръ долголь, коротко ли, но бываетъ жертвою ненависти народной, когда только навлечетъ оную своимъ насильствомъ. Примиреніе народа съ нимъ было только притворное. Хотя была нужда въ его способностяхъ, но по справедливости предпочитали правленіе самаго старающагося о томъ Короля правленію вѣроломнаго Вельможи, который былъ причиною

по-

послѣдняго бунта, повергшаго въ нещастіе все королевство. *Зименъ* собралъ шайку для подкрѣпленія къ удержанію себя на прежнемъ мѣстѣ; и какъ сторону свою считалъ довольно сильною, дерзнулъ покуситься на самую жизнь своего Короля. Однако этотъ заговоръ открылся. *Зименъ* взятъ подъ караулъ и посаженъ въ темницу, въ которой имѣлъ вѣчно раскаяваться въ своихъ порокахъ; онъ умеръ въ ней, снеся во гробъ съ собою всеобщее проклятіе и ненависть. Смерть его была слабое возмездіе за столь многія преступленія; онъ могъ еще назваться щастливымъ, что имѣлъ Государя столько милостиваго, который не подвергъ его всенародной казни. *Бурносилъ*, дабы не оскорбить къ себѣ благосклонность народную, которую онъ пріобрѣтать старался, постановилъ честнаго мужа изъ Агафирсовъ на степень Государственнаго правителя, но весьма ограничивъ власть онаго.

Когда все успокоено было и надежда о возвращеніи Королевенъ совсѣмъ исчезла, началъ Король помышлять о бракосочетаніи сына своего *Закоміра*. Онъ не рѣшился еще въ томъ, куда обратить въ разсужденіи сего свои намѣренія: какъ *Закоміръ* потребовалъ у него позволенія препроводить нѣсколько дней въ томъ великолѣпномъ замкѣ, который родитель его пожаловалъ ему по смер-

ти

ти *Зимсновой*. Младый Королевичъ былъ страстный охотникъ къ звѣроловству; а къ замку его примыкалъ великій лѣсъ. Въ нѣкоторый день выѣхавъ на охоту, погнали собаки его за рысью, за которою скакалъ онъ больше десяти верстъ съ такимъ жаромъ, что лошадь его совсѣмъ утомясь, упала мертвая близъ одного сельскаго двора, находившагося въ лѣсу на великой полянѣ.

ВЕЧЕРЪ LXIII.

Закомiръ при паденiи лошади своей не получилъ никакого вреда. Съ нимъ былъ только одинъ изъ его придворныхъ, который употребилъ всѣ средства не упустить его изъ виду, когда онъ скакалъ; онъ постучалъ въ ворота, чтобъ доставить Королевичу спокойнѣшее мѣсто къ отдохновенiю; вышла къ нимъ дѣвка, которая увидѣвъ незнакомыхъ, не хотѣла оныхъ впустить. Придворный, котораго сiе раздражило, отворилъ ворота и оттолкнулъ прочь дѣвку. *Закомiръ* вошелъ въ низкую избу, и нашелъ въ оной хозяйку съ двумя молодыми дѣвушка-

ками, спокойно въ пряденьѣ упражняющихся.

Красота сихъ сельскихъ дѣвушекъ привела Королевича въ немалое удивленіе, равномѣрно вѣжливые поступки хозяйки, которая прилагала всевозможный трудъ услужить гостямъ всемъ, что въ домѣ ея находилось. *Закомiръ*, прiемомъ таковымъ весьма довольный, не таилъ о своемъ достоинствѣ. Деревенскую женщину это ужаснуло; однакожь скрыла она свое безпокойство, и продолжала свои прислуги.

Королевичь старался заводить ласковые разговоры съ дѣвушками; старшая изъ нихъ была угрюма, и показалась ему, не взирая на свою отмѣнную красоту, столько дикою, что онъ говорить съ нею пересталъ и занимался съ меньшею, которая была тремя годами моложе и не такова прекрасна, но жива и весела. Казалось, что она въ разговорахъ *Закомiровыхъ* находитъ особливое удовольствiе; однокожь она вдругъ ушла вонъ, не слушая хозяйки, которая ей повелительно приказывала остаться.

По выходѣ ея разговоръ перемѣнился, и начался съ женщиною важнѣе, причемъ оставшаяся дѣвушка совсѣмъ къ нему не приставала. Чрезъ полчаса меньшая сестра ея опять вошла и въ самое то время, когда прочiе служители *Закомiровы* прiѣхали.

Отъ

Отъ прибытія оныхъ произошло нѣкоторое движеніе, коимъ младая дѣвица возпользовавшись, сунула въ руку Королевичу свернутую бумажку, и взглядомъ своимъ дала ему чувствовать, сколько опасно ей, чтобъ того не примѣтили. *Закомiръ* примѣтилъ ея желаніе и исполнилъ ея волю. Любопытство въ таковомъ необыкновенномъ приключеніи принудило его послѣ того, какъ щедро наградилъ онъ услужливости поселянки и оставилъ ея дворъ, къ прочитанію письмеца; но окружающіе его придворные тому помѣшали, и принудили отложить до возвращенія въ замокъ. Сколько велико было его удивленіе при чтеніи онаго! онъ перечитывалъ разъ до трехъ, и разсуждалъ, не должно ли ему возвратиться въ тотъ сельской дворъ для изустнаго удостовѣренія въ слышанномъ. Одна только недовѣрчивость, подаваемая ему веселымъ и шутливымъ нравомъ молодой дѣвушки, отъ того удерживала его; онъ заключилъ донесть сперва родителю своему о таковомъ важномъ дѣлѣ, посовѣтовать съ нимъ и принять его повелѣнія.

Рѣшившись таковымъ образомъ, объявилъ онъ, что немедленно отъѣзжаетъ въ городъ. Ночь была очень темна, а столица въ немаломъ отстояніи. Сколько онъ ни поспѣшалъ, однакожъ не засталъ своего родителя, предпріявшаго шествіе пѣшкомъ по

объ-

обѣщанію въ капище, состоявшее близъ Кубенскаго озера. Онъ принужденъ ждать его возвращенія, и между тѣмъ протекло очень много времени.

Какъ скоро Король возвратился, *Закомиръ* пошелъ къ нему, и изпросивъ удалиться въ его кабинетъ, показалъ ему письмо младой поселянки. Король съ несказаннымъ изумленіемъ читалъ въ немъ слѣдующее:

Королевичу *Закомиру*.

„Благосклонность, которою вы меня почтили, даетъ мнѣ право думать, что можетъ быть согласитесь вы исторгнуть „меня изъ бѣднаго состоянія, въ которомъ „меня видѣли. Признаюсь вамъ, что оное „причиняетъ мнѣ давно уже чрезмѣрную „скуку. Присутствіе ваше сдѣлало мнѣ оное „совсѣмъ несноснымъ. И такъ исторгните „меня изъ рабства, въ которомъ сестра моя „Королевна *Серцерада* уже два года меня „содержитъ. Вы пріобрѣтете чрезъ то вѣчную благодарность Королевны *Зарины*, „которая слишкомъ отважилась, прибѣгая „къ вашему великодушію.“

Ахъ! какое щастливое извѣстіе, сказалъ Король своему сыну, возвращая ему письмецо, когдабъ только было оное вѣроятно! Нѣтъ! я очень сомнѣваюсь. Слишкомъ два года прошло со времени моего завоеванія, какъ

бы могли Королевны отъ поисковъ моихъ укрыться? Можетъ быть, сказалъ *Закомiръ*, низкiй родъ жизни ихъ отъ того укрылъ; однакожъ мнѣ кажется, что не должно медлить обстоятельнѣйшимъ развѣданiемъ. Это правда, сказалъ Король; я помышляю о томъ, какъ бы лучше привезти сюда сихъ Королевенъ. Естьли крестьянская дѣвушка насъ не обманула, слѣдуетъ это дѣло возложить на жену Государственнаго правителя, какъ на знатнѣйшую госпожу въ королевствѣ; но какъ не достовѣрно еще, въ самомъ ли дѣлѣ это Королевны, назначиваю я къ тому *Зелину*, жену верьховнаго нашего конюшаго; она женщина разумная, и можно это ей повѣрить. Отправьте ее въ собственной вашей колесницѣ, въ прикрытiи тритцати человѣкъ тѣлохранителей.

Закомiръ исполнилъ повелѣнiя своего родителя, и удовлетворяя притомъ сильному побужденiю своего сердца. *Зарина* произвела въономъ сильное впечатлѣнiе; а онъ предался нѣжному сему чувствованiю, узнавъ о высокой ея природѣ.

Между тѣмъ, какъ учреждали распоряженiя о возвращенiи Королевенъ ко Двору, въ сердцахъ ихъ происходили различныя движенiя. Какъ скоро *Закомiръ* отъѣхалъ, отошла *Серцерада* съ *Медлиною* своею мам-

мамкою, одѣтою по деревенски, къ сторонѣ, и сказала ей: Сестра моя измѣняетъ намъ; она открыла тайну нашу чрезъ письмецо, которое она, какъ я видѣла, сунула въ руку Королевичу *Закомiру*; предварим скорымъ отъѣздомъ слѣдствiя ея вѣроломства. —— Я завишу отъ вашихъ повелѣнiй, отвѣчала *Медлина*, и готова за вами слѣдовать; но чтобъ удостовѣриться въ таковой важной вещи, кажется мнѣ, что нужно выспросить о семъ у вашей сестрицы. Призвали оную; робость ея и краснѣнiе подтвердили ея поступокъ, но она вскорѣ оправилась и призналась, что принудило ее къ тому желанiе возвратиться на высокой степень ея природы, и что открылась она Королевичу *Закомiру* въ той надеждѣ, что онъ на ней женится.

Когда не осталось больше сомнѣнiя о предстоящей опасности, пораженная тѣмъ *Серцерада* заключила потребовать совѣту у *Зовустаны*, престарѣлой и добродѣтельной госпожи, давно уже отъ Двора удалившейся. Оную просила Королевна о вспомоществованiи въ ея бѣгствѣ и доставленiи ей безопаснаго пристанища. Замокъ этой госпожи не слишкомъ былъ удаленъ отъ ихъ жилища, и надлежало слѣдовать къ оному узкою стежкою сквозь лѣсъ.

Намѣреніе въ тайномъ удаленіи изъ сего мѣста нанесло надеждамъ *Зарины* жестокой ударъ; она противилась тому такъ упорно, что *Серцерада* принуждена была, схвативъ ея руку, волочь съ собою.

Зовустана слышала уже, что Королевичь былъ уже въ хуторѣ, ко владѣнію ея надлежащемъ, и находилась отъ того въ великомъ безпокойствѣ; о чемъ открыла и *Серцерадѣ*. Послѣ чего заперли *Зарину* въ особливомъ покоѣ, чтобъ тѣмъ безопаснѣе было имъ совѣтовать. Сдѣлано много предложеній; но какъ всѣ оныя были не по вкусу нещастной *Серцерады*, видѣла себя принужденною *Зовустана*, представить ей ясно бѣдствія, которымъ можетъ она подвергнуться въ своемъ бѣгствѣ; но мужественная *Серцерада* была непоколебима. Государыня! сказала ей престарѣлая госпожа: судьба ваша повергаетъ меня въ жесточайшую печаль; выслушайте меня терпѣливо, и позвольте предложить, что отъ васъ самихъ зависитъ взойти со славою на престолъ, законно вамъ надлежащій; выслушайте меня безъ гнѣва и не прерывая словъ моихъ. *Серцерада* позволила ей, и *Зовустана* ободрясь, говорила:

Король *Бурносилъ* совсѣмъ объятъ славою о вашемъ разумѣ и красотѣ, и не прежде отложилъ надежду сочетаться съ вами, какъ

какъ истоща всѣ средства къ сысканію васъ; кажется еще поднесь, что онъ уповаетъ когда нибудь васъ найти; онъ сочтетъ за великое щастіе раздѣлить съ вами тотъ скипетръ, которой уступили вы ему своимъ бѣгствомъ. Повѣрьте мнѣ, возлюбленная Королевна, что я въ намѣреніяхъ его удостовѣрена. Не излишнее ли то постоянство, когда, такъ сказать, осмѣлюсь прилѣпляться къ Князю, которой естьли и живъ, но безъ сомнѣнія забылъ объ васъ? И сверьхъ того, продолжала она слезясь, оба странствованія моего сына и столько прилѣжныя его освѣдомленія недостаточны ли были уничтожить вашу надежду? Ахъ, Государыня! можете ли вы по единому воображенію осуждать себя къ препровожденію лучшихъ лѣтъ вашихъ въ состояніи, природѣ вашей неприличномъ? Рѣшись, Государыня, сочетаться съ Королемъ *Бурносиломъ*; а сестра ваша да изберетъ себѣ въ супруги сына его *Закоміра*; тѣмъ все поправится, и вы съ великою честію вступите въ отечественное наслѣдіе. —— Боги! вскричала *Серцерада*: съ честію!... Можно ли это сказать? Нѣтъ *Зовустана*, хотя бы я и забыла возлюбленнаго моего Князя, за котораго родители мои ненарушимо меня обручили, но никогда я не могу сочетаться съ убійцею моего родителя и незаконнымъ хищникомъ его пре-

 стола,

стола, которой безъ сомнѣнія по тому только и сватался за насъ, чтобъ насытить безмѣрное свое честолюбіе. Припишите, продолжала она, нѣжной и чистосердечной моей къ вамъ любви, что я имѣла терпѣніе предложеніе твое выслушать.

Зовустана оробѣла и не смѣла больше настоять. Она старалась укротить досаду своей *Королевны* повиновеніемъ въ исполненіи ея воли. *Зовустана* имѣла брата, служившаго первосвященникомъ въ славномъ капищѣ Дажбовомъ (*). Сей храмъ, какъ священное убѣжище, въ которое безъ согласія верьховнаго жреца никто изъ человѣковъ входить не могъ, назначила она убѣжищемъ *Серцерадѣ*, которая и приняла оное съ благодарностію. *Серцерада* одѣлась въ платье отсутствовавшаго сына *Зовустанина*, тожъ сдѣлала и *Медлина*; но *Зарину* не могли уговорить слѣдовать за своею сестрою. Оная увѣрена

(*) Дажбо, или Дажба, по толкованію Славянскаго реченія, есть богъ даятель. Славяне покланялись оному во всѣхъ своихъ странахъ, и считали онаго подателемъ плодовъ земныхъ. Лѣтописи свидѣтельствуютъ о низверженіи сего Кумира въ Кіевѣ, во время крещенія Владиміра великаго.

увѣрена была, что *Закомiръ* прiѣдетъ исторгнуть ее изъ бѣднаго жилища. Таковому препятствiю также способствовало великодушiе *Зовустанино*, которая для облегченiя *Серцерадина* бѣгства заключила съ *Зариною* остаться въ своемъ хуторѣ, какимъ бы опасностямъ ни подверглась по случаю выспрашиванiя у ней о убѣжищѣ *Серцерадиномъ*; она клялась, что тайны сей не исторгнутъ изъ ней никакiя мученiя.

По щастiю тайна сего убѣжища осталась неизвѣстною Королевнѣ *Заринѣ*. Сестра ея отправилась въ сопутствiи *Медлины* своей мамки и сына оной *Мирада*, хранившаго непоколебимое усердiе. *Зарина* не осталась довольною, что жила уже не въ хижинѣ; она объявила *Зовустанѣ*, что въ тотъ же день слѣдуетъ туда для ожиданiя письма отъ Королевича. *Зовустана*, рѣшившаяся на все и видѣвшая, что дѣлать больше не чего, согласилась на ея желанiе. Они прибыли въ хижину, и дожидались присылки до другаго дни; что *Заринѣ* приключало великое безпокойство. Напослѣдокъ прибыла колесница. Какъ скоро стукъ оной послышанъ, *Зарина* бросилась съ двора, бѣжала на встрѣчу *Зелинѣ*, за нею прибывшей, и безъ околичностей вскочивъ въ колесницу, сѣла съ нею. Ступайте обратно, кричала она возницѣ; я Королевна *За-*

рича; вы должны мнѣ повиноваться. Нѣтъ, сударыня! сказала *Зелина*, удивленная дерзостію; я имѣю особливыя повелѣнія отъ Короля, которыя должна исполнить; послѣ чего обратясь къ подшедшей *Зовустанѣ*, продолжала: вы ли хозяйка сего дому, и есть ли у васъ другая дочь? Мнѣ приказано привезти оную съ обѣими ея дочерьми ко Двору. — Я заступаю ея мѣсто, отвѣчала *Зовустана*, и не могу вамъ сказать, гдѣ она съ старшею своею дочерью; они за нужное нашли удалиться: я открываю вамъ и то, что они открыли мнѣ о своемъ убѣжищѣ, но ничто не подвигнетъ меня измѣнить имъ. Я сказываю вамъ о семъ напередъ, чтобъ вы могли донести Королю. Какъ же здѣсь находится одна изъ дочерей ея, и вы можете оную взять съ собою: то мнѣ позвольте возвратиться въ мой домъ, въ которомъ всегда меня сыскать могутъ, когда понадоблюсь; ибо я никуда изъ онаго не отлучаюсь.

Зелина, услышавъ это, пришла въ недоумѣніе. Ей предписано было привезти съ собою поселянку, но *Зовустана* была не она и не та, кою Королевичь видѣлъ. Она, бывъ убѣждена откровенностію *Зовустаны*, и наслышавшись о добродѣтеляхъ ея при Дворѣ, не похотѣла принуждать ее; *Зовустана* возвратилась домой въ ожиданіи могущаго случиться впредь.

Между

Между тѣмъ *Зарина* въ чрезмѣрной радости продолжала путь къ столицѣ, и оказывая жестокое нетерпѣніе. Нравъ сей Королевны былъ горячь и неумѣренъ. Любовь, овладѣвшая ея мыслями, принуждала ее ускорить принесеніемъ благодарности Королевичу за освобожденіе изъ неволи. Причины сіи возбуждали въ ней сильныя движенія, кои оказывались и въ ея дѣйствіяхъ.

По достиженіи въ Велыжъ, *Зелина* по особливому Королевскому повелѣнію проводила *Зарину* въ сосѣдственный ко Дворцу домъ до торжественнаго введенія ея наутрѣе въ чертоги Королевскіе. Таковая отсрочка привела *Зарину* почти въ отчаяніе, отъ котораго трудно было ее успокоить. *Зелина* велѣла донести Королю о своемъ возвращеніи, велѣла также переодѣть Королевну изъ ея сельскаго платья; удовольствіе оной о таковомъ нарядѣ заняло ее на нѣсколько времени, которымъ возпользовавшись *Зелина*, пошла отдать Королю отчетъ въ своей поѣздкѣ.

Бурносилъ огорченъ былъ бѣгствомъ *Серцерады*, и тотчасъ отправилъ одного изъ своихъ чиновниковъ по *Зовустану*, опасаясь, чтобъ оная не скрылась. Въ разсужденіи же нетерпѣливости *Зарининой*, описанной *Велиною*, обѣщалъ онъ перевезти ее

во Дворецъ по наступленіи ночи для избѣжанія народнаго волненія.

Возвратившаяся *Зелина* нашла Королевну, великолѣпно одѣтую и притомъ прелестну. Государыня моя! сказала *Зарина*, ее увидѣвъ, когдажь увижу я Короля? — Ваше Высочество! отвѣчала *Зелина*, онъ въ таковомъ въ разсужденіи сего нетерпѣніи, какъ и вы теперь кажетесь. — А *Закомiръ* что дѣлаетъ? продолжала она закраснѣвшись. Я не имѣла чести его видѣть, отвѣчала *Зелина*, и не знаю, извѣститъ ли его Король о прибытіи вашемъ до свиданія съ вами. — Нѣтъ! подхватила Королевна, я должна увѣдомить его изъ благодарности за его обо мнѣ стараніе; и есть ли бы ты отходя потребовала моего совѣту, я конечнобъ тебѣ о семъ приказала. *Зелина* не могла надивиться ея гордости и предвидѣла, чего отъ таковаго нраву ея навсегда ожидать будетъ должно.

Въ назначенное время Королевна *Зарина* сѣла въ присланные носилки, и тайно отнесена въ чертоги, во Дворцѣ для ней назначенные, гдѣ Король ее уже ожидалъ. Разговоръ сначала былъ со стороны Королевны очень почтителенъ; она искусно отвѣчала на похвалы, приносимыя ей Королемъ; но вдругъ открыла она свое безпокойство.

Король

Король примѣтилъ это, и желая предварить ея желанія, сказалъ: не имѣете ли вы мнѣ чего приказать? Всемилостивѣйшій Государь! отвѣчала она съ замѣшательствомъ, не огорчила ли я чемъ Королевича вашего сына, что не имѣю щастія видѣть его для принесенія ему должной благодарности? Онъ единственно пріобрѣлъ мнѣ ваше благоволеніе, и можно ли мнѣ быть непризнательною за таковое великое одолженіе?

Мой сынъ, сказалъ Король, довольно щастливъ, что достигъ въ то мрачное мѣсто, въ которомъ вы скрывались, и очень довольно уже за то награжденъ. Между тѣмъ для меня желаніе ваше его увидѣть весьма пріятно; онъ самъ горитъ нетерпѣніемъ вамъ понравиться: и для того считаетъ минуты, отсрочивающія часъ, въ который предъ васъ предстать ему будетъ позволено. Король послалъ по томъ извѣстить Королевича, и занимался между тѣмъ политическими извиненіями предъ Королевною въ причинахъ, побудившихъ его завладѣть Агафирсами, кои были очень сухи; но по щастію *Зарина* не имѣла вниманія къ словамъ его, и поглядывала къ дверямъ. *Закоміръ* вошелъ вскорѣ.

ВЕЧЕРЪ LXIV.

Зарина закраснѣлась, его увидѣвъ, и подошла къ нему; *Закомiръ*, бросившись предъ нею на колѣно, сказалъ: вы видите, Свѣтлѣйшая Королевна, сколько стыжусь я отъ того проступка, что не отдалъ вамъ надлежащаго почтенiя, когда нашелъ васъ въ бѣдномъ убѣжищѣ; извините моему незнанiю. - - - *Зарина* поднявъ его, отвѣчала: я столько напротивъ вамъ обязана, что помышляю только о средствѣ, чемъ освободиться изъ моего къ вамъ долгу. —— Прекраснѣйшая Королевна! сказалъ онъ; я знаю весьма славное къ тому средство, которое зависитъ только отъ согласiя вашего и моего родителя. Соблаговолите только одобрить ту нѣжнѣйшую страсть, которую влiяли вы въ мое сердце къ вамъ, въ первой разъ, когда я васъ увидѣлъ. Да! продолжалъ онъ, хотя простыя одежды скрывали васъ, но я нашелъ васъ столько прелестною и единственно тою особою, которая можетъ учинить меня благополучнымъ. Не раздражись, прекраснѣйшая *Зарина*, таковымъ признанiемъ, въ которомъ уже осмѣлился я признаться моему родителю.

Ко-

Королевча, предложенїемъ таковымъ приведенная въ восхищенїе, взирала на Короля, какъ бы вопрошая, согласенъ ли онъ. Примѣтившїй это *Зуриносль*, сказалъ: я не могу опорочивать намѣренїй моего сына, и отъ васъ только зависитъ приступить къ онымъ. *Зарина*, ободренная согласїемъ Королевскимъ, призналась чистосердечно, что Королевичь ей нравится, что остается Королю ею разполагать, и что она сочтетъ себя щастливою, когда онъ заступитъ мѣсто ея родителя. Король соотвѣтствовалъ на это всевозможными знаками нѣжности, и бракъ въ тожъ время заключенъ, но положено только до времени оный не обнародовать.

Вечеръ уже изтекалъ. Король и сынъ его оставили *Зарину* для успокоенїя; но сонъ убѣгъ отъ глазъ ея. *Зелина* осталась съ нею, сдѣлалась ея повѣренною; для того что никого другихъ не имѣла. *Зарина* препроводила остатокъ ночи размышленїями о своемъ щастїи, не безпокоясь о состоянїи сестры своей, которой упрямство она осуждала.

Въ слѣдующее утро госпожи, назначенныя отъ Короля ко Двору ея, принесли ей почтенїе свое. Она приняла ихъ съ гордостїю и считала, что она знаками милости можетъ себя унизить; она едва приняла на

себя

себя трудъ нѣсколько словъ имъ въ отвѣтъ сказать. Нашли, что она въ двулѣтнее свое отсутствіе стала прекраснѣе; что много выросла и имѣетъ очень много пріятностей. Естьли бы только нравъ ея согласовался съ наружнымъ видомъ, возвращеніе ея произвело бы всеобщую радость. Но радость эта была кратковременна! *Зарина* высокомѣріемъ своимъ произвела то, что ее больше боялись, нежели любили; и когда о бракосочетаніи ея съ Королевичемъ обнародовали, горесть объ отсутствіи *Серцерадиномъ* умножилась по тому, что ея разумъ и снизхожденіе не выходили ни у кого изъ памяти.

Одна госпожа, по имени *Лелина*, нашла милость въ очахъ *Зарининыхъ*. Оная была не много ее постарѣе, и прямо рождена для придворной жизни; притомъ же услужлива, лукава и умѣла притворяться. Она вела себя всегда такъ, какъ должно для пріобрѣтенія щастія и милости Королевниной. Имѣла она таковую удачу, что *Зарина* удостоила ее полной довѣренности, и открыла всѣ свои тайны.

По прибытіи Короля и его сына женщины изъ почтенія удалились. По нѣкоторыхъ привѣтствіяхъ Король сказалъ *Заринѣ*: я испрашиваю у васъ вновь подтвержденія даннаго сыну моему слова въ удовлетвореніе
его

его нетерпѣливости и приказанія о пріуготовленіяхъ къ браку. Какъ это соединеніе составляетъ единственное на свѣтѣ для него щастіе, желаемъ мы, чтобъ оное сообразно было во всемъ вашей волѣ. —— Всемилостивѣйшій Государь! отвѣчала Королевна со скромностію, сердце мое находитъ въ семъ соединеніи столько преимуществъ, что могу увѣрить о томъ, что всѣ желанія мои чрезъ то исполняются. Обрадованный тѣмъ Король, просилъ ее по томъ въ удовлетвореніе его любопытству разсказать обстоятельства ихъ побѣгу во время завоеванія. Я съ удовольствіемъ исполню повелѣніе Вашего Величества, сказала Королевна, и разскажу все, сколько мнѣ извѣстно.

При тогдашнихъ замѣшательствахъ была я столько молода, что сестра моя о тайнахъ своихъ мнѣ не открывала. Но послѣ слышала я, что при первомъ извѣстіи о прибытіи вашемъ съ страшнымъ войскомъ сестра моя опасаясь впасть въ ваши руки, не страшилась явно говорить, что въ случаѣ нещастія смерть освободитъ ее отъ того. Удивительный успѣхъ вашего оружія умножилъ ея безпокойство, и отчаяніе оказалось во всѣхъ поступкахъ ея. Посвятивъ любовь и вѣрность свою единственно Князю *Судиславу*, помышляла она о приведеніи столичнаго города въ оборонительное состо-

стояніе. Почасту присутствовала она въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ, и поощряла воиновъ награжденіями. Что до мена касается, я по дѣтскимъ моимъ лѣтамъ соглашалась на все то, что мнѣ ни предлагали, и я привыкла бояться вашего имени. Сестра моя занималась всегда великими предпріятіями, и разговаривала всегда тайно съ *Медлиною*, нашею мамкою; также и сынъ этой женщины *Мирадъ*, не взирая на свою молодость, въ томъ участвовалъ; а я между тѣмъ трепетала сама, не зная отъ чего.

Въ день, назначенной отцемъ моимъ для всеобщей вылазки, которая нещастно окончилась, ласкала меня сестра моя необыкновеннымъ образомъ. *Зарина*! сказала она мнѣ, ты уже не такъ молода, чтобъ не могла понять того, что мы Королевскія дѣти должны на все отважиться для избѣжанія отъ власти тиранна, ищущаго насъ подвергнуть ненасытимому своему честолюбію. Согласна ли ты подвергнуться одной со мною участи? —— Ахъ, моя милая *Серцерада*! отвѣчала я ей, обнявъ ее; я никогда отъ тебя не отстану, и буду дѣлать, что тебѣ угодно. . . . Ты должна за мною слѣдовать, естьли можемъ; но ничего не опасайся. При наступленіи ночи за два часа до выступленія войскъ отослала сестра моя всѣхъ служителей, подъ предлогомъ

логомъ, чтобъ умножить число Королевскихъ тѣлохранителей; нашла также причину удалить и своихъ женщинъ. Мы остались одни съ *Медлиною* и ея сыномъ. Слезы не могли течь изъ глазъ нашихъ, когда услышали мы о смерти нашего родителя. Въ семъ страшномъ окаменѣніи обняла меня сестра моя, и тогда полились потоки горчайшихъ слезъ. Вскорѣ по томъ вошелъ *Мирадъ*, одѣтый поселяниномъ, и принесъ намъ старыя лохмотья для одѣванія насъ въ оныя. Я послѣдовала примѣру сестры моей, къ тому меня уговаривавшей, и одѣлась поспѣшно. По томъ *Мирадъ* взялъ наши драгоцѣнные камни, и много золотыхъ денегъ, зажегъ во Дворцѣ всѣ приготовленныя свѣчи, и повелъ насъ потайною лѣстницею до дверей темнаго и незнакомаго мнѣ погреба, въ которой мы и спустились. Онъ долго велъ насъ подземнымъ ходомъ, подъ Дворцовымъ садомъ находящимся. Тамъ оставилъ насъ *Мирадъ*, и возвратился посмотрѣть загорѣлся ли ленъ, натасканный въ наши покои. Онъ засталъ тамъ уже пожаръ, отъ коего едва могъ пробраться къ намъ обратно.

Мы продолжали нашъ путь, коимъ вышли въ лѣсъ, далеко отъ города отстоящій. Мы въ разныхъ мѣстахъ встрѣчались съ Болгарами, кои не удостоивъ насъ вниманія, не препятствовали намъ продолжать путь нашъ: и такъ безпрепят-

пятственно достигли мы въ отдаленную деревню. Я столько ослабѣла, что меня съ *Медлиною* принуждено было посадить на лошадь. — Сестра моя, имѣющая больше крѣпости, и подкрѣпляема бывъ надеждою спасенія, выдерживала всѣ трудности. Она шла бодро съ *Мирадомъ* напередъ, пока достигли мы къ *Зовустанѣ*, шествуя отъ страху лѣсными стежками. *Зовустана* вѣдала уже о нещастіи отечества, но ужаснулась, увидѣвъ насъ въ таковомъ одѣяніи и полумертвыхъ отъ утомленія; она постаралась подкрѣпить насъ пищею и успокоеніемъ.

Зовустана страшась, что мы не можемъ быть безопасны въ ея замкѣ, проводила насъ на другой день въ тотъ хуторъ, въ которомъ нашелъ насъ Королевичь. Послѣ сей великой перемѣны прошло почти уже три года; два первые провела я спокойно, какъ ребенокъ, который всякими бездѣлушками утѣшаться можетъ; но въ третій годъ начала примѣчать, что я не рождена для таковаго низкаго состоянія. Понятіе таковое приключило мнѣ смертельную скуку; я уже рѣшилась было бѣжать, какъ Королевичь предсталъ и учинился моимъ освободителемъ. Страхъ возпрепятствовалъ мнѣ объясниться съ нимъ въ присутствіи сестры моей; я выдумала написать письмецо,

и

и чаяла, что вручила оное Королевичу очень скрытно; но сестра моя то примѣтила. Какъ скоро *Закомiръ* отъѣхалъ, начали допрашивать меня съ суровостiю. Я признавалась имъ рѣшительно; сестра моя за то осердилась, и поволокла меня съ собою въ замокъ къ *Зовустанѣ*. Сколь велико было мое отчаянiе, когда отдалили меня отъ того мѣста, въ которомъ уповала я получить мою свободу! Меня заперли одну часа на два въ особливомъ покоѣ, въ которое время имѣли пеонѣ условiя. Наконецъ пришедшая *Зовустана* увѣдомила меня, что намъ должно перемѣнить мѣсто. Отъ таковаго предложенiя изчезло мое терпѣнiе, и я сказала имъ наотрѣзъ, что никогда на оное не соглашусь. Остерегайтесь, говорила я имъ между прочимъ, принуждать меня къ тому насильно, или я во всю дорогу буду кричать изъ всѣхъ силъ о помощи. *Зовустана*, испугавшись моего намѣренiя, обѣщалась проводить меня въ прежнюю хижину. Съ того времени я сестру мою не видала, и не вѣдаю, гдѣ находится она съ *Медлиною* и *Мирадомъ*.

Убѣжденная мною *Зовустана* отвезла меня на хуторъ, гдѣ препроводила я всю ночь и часть дня въ великомъ нетерпѣнiи. Напослѣдокъ прибыла колесница, и я прiѣхала сюда.

Зарина кончила свое повѣствованіе. Король и сынъ его сдѣлали еще нѣсколько вопросовъ о семъ приключеніи, и проведши день въ разныхъ комнатныхъ увеселеніяхъ, къ ночи препроводили *Зарину* въ комнаты покойной Королевы, ея родительницы.

Между тѣмъ *Зовустана* прибыла ко Двору. Король разговаривалъ съ нею наединѣ, но тщетно старался узнать отъ нее о убѣжищѣ *Серцерадиномъ*. Онъ обнадеживалъ, что намѣренія его клонятся единственно къ тому, чтобъ учинить Героиню сію щастливою; ибо считаетъ ее совершеннѣйшею Королевною на свѣтѣ: онъ обѣщалъ *Зовустанѣ* награжденія и все, чемъ убѣдить ее чаялъ. За обѣщаніями слѣдовали угрозы, но ничто не успѣло, такъ что раздраженный упорностію ея Король отославъ ее въ ея замокъ, приказавъ содержать тамъ подъ карауломъ и никого къ ней не допускать.

Скромность *Зовустанина* прогнѣвляла Короля *Бурносила*; а упрямство *Серцерадино* въ скрытіи своихъ намѣреній подавало ему ясно уразумѣвать, что недостатокъ согласія ея на бракъ *Закоміра* съ *Зариною* можетъ быть вреденъ пользамъ его сына.

Политика и вкусъ Королевскій противны были сему бракосочетанію, которое не

уни-

уничтожало права *Серцерадина* на престолъ, и щастіе *Закоміра* учиняло зыблющимся; ибо когда сія Королевна выдетъ за иностраннаго Государя, можетъ требованіе свое отъискивать и обезпокоивать государство Агафирское. Всѣ таковыя помышленія были очень важны; но любовь Королевская къ его сыну учинила, что онъ сему не противился; онъ уступилъ желаніямъ *Закоміровымъ*, коего любовь въ истинномъ щастіи ослѣпляла. *Бурносилъ*, бывъ еще не старъ, думалъ, что онъ части сихъ безпокойствъ пособить можетъ, когда, преодолѣвъ своенравіе *Серцерадино*, принудитъ раздѣлить ее съ собою престолъ, котораго по видимому навѣки она лишена. Таковыя помышленія возобновили въ умѣ Королевскомъ желанія о провѣданіи убѣжища *Серцерадина*; онъ ревностно старался поколебать постоянство ея повѣренной.

Зарина мало безпокоилась о притѣсненіи, сказанномъ *Зовустанѣ*. Она ни о чемъ больше не помышляла, какъ о *Закомірѣ*, любя онаго смертельно, и совѣтовала съ *Лелиною* о пріуготовленіяхъ къ ея свадьбѣ. День торжества сего былъ назначенъ, старались учинить пріуготовленія скоро и великолѣпно; но Король нечаянно впалъ въ жестокую болѣзнь, такъ что сомнѣвались объ его выздоровленіи, и онъ самъ примѣтилъ свою

опасность. При таковомъ изнеможенiи имѣлъ онъ однако столько предосторожности, что повелѣлъ сына своего *Закомiра* огласить Королемъ Агафирскимъ.

Это произошло безъ всякаго замѣшательства. Агафирсы, довольные кроткимъ правленiемъ Короля *Бурносила*, охотно покорились его сыну, коего нравъ обѣщалъ имъ равное щастiе. Но въ тожъ время всеобщiя желанiя народа состояли въ томъ: который еще не женился, сочетался бы вмѣсто *Зарины* съ сестрою ея *Серцерадою*; ибо первой всѣ боялись.

Закомiръ хотя сначала почувствовалъ сильную склонность къ младой Королевнѣ, коея веселый нравъ очень ему нравился; но какъ она меньше стала принуждать себя, и не скрывала радости своей о вступленiи на престолъ, такъ что не сѣтовала и о болѣзни его родителя: утратилъ онъ къ ней все почтенiе, любовь его остыла и вскорѣ совсѣмъ угасла. Сей новый Король, занятый другимъ предпрiятiемъ, лучше умѣлъ притворяться, нежели неосторожная *Зарина*. Онъ не открывался никому, и занимался единственно попеченiями о своемъ родителѣ, а по возпослѣдовавшей кончинѣ онаго оказанiемъ истинной своей печали.

Зарина напротивъ вмѣсто того, чтобъ быть печальнымъ симъ случаемъ тронутой,

и

и утѣшать новаго Короля, оставалась съ *Аслиною* въ своихъ комнатахъ, и разговаривала о своемъ щастіи. Теперь я благополучна! говорила она; теперь вижу я всѣ желанія мои исполнившимися: я выхожу въ супружество за коронованнаго любовника, отнимаю скипетръ у сестры моей и наслаждаюсь тѣмъ щастіемъ, котораго она по неосторожности своей лишилась. Радость Королевны можно было читать въ глазахъ ея, и всѣ поступки ея оную доказывали въ то время, какъ *Закомиръ* по отцѣ своемъ смертельно грустилъ и упражнялся отданіемъ ему послѣдняго долгу.

Таковое необыкновенное и неприличное поведеніе со стороны *Зарины* наконецъ совсѣмъ отвратило отъ нее новаго Короля, и вмѣстѣ съ любовію утратилъ онъ къ ней и почтеніе, коего поистиннѣ она мало была достойна. Онъ съ принужденіемъ оказывалъ ей только вѣжливости, и правленіе Государственныхъ дѣлъ, къ коему онъ въ началѣ своего царствованія прилѣжалъ съ великою ревностію, служило ему часто отговоркою убѣгать ее.

Въ сіе время вознамѣрился *Закомиръ* переговорить съ *Зовустаною*, какъ скоро возстановленіе порядка въ правленіи ему позволитъ. Между тѣмъ *Зарина* имѣла случай замѣтить къ себѣ холодность Королев-

скую. Она старалась, хотя поздно и тщетно, употреблять всю силу своихъ прелестей къ возвращенію къ себѣ любовника своего. Новый Король былъ очень печаленъ, и огорченію своему чрезъ притворство умѣлъ придать еще лучшій видъ, и ко всѣмъ ласканіямъ *Зарины* оказывалъ таковое равнодушіе, что привелъ ее въ отчаяніе. Заключеніе брака было отлагаемо со дня на день; это крайне ее безпокоило, и она проникла легко, что мысли его занимаются *Серцерадою*.

Отъ таковаго поруганія приходила она въ бѣшенство, но старалась скрывать свою досаду для улученія времени, къ отвращенію сего несноснаго ей Королевскаго предпріятія.

Тогда какъ упражнялась она въ сихъ размышленіяхъ, *Закомiръ* велѣлъ привезти *Зовустану* тайно во дворецъ свой, и оставшись съ нею наединѣ, просилъ ее съ милостію открыть о убѣжищѣ и обстоятельствахъ *Серцерады*. *Завустана* не ужаснувшись сказала Королю, что всѣ возможныя мученія не въ силахъ принудить ее измѣнить тайнѣ своей Государыни. Всемилостивѣйшій Государь! продолжала она съ удивительнымъ простодушіемъ: я останусь ей вѣрна; хотя притомъ рада бы была пожертвовать моею жизнію, когдабъ

толь-

только увидѣла ее сидящую вмѣстѣ съ вами на престолѣ ея предковъ.

Слова ея несказанно тронули новаго Короля; онъ не смѣлъ перебить рѣчей ея. Такъ, Ваше Величество! продолжала она; въ томъ состоитъ единственное мое желаніе. Королевна *Сердцерада* нравомъ своимъ въ тысячу разъ любви достойнѣе, нежели наружною красотою. Здравый разумъ господствуетъ во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, и вмѣсто того, что показалась она вамъ дикою, живость и пріятность ея обхожденія очаровываетъ. При всемъ томъ она чрезмѣрно проницательна: она умѣетъ разговоры свои такъ учреждать, что оные всякаго плѣняютъ, кто ее ни увидитъ. Она великодушна, добродѣтельна, и словомъ сказать, снабжена всѣми достоинствами. Боги произвели ее на свѣтъ для того, чтобы она служила образцемъ для равныхъ себѣ. Ахъ, Всемилостивѣйшій Государь! сколько будешь ты щастливъ, когда удостовѣрится она въ смерти *Судиславовой*; ибо когда освободится она отъ клятвъ своихъ, имѣетъ конечно столько остроумія, что не пожелаетъ хранить вѣрности къ праху своего любовника, и пропустить щастіе взойти съ вами на престолъ. Въ разсужденіи сего я признаюсь Вашему Величеству, что не понимаю, какъ вы можете предпочитать ей сестру

 ея

ея *Зарину*, съ насильствованіемъ права законной наслѣдницы; хотя бы не мѣшалъ и правъ нареченной вашей невѣсты.

Таковая ревность и длинная рѣчь вмѣсто того, чтобъ наскучить Королю, заняла всѣ его мысли, и утвердила всѣ произшедшія отъ того воображенія. Однакожь не хотѣлъ еще онъ того открыть. *Серцерада*, сказалъ онъ, конечно можетъ быть заслуживаетъ предпочтеніе; но какъ могу я оное исполнить, когда мѣсто пребыванія ея мнѣ не извѣстно? И такъ открытіемъ онаго учинитесь Королевнѣ своей полезною; я стараюсь токмо о ея щастіи. Предлогъ сей не поколебалъ постоянства *Зовустанина*. Король онымъ раздражился, и упорное сопротивленіе его оскорбило. Я умѣю тебя къ тому принудить, сказалъ онъ въ гнѣвѣ; и тотчасъ велѣлъ ее отвести въ темницу.

ВЕЧЕРЪ LXV.

Когда прошелъ первый его жаръ, повторилъ онъ въ мысляхъ своихъ все слышанное. Было то пріятнѣйшее для него упражненіе; и когда представилъ онъ себѣ прекрае-

краснҍйшій образъ, начертанный *Зовустаною*, сердце его онымъ тронулось, и обще съ великимъ почтеніемъ почувствовалъ онъ живҍйшую страсть къ сей любви достойной Королевнҍ. Онъ представлялъ ее себҍ чудомъ красоты, добродҍтели и постоянства. Помышленіе о семъ столько его тронуло, что онъ не чаялъ найти себҍ щастія, какъ въ раздҍленіи съ согласія ея той короны, кою носилъ до сего времени насильственно.

Смерть Князя *Судислава* казалась ему несомнительною, когда подтверждало оную четырехлҍтнее молчаніе. Всҍ гонцы, отправлявшіеся къ Славянскимъ Дворамъ, привозили не иное извҍстіе, что цҍлыхъ четыре года нҍтъ объ немъ никакого слуху. Чрезъ то надежда *Закомірова* возрастала; недоставало только увҍренія *Серцерады*; не зналъ онъ ни мыслей ея, ни мҍста пребыванія. Въ произшествіи сего *Зарина* старалась скрыть свои безпокойства, и подъ видомъ попеченія о исполненіи какъ Королевскихъ, такъ и собственныхъ своихъ намҍреній, помышляла о средствахъ къ доведенію *Зовустаны* до открытія тайны сестры своей. Она съ помощію *Лелины* выдумала басню, отъ коей ожидала щастливыхъ слҍдствій. Въ таковомъ пріятномъ воображеніи пошла она къ Королю, и оказавъ ему пространно огорченіе, причиняемое

ей отсутствіемъ сестры ея, равномѣрно и опасность въ томъ, когда удалится оная изъ королевства Агафирскаго, открыла ему за великую тайну, что знаетъ вѣрное средство къ побѣжденію своенравія и упорства *Зовустанина*. Король потому позволилъ *Заринѣ* итти въ темницу къ ней, не спросивъ о ея средствахъ; потому что искалъ всякихъ способовъ къ достиженію своего намѣренія. Король весьма почиталъ добродѣтели: гнѣвъ его противу великодушной *Зовустаны* обратился въ удивленіе; онъ отдалъ повелѣніе содержать ее въ довольствѣ и покоѣ. Таковая перемѣна подала хорошую надежду *Зовустанѣ*, когда съ великимъ изумленіемъ увидѣла она входящую къ себѣ *Зарину*. Моя возлюбленная *Зовустана*! сказала ей Королевна, ты одна только можешь исторгнуть меня изъ безпокойства, въ которое повергаютъ меня извѣстія, полученныя Королемъ. Въ Поморье отшелъ корабль, и есть подозрѣніе, что едва ли сестра моя на ономъ не ѣхала; ибо сказываютъ, что видѣли двухъ женщинъ, кои съ прочими погибли при разбитіи у береговъ корабля того. По списанію нахожу я въ одной изъ тѣхъ женщинъ великое сходство къ сестрѣ моей, и трепещу помышляя. Ты знаешь мѣсто ея пребыванія. Ахъ, *Зовустана*! прошу тебя изъ любви, которую я къ се-

стрѣ моей имѣю, пошли къ ней и вели освѣдомиться. Ты можешь избрать къ тому кого хочешь: я ручаюсь, что оному никакого насилія сдѣлано не будетъ; ты сама пошли его, и прими отвѣтъ. Повѣрь мнѣ любезная *Зовустана*, и обнадежь, что сестра моя жива; тогда я успокоюсь. —— О боги! сказала *Зовустана* выслушавъ, возможно ли, чтобъ столько лести употреблялось къ разрушенію моей вѣрности! А вы, Государыня! можете ли быть удобны къ таковому вѣроломству? Нѣтъ, я ожидать сего не смѣю. Я учиню, продолжала она, требуемое вами; опасность Королевны, достойной любви по своимъ добродѣтелямъ, меня безпокоитъ: прикажите послать ко мнѣ *Жирова*, перваго моего служителя.

Королевна была внѣ себя отъ радости, объ удачѣ своей хитрости, и насказала *Зовустанѣ* тысячу ласкательствъ. Она оказала нѣжное сожалѣніе о томъ, что Король ее притѣсняетъ; и чтобъ больше обмануть, хвалила постоянную привязанность ея къ нещастной Королевнѣ. Словомъ сказать, она не упустила ничего могущаго пріобрѣсть довѣренность этой добродѣтельной особы, которую искала обмануть.

Жировъ предсталъ по приказанію *Зовустанину*. Она знала разумъ его и вѣрность. Она отдала ему письмо, сдѣлавъ наставленіе,

ка-

какимъ образомъ поступать при всемъ могущемъ встрѣтиться. Служитель обнадеживъ о непоколебимомъ послушанiи отъѣхалъ, и всходность полученнаго наставленiя, сдѣлалъ великой крюкъ окольными дорогами. Однакожъ сiя предосторожность не помогла; *Зарина*, чтобы не ошибиться въ своемъ намѣренiи, по всѣмъ дорогамъ разставила лазутчиковъ, приказавъ онымъ у служителя, коего описала примѣты, отнять письмо, и впрочемъ его не остонавливать. Приказъ сей исполненъ вточности. *Жировъ*, проѣзжая лѣсъ, былъ остановленъ тремя вооруженными, коимъ не могши противиться далъ себя обыскать; а они выхвативъ письмо, его оставили и ушли въ лѣсъ.

Надпись письма того была только къ *Серцерадѣ*, безъ обьясненiя мѣста, куда послано. Лазутчики обрадовались о своемъ успѣхѣ, и помышляли чрезъ скорѣйшее доставленiе получить обѣщанное награжденiе. *Зарина*, увидѣвъ письмо, пришла внѣ себя отъ радости; но сколько огорчилась она, развернувъ и нашедъ только бѣлую бумагу! Досада ея была неописанна, и она утѣшалась только тѣмъ, что можетъ отмстить *Зовустанѣ*.

Въ произшествiи сего Король ни мало о томъ не вѣдая, велѣлъ освободить *Зовустану*. Король снизхожденiемъ своимъ думалъ

малъ обязать ее къ предстательствованію за него у Королевны *Серцерады*; онъ намѣрился просить ее доставить къ ней письмо, въ которомъ увѣрялъ о глубочайшемъ своемъ почтеніи, и клятвенно обѣщалъ ей всякую вольность, когда только откроетъ о своемъ убѣжищѣ.

Закомiръ былъ въ неизвѣстности о успѣхѣ сего покушенія; но Королевнѣ *Заринѣ* ни мало объ ономъ не открылъ, хотя и проникалъ въ непозволенныя ея намѣренія. Начальникъ мѣста, въ которомъ *Зовустана* содержалась, далъ ей свободу, и обьяснивъ прозьбу Королевскую, вручилъ письмо. Она обрадовалась, благодарила Короля за милость, обѣщалась сдѣлать все, и немедленно отправиться къ *Серцерадѣ*. Начальникъ доставилъ по требованію ея мужское платье, и все нужное къ продолженію дальняго пути, въ который она и отправилась.

Между тѣмъ *служитель* разными окольными дорогами достигъ къ капищу, и чрезъ него *Серцерада* получила первое извѣстіе о заточеніи *Зовустаны*. Вѣрный служитель узнанъ былъ верьховнымъ жрецомъ; и какъ надлежалъ сестрѣ его, вошелъ къ нему безъ докладу. Ну! какое приносишь ты мнѣ извѣстіе? сказалъ жрецъ; освобождена ли сестра моя? —— Позвольте мнѣ переговорить

на

наединѣ, отвѣчалъ служитель; мнѣ о многомъ донести вамъ должно. Жрецъ выслалъ всѣхъ; выслушалъ его слова, сдѣлалъ множество вопросовъ, доказывающихъ о великомъ его безпокойствѣ; послѣ чего повелъ его къ *Зерцерадѣ*. Оная чувствительно была тронута тѣмъ, что *Зовустана* столько для нее претерпѣваетъ, и ужасъ о томъ, что убѣжище ея можетъ быть напослѣдокъ открыто, принудилъ ее помышлять о перемѣнѣ онаго, и объ оставленіи королевства, въ которомъ претерпѣваетъ страхъ и безпокойство, до того времени, когда въ состояніи будетъ освободить оное отъ чуждыхъ.

Жировъ не осмѣлился возвратиться къ госпожѣ своей, и просилъ позволенія остаться при Королевнѣ: какъ въ самое то время вошелъ верьховной жрецъ, ведя съ собою мущину съ закрытымъ лицемъ. *Серцерада* огорчилась, что осмѣливаются впускать къ ней незнакомыхъ; но таковое безпокойство ея не долго длилось. Была то *Зовустана*, которая бросилась обнять ея колѣна. *Серцерада* внѣ себя отъ радости вскричала: ахъ; моя возлюбленная *Зовустана*! откуду ты взялась? Какое великое утѣшеніе въ моемъ нещастіи, когда вижу тебя на свободѣ! Скажи, какимъ чудомъ ты избавилась? —— Утомленная отъ труднаго пути *Зовустана*,

едва

едва могла говорить, и любопытство надлежало оставить до утра.

Въ слѣдующій день *Серцерада* у постели дожидалась *Зовустанина* пробужденія. Оная разсказала ей о всемъ произшедшемъ со времени отъѣзда ея въ капище, о всѣхъ подробностяхъ, касающихся до брака *Заричина*, остановленнаго смертію прежняго Короля. До сего времени слушала ее *Серцерада* съ удовольствіемъ; но несказанно огорчилась, узнавъ о коварствѣ и ревности сестры своей. Она не безъ причины опасалась попасться ей въ руки, и заключила не теряя времени перемѣнить жилище. *Зовустана* воспользовалась сею минутою для врученія ей письма Королевскаго. При чемъ увѣрила ее о чистосердечныхъ расположеніяхъ сего Монарха.

Королевна прочла письмо съ великимъ вниманіемъ, и подумавъ нѣсколько, сказала: любезная *Зовустана*! Король *Закомiръ* хочетъ быть великодушнымъ; онъ меньше виновенъ отца своего, и имѣетъ въ себѣ добродѣтели, кои по достоинству должна я высоко почитать. Однакожъ великія препоны насъ разлучаютъ, и, чтобъ сказать рѣшительно, до тѣхъ поръ, пока я о смерти моего возлюбленнаго Князя не буду удостовѣрена, не можетъ онъ —— —— Ахъ, Государыня! подхватила *Зовустана*, можетъ ли что быть

яснѣе

яснѣе? И четырехлѣтнее молчаніе Князя не доказываетъ ли то ясно? Позвольте мнѣ еще повторить вамъ: Князь *Судиславъ* безъ сомнѣнія не живъ; но естьли бы и здравствовалъ, не разрушаетъ ли онъ своимъ неизвинительнымъ равнодушіемъ васъ отъ всѣхъ клятвъ, коими вы обязаны. Имѣйте сами съ собою сожалѣніе, прекраснѣйшая Королевна, продолжала она, обнимая ея колѣна, не раздражайте Небо излищнимъ своимъ постоянствомъ. Не обязаны ли вы вашимъ подданнымъ, нетерпѣливо ожидающимъ вашего возвращенія? Я осмѣливаюсь вамъ представить, хотя и гнѣвъ вашъ заслужу, что вамъ необходимо надлежитъ возвратиться, для единаго усмиренія гордости сестрицы вашей —— Нѣтъ, *Зовустана*! сказала Королевна, причина сія для меня недѣйствительна; я не могу нарушить клятвъ въ удовлетвореніе моему мщенію; и вмѣсто того, чтобъ помогать разрушенію брака ея съ *Закоміромъ*, я должна оному вспомоществовать. . . . Однако подождемъ возвращенія *Мирадова*, который уже три мѣсяца отъѣхалъ для всевозможныхъ развѣдываній; я конечно рѣшусь, получивъ отъ него извѣстія.

Мало помалу разговоръ ихъ сдѣлался довѣреннѣе, и *Зовустана* не пропустила выхвалить ей нравъ Короля *Закоміра* и его чистосердечіе, и представить пользы, могущія

щія произошти государству отъ ея съ нимъ сочетанія. *Серцераду* это не поколебало; она оставалась при прежнихъ мнѣніяхъ. Однакожь таковое постоянство не мѣшало ей почасту разсуждать объ опасности своего состоянія: при чемъ воображала, что можетъ быть хранитъ она сердце свое для таковаго Князя, которой заплатитъ ей неблагодарностію. Она удивлялась необыкновенному молчанію своего любовника; естьли бы *Судиславъ* живъ былъ, мнила она, гдѣ бы нибудь объ немъ слышали. Но вдругъ мысль сія опять ее ужасала: она не могла представить себѣ его мертвымъ, что всеобщее молчаніе вкупѣ доказывало и опровергало. Иногда она досадовала и произносила жалобы; вскорѣ укоряла сама себя за подозрѣніе; но какъ ничего не сыскивала къ оправданію своего любовника, находила по крайней мѣрѣ въ извиненіе его непреодолимыя препятствія, его удерживающія.

Таковое помышленіе понравилось ей для подкрѣпленія себя въ постоянствѣ, и другихъ предвидимыхъ ею нещастныхъ приключеній. Въ странствованіи своемъ бывъ отъ всѣхъ скрыта и никому неизвѣстна, не могла она обѣщать себѣ отъ кого нибудь помощи къ возшествію на свой престолъ и возведенію на оный своего любовника, хотя бы они и соединились. Она представля-

ла себѣ, что ни одинъ Государь за нихъ не вступится, и что незаконный обладатель Королевства крѣпко утвердится наономъ, пріобрѣтя любовь къ себѣ Агафирсовъ своею кротостію, и тѣмъ желаніемъ, кое оказываетъ къ возведенію ея съ собою на престолъ.

Но всѣ таковыя размышленія не могли поколебать великодушную *Серцераду*. Всякая другая на мѣстѣ ея покорилась бы столько лестному искушенію, и приняла предложеніе Короля любви достойнаго. *Серцерада* пребыла постоянна, и сколько укоряла себя внутренно за малое поколебаніе, которое сказала наконецъ *Зовустанѣ*: ты обнадеживаешь меня, что народъ мой меня любитъ и считаетъ еще поднесь законною своею Королевою. Ахъ! естьли жестокая смерть похитила у меня моего любезнаго, то одна только любовь къ моимъ подданнымъ удобна подвигнуть меня къ намѣренію выслушать желанія Короля *Закоміра*.

При окончаніи словъ сихъ дверь разтворилась; главный жрецъ вошелъ съ *Медлиною*, державъ въ рукѣ письмо. Князь *Судиславъ* еще живъ; сказалъ онъ *Серцерадѣ*, прочтите сами. --- Письмо было отъ *Мирада*, и состояло изъ немногихъ строкъ, написанныхъ тайными характерами, кото-

рыхъ

рыхъ азбуку дала ему сама Королевна. Она приняла письмо дрожащими руками, и прочла слѣдующее:

,,Князь еще живъ и вамъ вѣренъ; я обнадеженъ въ томъ: однакожь четыре уже ,,года сидитъ онъ въ мрачной темницѣ. Я прибылъ сюда стараться о его освобожде- ,,нiи; въ чемъ надѣюсь успѣху. Не преми- ,,ну донести вамъ обстоятельнѣе, улучивъ ,,вѣрной къ тому случай.,, Гунигардъ, 9 дня ,,четвертой луны.

Серцерада, прочитавъ письмо, предалась глубокой задумчивости, и никто не осмѣливался нарушить ея молчанiя. *Зовустана*, почерпнувшая уже къ пользѣ Короля *Закомiра* надежду, и помышлявшая о томъ, какъ бы его о томъ увѣдомить, пришла почти въ отчаянiе отъ извѣстiя, принесшаго Королевнѣ таковую радость. Между тѣмъ *Серцерада* прервала свое молчанiе слѣдующимъ восклицанiемъ: нѣтъ, мой возлюбленный Князь! не справедливо я тебя обвиняла; ничто на свѣтѣ не приведетъ меня забыть о тебѣ. А ты *Зовустана*, слышавшая опытъ моей слабости! предай оный вѣчному молчанiю; сiе только избавляетъ меня отъ стыда и раскаянiя. Я пренесу мужественно всѣ бѣдствiя въ надеждѣ таковаго великаго щастiя.

Тогдашнее удовольствіе *Серцерадино* не могло бы сравниться и съ тѣмъ, когда бы ей обѣщаны были короны всего свѣта. Однакожь чрезмѣрность радости ея не мѣшала помышлять ей объ опасности впасть въ *Заринины* руки: для усовершенія моего щастія, сказала она, надлежитъ мнѣ остеречься отъ несправедливыхъ поисковъ сестры моей, которыя злоба конечно умножится, какъ скоро примѣтитъ она непостоянство *Закомірово* и его ко мнѣ склонность. Сказавъ это, она встала, вынула изъ коробочки два алмаза великой цѣны, и подавая оные жрецу, говорила: доставьте мнѣ посредствомъ сего все нужное къ отъѣзду, дабы я тотчасъ могла отправиться, получивъ обстоятельное отъ *Мирада* извѣстіе. Мнѣ должно привести себя въ безопасность отъ всякаго нападенія.

Верьховный жрецъ и сестра его употребляли все краснорѣчіе свое къ отвращенію сего предпріятія, но тщетно. Даже и *Медлина*, столько любящая Королевну, взявъ прибѣжище къ слезамъ, не имѣла въ томъ успѣху. — Я вижу, что вы не хочете мнѣ помочь, сказала *Серцерада* съ досадою; изрядно! я одна поѣду; боги защищаютъ вѣрныя сердца.

Разительныя слова сіи произвели сильное впечатлѣніе въ слушателяхъ; они преда-

дались ея волѣ. Первосвященникъ обѣщался изготовить коней и колесницу съ вѣрными и испытанными спутниками. Таковая предосторожность *Серцерадина* помогла ей въ послѣдствіи, и разположеніе жилища ея избавило ее отъ великой опасности. Успокоивъ себя таковымъ образомъ, и взявъ предосторожности на всякой случай, заключила ожидать въ капищѣ Дажбовомъ извѣстія отъ *Мирада*.

Сей вѣрный посланникъ, желая услужить своей Государынѣ, объѣхалъ многіе Дворы Славянскихъ Государей, прилагая всевозможныя старанія. Онъ, видя умножающуюся печаль своей Королевны, отъ неизвѣстности объ ея любовникѣ, самъ вызвался предпринять таковое путешествіе; и проѣхавъ Поморьемъ, Мурманіею и областью Чуди, прибылъ въ Хомоградъ, столицу Русскаго Монарха.

Тамъ на освѣдомленія свои получилъ слѣдующій отвѣтъ: Князь *Судиславъ*, извѣстный здѣсь подъ скрытымъ именемъ *Иргума*, есть человѣкъ самый любви достойнѣйшій; онъ оставилъ намъ по себѣ таковые опыты своей храбрости, что мы всегда будемъ сожалѣть объ его отсутствіи, и что онъ не согласился на желаніе нашего Государя, предлагавшаго ему въ супружество дочь свою для удержанія его навсегда при

 себѣ.

себѣ. На это сей остроумный и прекрасный Князь отвѣтствовалъ, что онъ по двадцати-четырехъ-мѣсячномъ отсутствіи уповаетъ въ странѣ своей (которую никогда не именовалъ) пріобрѣсти столько великое щастіе, которое превыситъ всѣ его желанія. Года четыре назадъ тому, какъ отъѣхалъ онъ отсюда, къ великому нашему огорченію, обѣщавъ увѣдомить насъ о своемъ щастіи; но съ того времени не имѣемъ мы объ немъ ни малаго извѣстія. Мы сожалѣли объ немъ, и разспрашиваніе ваше умножаетъ наше безпокойство: однако, какъ странствовалъ онъ изъ любопытства, то по видимому надлежало ему тогда отъ насъ отъѣхать либо къ Хвалисамъ, либо къ Гуннамъ, столицы, которыхъ привлекаютъ многихъ чужестранцевъ своимъ великолѣпіемъ и богатствомъ. Въ семъ состояло все полученное *Мирадомъ* извѣстіе. Онъ отправился чрезъ Полянію, проѣхалъ Дулебы и вступилъ въ области Гунновъ.

Въ нѣкоторый день возставшая сильная непогода принудила его попросить убѣжища въ старинномъ увеселительномъ замкѣ, при рѣкѣ Днѣстрѣ находящемся, и не въ дальности отъ столицы лежащемъ, въ которую уповалъ онъ достигнуть на другой день. Замокъ этотъ надлежалъ молодой Княжнѣ крови владѣющихъ Государей Гунскихъ,

скихъ, по имени *Златоликѣ*; престарѣлый чиновникъ въ награду за свою службу имѣлъ въ ономъ мѣсто управителя. Чиновникъ этотъ назывался *Дракомiръ*, былъ человѣкъ разумной, но болтливой. Онъ преданъ былъ больше младой Княжнѣ своей, нежели владѣющей надъ Гуннами Государынѣ; по чему и не поставлялъ за долгъ хранить тайны, касающейся до оной.

ВЕЧЕРЪ LXVI.

Мирадъ, имѣющiй нужду въ провѣдыванiяхъ, возпользовался обстоятельствомъ, и сдѣлалъ множество такихъ вопросовъ, кои довели *Дракомiра* нечувствительно предаться своей склонности. Нашей Государынѣ, говорилъ онъ, уже около тритцати лѣтъ, и она при смерти супруга своего возведена имъ на престолъ. эта Государыня имѣетъ еще довѣренность къ остаткамъ красоты своей, и старается оною побѣждать всѣхъ прiѣзжающихъ ко Двору ея богатырей, а особливо чужестранцевъ; но притомъ столько ревнива, что приводитъ въ изумленiе тѣмъ, и ни одного любовника

 не

не можетъ удержать въ своихъ оковахъ. Таковое непостоянство раздражило ее; и какъ ей охотно хотѣлось вытти вторично за-мужъ, то рѣшилась она употребить къ тому принужденіе надъ первымъ, кто ей понравится. Тому уже четыре года, какъ одинъ прекрасный Князь учинился жертвою сего намѣренія ея. Онъ прибылъ въ Гунигардъ въ самый день великаго торжества, отправляемаго нашею Государынею; былъ то день ея рожденія. Сей нещастный Князь, *Иргумъ* по имени, прибылъ во время самое опаснѣйшее. Княгиня съ придворными своими госпожами прогуливалась въ открытыхъ колесницахъ; младая Княжна *Златолика* ѣхала верьхомъ близь нее, и вдругъ конь ея испугавшись помчалъ такъ быстро, что не могли достигнуть. Жизнь Княжны находилась въ великой опасности; но по неожидаемому щастію, встрѣтившійся Князь *Иргумъ* пресѣкъ путь коню, и не взирая на опасность, которой подвергался, остановилъ его. Искусство и неустрашимость сего чужестранца способствовали ему удержать при томъ Княжну такъ, что она самый слабый только толчокъ получила. Испугавшаяся Княжна упала въ обморокъ; онъ посадилъ ее на травѣ, и ставъ на колѣно, поддерживалъ; въ этотъ часъ прибыла наша Княгиня. *Иргумъ* не оставилъ Княжну, и не пошелъ навстрѣ-

встрѣчу для засвидѣтельствованія своего почитанія; что привело Княгиню въ удивленіе. Молодый пригожій чужестранецъ, коего прибытіе Государыни не отвлекло отъ Княжны, возбудилъ въ ней ревнивое любопытство, котораго она скрыть не могла. Она велѣла его позвать предъ себя, и съ важнымъ видомъ спросила объ его имени и достоинствѣ природы. *Иргумъ* отвѣтствовалъ на вопросъ ея съ холоднымъ почтеніемъ, приближился по томъ къ младой *Златоликѣ*, и помогъ ей сѣсть въ колесницу, слѣдовавшую за Княгининою.

Таковая явная забота Княгинѣ нашей не понравилась. Князь къ взаимному ихъ нещастію былъ молодъ и прекрасенъ; взоръ его столько поколебалъ ее, что она не могла преодолѣть досады, произходящей отъ ея ревнивости. Княжна *Златолика* была тогда пятнатцати лѣтъ и очень прекрасна. Уваженіе, оказанное къ ней отъ чужестранца, показалось Княгинѣ несносно; она укорила съ жестокостію за то человѣка, съ роду впервые ее видящаго. Князь, изумленный тѣмъ, оказывалъ ей одинакое почтеніе, не устремляя на нее глазъ своихъ. Оскорбленная тѣмъ Княгиня кончила тѣмъ торжество, и возвратилась во Дворецъ, приказавъ чужестранцу за собою слѣдовать.

Весь Дворъ шествовалъ за нею и рачительно примѣчалъ произходящее. Князь подалъ Государынѣ нашей руку при выходѣ ея изъ колесницы, которую она принявъ, немедленно удалилась съ своею наперсницею и Княземъ *Иргумомъ* во внутреннія покои; въ оныхъ сей чужестранецъ остался, а Княжну *Златолику* приказано было запереть въ ея спальнѣ. Я, продолжалъ *Дракомiръ*, самъ былъ всему тому очевидцемъ, находясь въ слѣдовавшихъ за Княгинею, и любопытство мое объ окончанiи сего приключенiя удержало меня во Дворцѣ. Спустивъ два часа, Государыня наша вышла изъ внутреннихъ чертоговъ въ провожденiи одной своей наперсницы. Гнѣвъ блисталъ въ очахъ ея: а Князь *Иргумъ* пропалъ, и съ того времени не извѣстно, куда онъ дѣлся. Я самъ бы не вѣдалъ о судьбѣ его, когдабъ не открылся мнѣ одинъ обязанный мною придворный спальничiй. Этотъ человѣкъ открылся мнѣ, что онъ пригожаго чужестранца тайно отвелъ въ башню на концѣ города состоящую, и заключилъ въ оной. Я выслушавъ, совѣтовалъ ему не сказывать объ этомъ ни одному человѣку, когда не хочетъ подвергнуть опасности жизнь свою, и имѣю причину думать, что былъ онъ очень скроменъ.

Меж-

Между тѣмъ заточенiе чужестраннаго Князя не совсѣмъ было неизвѣстно; иногда объ томъ переговаривали. Однакожь молва сiя скоро утихла; Князь былъ чужестранецъ, никто освобожденiя его не требовалъ; и такъ объ немъ забыли. Признаюсь вамъ, что и я не большебъ объ немъ другихъ заботился, естьли бы за недѣлю предъ симъ не навѣстилъ меня помянутый мною спальничiй. Чужестранный Князь, сказалъ онъ мнѣ, содержится еще въ башнѣ, это очень вѣрно; вчерась, продолжалъ онъ, приказано было мнѣ отнести письмецо къ начальствующему надъ тою башнею. Я часто туда хаживалъ, и стража, зная меня, пропустила; я узнавъ, что начальникъ находится въ башнѣ, пошелъ въ оную съ тѣмъ, чтобъ дождаться выходу его на лѣстницѣ. Я подшелъ къ самымъ дверямъ, и слышалъ въ покоѣ заточеннаго слѣдующiй разговоръ: Князь! имѣйте терпѣнiе, свадьба младой *Златолики*, не взирая на ея сопротивленiе, вскорѣ совершится. Государыня наша, считая ее своею совмѣстницею, относитъ къ вамъ ея упорство. Вы не прежде получите свою свободу, какъ по окончанiи брака, коимъ мститъ она за ваше къ ней пренебреженiе. Впрочемъ будьте увѣрены объ моей къ вамъ привязанности. Сказавъ это, отворялъ онъ двери къ выходу вонъ.

Я, продолжалъ спальничій, примѣтивъ опасность того, ежели онъ меня увидитъ, спрятался въ уголъ, и послѣ съ осторожностію вышедъ, исполнилъ мнѣ повелѣнное, и удалился отъ башни съ тѣмъ, чтобъ ни кому опричь васъ не сказывать объ этомъ приключеніи. — Это очень похвально быть скромну, отвѣчалъ я ему. Вотъ, государь мой! продолжалъ *Дракомiръ*, что я слышалъ; однако не приведите меня въ раскаяніе о томъ, что я вамъ открылся.

Мирадъ обнадежилъ его сильными клятвами; и чтобъ лучше склонить его на свою сторону, равномѣрно и обуздать нѣкіимъ образомъ его болтливость, не щадилъ ласканій и другихъ подарковъ; ибо снабженъ былъ всемъ при отъѣздѣ своемъ отъ *Серцсрады*. Онъ считалъ за весьма нужное обязать сего человѣка, который могъ его повергнуть въ нещастіе и уничтожить всѣ предпріятія его.

По взаимнымъ съ обѣихъ сторонъ увѣреніямъ, спросилъ *Мирадъ* у *Дракоміра*, говорятъ ли уже явно о бракосочетаніи *Златоликиномъ*? Какое сомнѣніе! отвѣчалъ старикъ; уже все готовятъ къ торжеству; и естьли согласитесь вы пробыть у меня нѣсколько дней, то сами въ празднествѣ можете участвовать; также естьли будетъ вамъ нужда поговорить съ *Иргумомъ*, то

оный

оный будетъ уже тогда освобожденъ. Сказавъ это, *Дракомiръ* вышелъ разпоряжать дѣла свои.

Во время отсутствiя его, *Мирадъ* вымышлялъ способы, какимъ бы образомъ увѣдомить ему *Судислава* о прiѣздѣ своемъ въ это государство. На другой день пошелъ онъ подъ видомъ прогулки къ столицѣ, желая узнать положенiе той башни, въ которой Князь его содержался. Нашелъ оную по описанiю, но мало получилъ надежды къ достиженiю своего намѣренiя: башня бѣла чрезмѣрно высока, и имѣла только одно маленькое окошечко къ полю. Разсмотрѣвъ оную, и не смѣя долго медлить, возвратился онъ въ замокъ. *Дракомiръ* уже ожидалъ его для поговорки. Ну! сказалъ онъ ему, я принесъ тебѣ худыя вѣсти! Свадьба Княжны по видимому не исполнится: Государыня повелѣла остановить прiуготовленiя къ оной; а это освобожденiе чужестраннаго Князя учиняетъ недостовѣрнымъ. Извѣстiе таковое привело *Мирада* въ замѣшательство; онъ не могъ во всю слѣдующую ночь глазъ свести, и въ слѣдующiй день уѣхалъ отъ *Дракомiра* не простясь: остановился на постояломъ дворѣ въ Гунигардѣ. Немедленно пошелъ къ башнѣ, но суетно искалъ средствъ учинить себя примѣтнымъ заточенному. Вдругъ вспомнилъ онъ, что въ карманѣ имѣлъ съ собою свирѣль,

рѣль, употребительную только въ одномъ Агафирскомъ Государствѣ; онъ началъ играть будто прогуливаясь, и между тѣмъ поглядывая на окошечко башенное, вскорѣ увидѣлъ онъ спустившійся изъ онаго снурокъ съ письмецомъ; онъ побѣжалъ, отвязалъ записную дощечку и прочелъ слѣдующее.

„Не *Мирада* ли я видѣлъ? Кажется,
„что я не ошибся, и вѣрно присланы вы
„съ извѣстіемъ отъ моей возлюбленной Ко-
„ролевны. Удостовѣреніе ваше о томъ
„принудитъ меня позабыть объ моемъ не-
„щастіи. Поспѣши тѣмъ путемъ, которой
„видишь, подать мнѣ отвѣтъ.„

Мирадъ, чрезмѣрно обрадованный, написалъ на той же дощечкѣ: „Такъ, Свѣтлѣй-
„шій Князь, я вѣрный *Мирадъ*, сынъ *Медли-*
„*ны*. Я ищу васъ давно уже по повелѣ-
„нію вашей возлюбленной. Она обожаетъ
„васъ, какъ и прежде; но наставьте меня,
„какимъ средствомъ могу я васъ освобо-
„дить изъ вашего заточенія? Снабди, Государь,
„меня повелѣніемъ; я готовъ отважиться на
„все для пользы моей Королевны и того
„Князя, коимъ преданъ я на всю жизнь
„мою.„

Онъ привязалъ дощечку къ снурку, потрогалъ за оный: снурокъ былъ вотянутъ, и онъ не ошибся ожидая отвѣту: дощечка по-

появилась опять съ содержанiемъ нижеписаннаго:

„Когда желаете вы намъ услужить, „шествуйте ко Двору великаго Князя Русска„го. Оный великодушенъ и приметъ участiе „въ невинномъ моемъ заточенiи. Одно сло„во сего храбраго Монарха приведетъ въ „трепетъ вѣроломную Государыню Гунновъ. „Не отвѣчай мнѣ больше; скоро могутъ „тебя увидѣть; опасность, въ которой тебя „вижу, принуждаетъ меня отречься отъ „тысячи освѣдомленiй, требуемыхъ моимъ „сердцемъ. Естьли получу я свободу, уви„жусь съ вами при Дворѣ Государя Русскаго; „ожидайте меня въ Хомградѣ. Однакожъ „постарайтесь увѣдомить мою возлюблен„ную *Серцераду*, что она опять увидитъ сво„его страстнаго и вѣрнѣйшаго любовника; „спѣши, бѣги отсюду!„

Мирадъ прочитавъ повиновался волѣ *Судиславовой*; пошелъ на свой постоялый дворъ, и рѣшился ѣхать въ Руссы. Онъ заѣхалъ къ *Дракомiру*, извинился предъ нимъ нечаянно нуждою, что уѣхалъ съ нимъ не простясь, повторилъ подарки, и испросилъ у него обѣщанiе хранить втайнѣ разговоры его объ Князѣ *Иргумѣ*, и писать къ нему въ Хомградъ, естьли что случится новое до того касающееся. Отправляясь же въ путь, *Мирадъ* написалъ множество записочекъ, кои раз-

разбросалъ въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ въ слѣдующемъ содержанiи: „Сильный ино„странной Государь съ союзниками своими „прiемлетъ участiе въ томъ Князѣ *Ургумѣ*, „коего Государыня Гунновъ такъ давно содер„житъ въ оковахъ. Великое бѣдствiе грозитъ „сему государству! Огнь и мечь отмстятъ за таковое насилiе и мучительство!„

Мирадъ уповалъ, что которая нибудь изъ сихъ записочекъ дойдетъ въ руки къ Государынѣ Гунновъ и ускоритъ освобожденiю *Судислава*. Однакожъ эта невѣрная надежда не остановила ревностнаго *Мирада*: онъ поѣхалъ въ Руссы, и оттуду послалъ письмецо, заготовленное еще въ Гунигардѣ, къ первосвященнику Дажбову, съ однимъ изъ подчиненныхъ его жрецовъ, возвращавшимся съ богомолья изъ Хомограда.

Мирадъ, не упуская стараться о мѣрахъ къ освобожденiю *Судислава*, легко сыскалъ допускъ къ Государю Русскому. Онъ подалъ ему письмо, въ которомъ изобразилъ все жалостное состоянiе того Князя, которой нѣкогда оказалъ ему великiя услуги. Государь Русскiй раздраженъ былъ несправедливостiю Двора Гунигардскаго, и клялся не токмо освободить своего любезнаго *Иргума*, но и отмстить за него примѣрнымъ образомъ. *Мирадъ* ожидалъ рѣшенiя, собраннаго по сему случаю Государственнаго Рус-

скаго совѣту, и случаю писать вторично къ *Серцерадѣ*. Но къ чему служило все сіе? Обстоятельства Королевны совсѣмъ перемѣнились, и самъ первосвященникъ не вѣдалъ, куда она скрылась; бѣшенство *Зарины* столько безпокоило ее въ священномъ ея убѣжищѣ, что принудила ее оное оставить.

Зарина узнавъ, что *Зовустана* ее обманула, досадовала на Короля, что онъ избавилъ сію госпожу отъ ея мщенія. Какъ освобожденіе *Зовустаны* произошло безъ согласія съ нею, и совершеніе брака ея со дня на день отлагалось вдаль, начала она подозрѣвать *Закомірово* непостоянство. Она получила отъ того столь жестокую досаду, что вмѣстѣ съ *Лелиною*, оставивъ Дворъ, удалилась въ свой увеселительной замокъ, гдѣ свободно предалась своей печали. При Дворѣ ни мало не тужили объ сей гордой Королевнѣ. *Закоміръ* примѣтилъ въ ней столько пороковъ, что совсѣмъ лишилъ ее довѣренности; предоставилъ собственной ея волѣ, и оказывалъ только должное природѣ ея почтеніе. *Зарина* въ своемъ уединеніи денно и ночно помышляла только объ открытіи убѣжища сестры своей; ничто ее отъ сего предпріятія отвратить не могло. Однажды между разговоровъ о семъ съ *Лелиною* оная вскричала: ахъ, Королевна! мнѣ пришла удивительная мысль въ голову. Вѣдь первосвящен-

щенникъ Дажбова храма родной братъ *Зовустанѣ*; а вамъ извѣстно, что ни одинъ человѣкъ не входитъ во внутренность сего капища. Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ не сіе убѣжище избрала сестра ваша; и то же мѣсто конечно скрываетъ *Зовустану* отъ вашего мщенія - - - Точно такъ, вскричала *Зарина* внѣ себя отъ радости. Такъ *Лелина*! я согласна съ этою догадкою, и должно оной послѣдовать.

Выдумывая разныя средства къ усильному отверзтію онаго священнаго убѣжища, Королевна сказала, что находитъ одно льстящее ей успѣхомъ. Должно намъ сыскать храбраго и отважнаго мущину котораго бы не ужасала никакая опасность, и котораго нужно склонить намъ для сей услуги обѣщаніемъ великаго награжденія; она требовала по томъ отъ *Лелины* доставить ей таковаго.

Наперсница ея имѣла у себя молодаго пригожаго любовника, которой изъ давныхъ лѣтъ искалъ ея благосклонности. *Лелина* сама была влюблена въ него, только не соглашалась выдти за него за-мужъ, и отводила заключеніе сего брака со дня на день подъ разными предлогами. Привязанность ея къ *Заринѣ* принудила наконецъ рѣшиться. Этотъ любовникъ ея, *Аргагъ* по имени, приглашенъ въ повѣренность, и назначенною цѣ-

цѣною приведенъ во искушенiе. Онъ не токмо не устрашился сего ужаснаго намѣренiя, но еще взялся за оное съ великимъ жаромъ; ибо по совершенiи предлагаемаго уповалъ сдѣлаться щастливъ. О — любовь! о корыстолюбiе! какiе вы жестокiе мучители, и какими преступленiями наполняете землю!

Намѣренiе бѣшенствующей *Зарины* было ужасное, а именно, надлежало капище Дажбово зажечь со всѣхъ угловъ, и во время происшедшаго замѣшательства увезти *Серцераду*. Чтобъ удобнѣе произвести проклятое сiе предпрiятiе, возложено на *Аргага* подговорить 30 человѣкъ дерзкихъ воиновъ, закупить ихъ послушанiе напередъ деньгами и обѣщанiемъ великаго награжденiя по удачѣ; но только не открывать до времени обстоятельствъ дѣла.

Храмъ Дажбовъ очень славенъ былъ, и въ разсужденiи гостепрiимства тамъ принимали всякихъ странственниковъ безъ разбору, и угощали четверо сутки. *Аргагъ* возпользовался симъ обычаемъ. Онъ переодѣлъ своихъ сообщниковъ странственниками, и приказалъ имъ по два человѣка приходить въ гостинницу; но не вдругъ, и больше всего сохранять видъ смиренiя. Онъ самъ переодѣлся такимъ же образомъ, и по условiю долженъ былъ явиться къ четвертому дню угощенiя въ гостинницѣ. Они собрались

всѣ, и при вечерней жертвѣ условились, не бывъ подозрѣваемы.

Когда въ полночь раздѣлились они по мѣстамъ, вдругъ подложенный ими трутъ подѣйствовалъ и въ задней части зданія сдѣлался великой пожаръ. Огнь привлекъ туда всѣхъ жрецовъ. Но чрезъ нѣсколько минутъ загорѣлось въ другомъ концѣ, а по томъ и со всѣхъ сторонъ. Замѣшательство сдѣлалось тѣмъ больше, что не знали, съ которой стороны тушить. При всѣхъ заботахъ первосвященникъ не позабылъ о Королевнѣ. Онъ послалъ къ ней своего повѣреннаго и велѣлъ сказать, что какъ опасается онъ умыслу на ея особу, то чтобы она немедленно сѣла въ лодку, и чрезъ озеро переѣхавъ (*), сѣла въ состоящую для нее всегда въ готовности колесницу, и спасалась. *Серцерада* тотчасъ съ *Медлиною*, *Зовустаною* и вѣрнымъ служителемъ *Жировомъ* выбѣжала въ потайныя двери, сѣла въ лодку, которую управляющіе жрецы тотчасъ удалили отъ берегу, и тѣмъ избавили Королевну великой опасности.

Когда замѣшательство отъ пожару увеличилось, собралъ *Аргагъ* своихъ сообщниковъ, и началъ выламывать и рубить тѣ вра-

(*) Озеро это нынѣ называется Кубенскимъ; на берегу онаго стояло капище Дажбово.

врата, въ которыя позволялось входить только одному верьховному жрецу. Но сколь велико было его удивленіе, когда они во внутреннемъ храмѣ нашли только платье Королевны! Изъ чего заключили, что она избѣгла отъ ихъ рукъ. *Аргагъ* бѣгалъ по всѣмъ закоулкамъ, какъ бѣшеный, и нашелъ ту потайную лѣстницу, по которой она ушла; онъ сбѣжалъ, достигъ къ берегу, и съ великою досадою увидѣлъ удалившуюся лодку. Внѣ себя приведенный тѣмъ *Аргагъ*, что не могъ Королевну схватить, и услужить желанію своей возлюбленной *Лелины*, спасся самъ бѣгствомъ; онъ не смѣлъ погнаться въ слѣдъ за Королевною, да и не имѣлъ возможности: другихъ лодокъ у берега не было, а длина озера, на 50 поприщъ простирающаяся, не позволяла и думать достигать ее на другомъ берегу. Верьховный жрецъ, примѣчающій все произходящее, вскорѣ узналъ, что пожаръ произшелъ отъ постороннихъ въ гостинницѣ бывшихъ. По чему собравъ своихъ, началъ злодѣевъ ловить, однако оные всѣ спаслись, кромѣ двухъ, коихъ захватили грабящихъ покой, въ которомъ жила *Серцерада*. Ихъ посадили подъ крѣпкой караулъ для испытанія начинщиковъ въ таковомъ важномъ злоумышленіи. По разсѣяніи злодѣевъ пожаръ начали угашать, и большая часть зданія была спасена. Когда же не оста-

осталось никакой опасности, верьховный жрецЪ пошелЪ допрашивать пойманныхЪ плутовЪ, не взявЪ сЪ собою, кромѣ жрецовЪ извѣстной вѣрности; и чтобЪ лучшее получить признанiе, обѣщалЪ даровать жизнь тому, которой учинитЪ чистосердечное признанiе.

ВЕЧЕРЪ LXVIII.

Надежда избѣжать казни возЪимѣла надЪ однимЪ изЪ плутовЪ свое дѣйствiе, онЪ показалЪ, что *АргагЪ* былЪ ихЪ предводитель и подущатель вЪ намѣренiи увезти Королевну *Серцераду*; что когда имЪ Королевна *Зарина* обѣщала свое покровительство и великое награжденiе, уповали они тѣмЪ оказать ей услугу. ПервосвященникЪ отложилЪ изслѣдованiе сего дѣла до другаго времени; а самЪ сыскавЪ лодку, поплылЪ вЪ слѣдЪ за *Серцерадою*. Намѣренiе его было уговорить Королевну возвратиться на нѣсколько дней вЪ капище, чтобы успокоиться отЪ претерпѣннаго страху, которой можетЪ быть вреденЪ ея здоровью. Но Королевна осталась при своемЪ вопрiятомЪ на-

намѣреніи, благодарила его за попеченія объ ней, и просила притомъ не препятствовать ея намѣренію, коего за тѣмъ ему не открываетъ, чтобъ не ввести въ отвѣтъ предъ Королемъ, имѣющимъ безъ сомнѣнія дѣло это слѣдовать. Это произходитъ не отъ недовѣрчивости, говорила она; я обязана вамъ жизнію, и вѣрьте, что не могу назваться щастливою, пока не докажу вамъ опытовъ моей благодарности. Въ надлежащее время получите вы отъ *Зовустаны* извѣстіе, до меня касающееся. Я люблю сердечно сестру вашу, и объ васъ никогда не забуду. —— Жрецъ простился съ своею сестрою, и возвратился съ сожалѣніемъ о удаленіи своей Государыни. Прибывъ домой, старался онъ возстановить спокойство, и началъ собираться къ отъѣзду ко Двору, для принесенія жалобъ на Королевну *Зарину* и преданія пойманныхъ воиновъ суду Королевскому.

Зарина о худомъ успѣхѣ своего безбожнаго покушенія не прежде узнала, какъ во время взятья ея наперсницы, которую по повелѣнію Королевскому схватили подъ стражу въ самой спальнѣ *Зарининой*.

Аргагъ же, любовникъ *Лелининъ*, убѣжавши изъ капища, прибѣгъ въ сосѣдство замка *Заринина*: однако этотъ бѣднякъ не осмѣлился предъ нею появиться, а предпрі-

ялЪ увѣдомить о нещастіи своемЪ письменно свою любовницу чрезЪ одного изЪ своихЪ сообщниковЪ. Но сей, надѣясь избѣгнуть наказанія тѣмЪ, когда выдастЪ главнаго заводчика, предсталЪ Государственному правителю, вручилЪ ему письмо и испрашивалЪ себѣ пощады. БояринЪ этотЪ принялЪ письмо, но велѣлЪ доносщика отдать подЪ стражу.

О пожарѣ вЪ капищѣ ДажбовомЪ дошло уже извѣстіе, которое письмомЪ *Аргаговымъ* подтвердилось. ВЪ ономЪ для оправданія своего предЪ *Зариною* описывалЪ онЪ все произшествіе, и увѣдомлялЪ наконецЪ о бѣгствѣ Королевны *Серцерады*, и какЪ спаслась оная вЪ лодкѣ.

Послѣднее обстоятельство подвигло Короля вЪ таковой гнѣвЪ, что онЪ тотчасЪ послалЪ отрядЪ своихЪ тѣлохранителей взять *Аргага* и *Аслину* и посадить ихЪ порознь вЪ темницы. Едва удержался онЪ, чтобЪ не поступить равномѣрно и сЪ Королевною, которая больше ихЪ была виновна. Таковый опытЪ Королевской власти привелЪ *Зарину* вЪ трепетЪ, и открылЪ вЪ глазахЪ ея мерзость преступленія, вЪ которое ввело ее ослѣпленіе страсти. Она столько тѣмЪ поражена была, что оцѣпенѣла, и безЪ всякаго сопротивленія допустила *Аслину* взять подЪ стражу.

Пре-

Презрѣніе, въ которое пришла сія Королевна, бывъ оставлена́ всѣми, сдѣлалось ей тѣмъ несноснѣе по лишеніи *Лелины*. Можетъ быть угрызеніе совѣсти, или досада отъ неудачи предпріятія, было причиною, что она вскорѣ прекратила дни свои, кои могла бы провождать въ удовольствіи, шествуя по стезямъ добродѣтели.

Въ произхожденіи сего верьховный жрецъ прибылъ ко Двору. Не было нужды просить ему о правосудіи; письмо *Аргагово* уличало злодѣевъ, и виновные наказаны по заслугамъ.

Въ продолженіи пребыванія первосвященника при Дворѣ, Король безпрестанно разговаривалъ съ нимъ о Королевнѣ *Серцерадѣ*. Онъ дѣлалъ ему тысячи вопросовъ, довольно свидѣтельствующихъ, сколько участвовало въ ней его сердце, и сколько печалилъ его побѣгъ ея.

Верьховный жрецъ имѣлъ довольно остроумія, чтобъ скрыть отъ него обстоятельство, касающееся до извѣстія о Князѣ *Судиславѣ*; и столькожъ искусно извинился предъ нимъ на упреки его, за чемъ онъ скрывалъ отъ него убѣжище *Серцерадино*. Сей хитрый духовный столько вошелъ въ Короля, что легко испросилъ у него деньги на возобновленіе капища. При отъѣздѣ своемъ обѣщался онъ Королю доставить

пись-

письмо, естьли получитъ оное отъ сестры своей *Зовустаны*.

Между тѣмъ, какъ порочная *Зарина* кончила участь свою, невинная *Серцерада* не много была ее щастливѣе. Она, не считая безопаснымъ путешествіе свое сухимъ путемъ, поѣхала немедленно въ Поморье, и по щастію нашедъ отплывающій корабль, сѣла на оный, въ чаяніи пристать къ берегамъ Мурманскимъ, и оттуда пробраться ко Двору Государя Русскаго. Утѣшительное ожиданіе найти въ Хомоградѣ *Мирада* съ пріятнѣйшимъ извѣстіемъ объ ея любовникѣ, придавало ей твердость къ снесенію безпокойствъ мореплаванія. Но возставшая жестокая буря снесла корабль ихъ съ пути, и посадила на мѣль у береговъ пустаго острова, къ коему корабли приставали очень рѣдко, и только для запасенія себя дровами и свѣжею водою.

Серцерада съ непоколебимымъ мужествомъ вышла на берегъ, и не оказывая въ себѣ унынія. Она сожалѣла больше о сопутствовавшихъ съ нею, нежели о себѣ самой. Она полагалась на промыслъ боговъ, и ожидала, что Небо пошлетъ къ ихъ освобожденію какого нибудь мореплавателя.

Корабельные служители были почти всѣ Агафирсы; они увѣдали, какую высокую

спут-

спутницу съ собою имѣютъ, и были прилѣплены къ ней всею душею. На островѣ почти ничего не было; однакожъ по утишеніи бури добрались на корабль, и съ онаго снабдили себя всемъ нужнымъ. Для *Серцерады* сдѣлали шалашъ изъ древесныхъ вѣтьвей, въ которомъ бы она по крайней мѣрѣ съ *Зовустаною* и *Медлиною* имѣла защиту отъ дождя и вѣтру.

Терпѣніе бывшихъ на кораблѣ, оживляемое примѣромъ ихъ Государыни, продолжалось до тѣхъ поръ, какъ не было въ съѣстныхъ припасахъ недостатку. Но когда оные начали изходить, ужасъ сдѣлался всеобщій. Не видно было никакой помощи; появляющіеся на высотѣ корабли подавали иногда надежду, но оные опять изчезали; потому что подаваемые съ острова знаки за отдаленностію были не видны. Всякъ зрѣлъ только смерть предъ очами. Одна только *Серцерада* среди окружающаго ея страху надежды не теряла; вдругъ увидѣли приближающееся къ острову небольшое судно. Тогда радость появилась на мѣсто ужасу. Тщетная была однако то надежда! это былъ только видъ помощи. Въ суднѣ этомъ находилось лишь четыре человѣка, отряженныхъ къ заготовленію дровъ на счетъ Мурманскаго купца, возвращающагося отъ береговъ Ледовитаго моря.

Ма-

Малаго числа съѣстныхъ припасовъ недостаточно было къ продовольствованію трехъ женщинъ и шестидесяти человѣкъ служителей корабельныхъ. Надежда опять изчезла, отчаяніе умножилось, и едва не дошло къ тому, что не побили нѣкоторыхъ работниковъ для сбереженія чрезъ то остатковъ запасу. Но добродѣтельная Королевна умѣла внушить человѣколюбіе людямъ, лишеннымъ чрезъ голодъ разсудка. Она подкрѣпила ихъ надежду ожиданіемъ купеческаго того корабля, коего дровосѣки прибыли на островъ, и которому въ немедленномъ времени прибыть надлежитъ.

Вразумленіе это успокоило всѣхъ; многіе бросились помогать дровосѣкамъ для того, чтобъ купецъ, коего какъ избавителя ожидали, скорѣе могъ съ пустаго острова отправиться и ихъ спасти. Чрезъ нѣсколько дней караульные изъ разставленныхъ всюду по берегу начали кричать, что всѣхъ исполнило радости: это купеческій корабль! это избавитель нашъ! восклицали всѣ. Едва ли десять человѣкъ осталось для предохраненія Королевны; прочіе вскарабкались на высокую гору, съ которой далеко въ море можно было видѣть. Усмотрѣли великой корабль, бросившій во удаленіи отъ берегу якорь; потому что приближеніе къ оному было опасно. Человѣкъ съ сорокъ сошло

съ

съ корабля, и въ двухъ лодкахъ плыли къ острову.

Агафирсы, взирающіе на нихъ какъ на избавителей своихъ, пришли въ безпокойство, примѣтивъ, что у каждаго изъ нихъ за плечами висѣлъ лукъ и колчанъ. По чему взяли предосторожность; но какъ можно было истощеннымъ отъ глада сражаться съ разбойниками! Агафирсы допустили незнакомыхъ вытти на берегъ и остались на горѣ; однако ихъ уже примѣтили. Едва незнакомые вышли на берегъ, пошли прямо на нихъ, и тотчасъ пустили на гору множество стрѣлъ, кои хотя не причинили вреда, но войну возвѣщали.

По щастію *Жировъ* не устрашился; онъ ободрилъ всѣхъ своихъ товарищей, и тотчасъ послалъ за оставшими воинами и работниками, приказавъ принести оружіе. Незнакомые также помышляли о подкрѣпленіи; они послали на корабль лодку къ призванію своихъ товарищей. Агафирсы избрали выгодное мѣсто, и стрѣлы ихъ непріятелей отнюдь не столько вредили, какъ бросаемые въ нихъ съ горы камни. Сраженіе учинилось кровопролитнѣе, когда съ другой стороны горы приспѣли на помощь Агафирсы и принесли оружіе; они превозходили числомъ своихъ непріятелей, и побѣда осталась бы несомнительною, естьлибъ

съ корабля не приспѣла помощь. Между тѣмъ Агафирсы выдерживали нападеніе храбро; гора была крута и неудобовосходима всѣ непріятели, покусившіеся взлѣзть на оную, были низвержены стремглавъ. Но что было бы, когдабъ они вздумали обойти на другую сторону горы? Хижина *Серцерадина* находилась у подошвы оной безъ всякой защиты. Непріятелямъ не вошло это въ голову; они видѣвъ сопротивленіе Агафирсовъ, дали знакъ къ прекращенію сраженія, и кричали, что желаютъ вступить въ переговоръ.

Жировъ приближился на край г ры, чтобъ лучше разслушать рѣчи; одинъ изъ непріятелей говорилъ: мы оставимъ васъ въ покоѣ и возвратимся на корабль, когда вы добровольно отдадите намъ деньги и дорогія вещи за искупленіе своей жизни и вольности. Корабль вашъ не потонулъ, слѣдственно спасли вы все: отдайте намъ требуемое, и мы отъѣдемъ. *Жировъ* притворился, что обрадованъ условіемъ, и просилъ на два часа сроку для удовлетворенія ихъ желанію. Охотно на это согласились, и *Жировъ* пошелъ доложить о семъ Королевнѣ.

Серцерада въ первой разъ въ жизни своей находилась въ совершенномъ отчаяніи, и ощущая свою опасность, съ трепетомъ отвѣчала на донесеніе *Жирова*: вотъ всѣ мои дорогія вещи, когда только они насъ оставятъ; постарайся удовлетворить

тѣмъ ихъ корыстолюбію, но не прежде отдавай это, какъ договорясь о снабженіи насъ съѣстными припасами. *Жировъ* возвратился, и тотчасъ заключилъ съ ними миръ: плуты бывъ ослѣплены великимъ сокровищемъ, не медлили послать за съѣстными припасами, которыми корабль ихъ изобильно былъ нагруженъ.

Въ ожиданіи возвращенія посланныхъ происходила тишина; но среди оной *Серцерада* находилась въ ужасѣ и печали. Слѣдствія утраты корабля своего, безпокойства ежедневно претерпѣваемыя, основательный страхъ умереть съ голоду на пустомъ острověѣ, не поколебали ея твердости, но воображеніе впасть въ руки разбойниковъ преодолѣвало ее. Отчаяніе ея столько было сильно, что *Медлина* и *Зовустана* изъ спасенія, чтобъ не лишила она сама себя жизни, принуждены были ей повиноваться и тащить ее въ пещеру, въ кою не можно было спуститься безъ крайней погибели. Онѣ взяли уже было ее подъ руки, какъ она устыдясь своей слабости, вскричала: нѣтъ! останемся здѣсь! Я оскорбляю Небо моимъ отчаяніемъ. Боги никогда не оставляютъ невинныхъ безъ помощи, должно покоряться ихъ волѣ, и я тому слѣдую. Въ самомъ дѣлѣ Небо услышало ея воздыханія, и не

ожидаемо освободило ее совсѣмъ изъ величайшей и неминуемой опасности.

Въ продолженіи сраженія и переговоровъ прошло много времени. Между тѣмъ купецъ Мурманскій прибылъ въ четырехъ добрыхъ корабляхъ, и овладѣлъ разбойничьимъ кораблемъ, который онъ нашелъ почти безлюденъ. По осмотрѣ найдено, что былъ то корабль *Яросиловъ*, славнаго разбойника на семъ морѣ. Разбойникъ этотъ имѣлъ многіе корабли, которыхъ никогда не разлучалъ. Онъ пренебрегалъ жесточайшія нападенія, и дѣлалъ часто вылазки на берега, производя великія грабительства. Но за нѣсколько дней предъ тѣмъ бурею разлучило его отъ прочихъ, и корабль, на которомъ онъ находился, прибило къ берегамъ того пустаго острова, гдѣ находилась *Серцерада*. По утишеніи вѣтра рѣшился было онъ дожидать тутъ кораблей своихъ; но примѣтивъ затопшій на мѣли корабль, пожелалъ провѣдать на берегу, не спаслись ли съ онаго люди, дабы оныхъ забрать въ неволю и ограбить. *Яросилъ*, не ожидая таковаго сопротивленія, каковое нашелъ, принужденъ былъ всѣхъ своихъ людей съ корабля взять на помощь и оставить оный пустъ; ибо близъ пустаго острова не опасался никакого нападенія. Неосторожность сія служила къ его погибели. Великодушный купецъ готовил-

вился вытти на берегъ съ тѣмъ, чтобъ избавить людей спасшихся съ потопшаго корабля на островъ отъ разбойниковъ. Между тѣмъ усмотрѣлъ онъ отваливающую отъ берегу лодку съ двѣнатцатью человѣками, и направляющую путь къ кораблю. Онъ приказалъ людямъ своимъ спрятаться на ихъ кораблѣ, и допустить разбойниковъ взойти на оный. Когда это сдѣлалось, были они окружены вооруженными людьми купцовыми и взяты, но по жестокомъ однако сопротивленіи; при чемъ многіе померли съ оружіемъ въ рукахъ, прочіе же окованы, и по угрозамъ принуждены были сказать о произходившемъ на островѣ. Однакожъ не упомянули ни слова объ женщинахъ; ибо ихъ не видали. По словамъ разбойниковъ, купецъ Мурманскій, *Зимегогъ* по имени, ускорилъ отплытіемъ къ берегу; при ономъ нашелъ онъ своихъ дровосѣковъ, посланныхъ отъ *Жирова* для испрошенія его помощи. *Жировъ* примѣтилъ съ горы прибытіе кораблей, и узналъ отъ дровосѣковъ, что оные надлежатъ ихъ господину. Онъ послалъ извѣстить о томъ разбойниковъ, сидѣвшихъ подъ горою, льстясь надеждою, что это ихъ устрашитъ и принудитъ удалиться. Съ другой стороны не преминулъ донести *Серцерадѣ* о прибытіи неожидаемой помощи. Обрадованная тѣмъ Королевна приносила Не-

бесамъ благодаренiе за очевидное оныхъ покровительство, между тѣмъ какъ *Зимегогъ* съ своими людьми приближался къ горѣ. Дерзкiй *Яросилъ* усмотрѣвъ его, счелъ отборныхъ воиновъ за простыхъ мореходцевъ, и рѣшился самъ напасть на нихъ. Но тогда *Жировъ* поспѣшилъ съ Агафирсами, спустясь съ горы, напасть на нихъ съ тылу. Разбойники, увидѣвъ себя окруженныхъ, оборонялись отчаянно; большая часть изъ нихъ легла на мѣстѣ, прочiе всѣ израненные заключены въ оковы; самъ *Яросилъ* получилъ последнюю участь, но его всѣхъ труднѣе было одолѣть. Дикiе его взгляды на *Зимегога* ясно показывали, сколь несносно было ему сiе пойманье. Онъ отвезенъ былъ съ товарищами своими на корабли подъ крѣпкимъ карауломъ.

По возстановленiи тишины храбрый купецъ услышалъ о присутствiи на островѣ Королевны; онъ оставилъ приносимыя ему похвалы, спѣшилъ оную увидѣть, и просилъ о томъ *Жирова*. Обрадованный *Жировъ* подносилъ *Зимегогу* всѣ драгоцѣнности, надлежащiя Королевнѣ, какъ надлежащую ему добычу, коя безъ того досталась бы разбойникамъ. *Зимегогъ* принялъ оныя, и не посмотрѣвъ сказалъ: ведите меня къ ногамъ вашей Государыни; это будетъ первый опытъ моей преданности. *Жировъ* предувѣдомилъ *Серцераду*, которая вышла на встрѣчу къ своему избавителю.

Величество и красота *Серцерады* вселили въ *Зимегога* таковое къ особѣ ея подобострастіе, что онъ повергся къ ногамъ ея, не могши произнести ни слова. Между чемъ она имѣла довольно времени изъявить ему свое признаніе. Она подняла его, и выраженіями благодарности увѣрила его, что душа въ ней была еще прекраснѣе наружности. *Зимегогъ*, пришедъ въ себя, вскричалъ: какія чудеса удостоился я нынѣ видѣть! и могу ли я столь достойную Государыню оставить на мѣстѣ, толико для нее неприличномъ? Шествуйте Государыня, и почтите корабли мои вашимъ присутствіемъ; вы найдете тамъ всѣ выгоды, какія токмо на морѣ имѣть можно. *Серцерада* приняла то съ новыми знаками благодарности; радость настала всеобщая. Работали надъ носилками для облегченія шествія Королевны и госпожь ея до моря; между тѣмъ съ кораблей привезли избыточество пищи и прохлажденій. *Серцерада* чрезмѣрно утѣшалась тѣмъ, что люди ея столько утружденныя находятъ себѣ подкрѣпленіе; она сѣла на траву на ряду со всѣми, приказала забыть о чинахъ, и никогда еще не видано подобнаго сему пиршества, сопровождаемаго чистѣйшимъ веселіемъ. При семъ произшествіи Королевна, въ знакъ признанія къ вѣрнымъ услугамъ *Жирова*, просила *Зовустану* дать сво-

свободу сему рабу ея; и онъ при радостныхъ восклицаніяхъ объявленъ свободнымъ. *Серцерада* обѣщала ему важное мѣсто при Дворѣ своемъ, когда только судьба имѣть оный ей дозволитъ. Между тѣмъ носилки были готовы, и *Серцерада* съ своими людьми оставила тотъ островъ, который считала уже своимъ гробомъ. *Зимегогъ* отвелъ ей корабль *Яросиловъ* для лучшаго спокойства. Сластолюбивый сей разбойникъ имѣлъ корабль (служившій ему вѣчнымъ жилищемъ) снабженной всѣми избыточествами. Когда всякъ доволенъ былъ своею участью, пѣнящагося отъ злобы *Яросила* окованнаго положили на палубѣ корабля. Оный увидѣвъ входящую *Серцераду*, отъ воображенія, что лишился таковой хорошей добычи, пришелъ въ столь жестокое отчаяніе, что собравъ всѣ силы, успѣлъ броситься въ море, и утонулъ. Таковымъ образомъ погибъ сей бичь береговъ всего Поморья, причинявшій чрезъ многіе годы страхъ своимъ именемъ. Въ кораблѣ его найдено несчетное богатство, собранное разбоями. Сколько ни былъ онъ славенъ, но память его скоро бы осталась въ забвеніи безъ новаго приключенія, возобновившаго напоминаніе объ его порокахъ. Прочіе оставшіеся разбойники были прикованы на купеческихъ судахъ къ весламъ.

По

По разпоряженіи служившаго къ безопасности *Зимегогъ* велѣлъ приготовляться къ отшествію. Перевозили на корабли запасенныя дрова, запасались свѣжею водою, и освободивъ Агафирскій затопшій корабль, выконопатили и привели въ состояніе слѣдовать за прочими. Всякъ работалъ такъ прилѣжно, что работа въ малые дни кончилась.

ВЕЧЕРЪ LXVIII.

Когда все готово было къ отплытію, пришелъ *Зимегогъ* къ Королевнѣ. Ваше Высочество! сказалъ онъ ей, кораб и мои состоятъ въ вашемъ повелѣніи, и ожидаютъ приказанія, куда путь направишь. О великодушный *Зимегогъ*! отвѣчала она, должно ли мнѣ послѣ таковыхъ съ вашей стороны одолженій нарушать и намѣреніе собственной вашей дороги? — Мое намѣреніе только служить вамъ, подхватилъ онъ. Изрядно; когда вы столько благодѣтельны, сказала *Серцерада*, отвезите меня въ ближайшую пристань къ государству Русскому; я имѣю необходимую нужду быть въ Хо-

моградѣ. Въ Хомоградѣ? подхватилъ купецъ; такъ Ваше Высочество ничемъ мнѣ не обязаны, я самъ туда ѣду; я тамъ имѣю огромный домъ, и хотя бы Великій Русскій Князь отводилъ вамъ Дворецъ свой, я не допущу —— —— ахъ! нѣтъ, сказала *Серцерада*, Государь Русскій обо мнѣ не узнаетъ, равномѣрно какъ и большая часть людей, на кораблѣ Агафирскомъ находящихся, не вѣдаетъ, кто я такова. Со мною противу воли моей обходятся какъ съ Королевою; сіи только три особы, коихъ неотлучно при мнѣ видите, знаютъ, что я Королевна, убѣжавшая изъ страны Агафирской и принужденная къ тому бѣдствіями. Но какъ я отъ васъ не могу ничего скрывать, позволяю по тому *Зовустанѣ* разсказать вамъ всѣ мои приключенія.

Зимегогъ, выслушавъ отъ оной столько напастей, претерпѣнныхъ *Серцерадою* въ самыхъ юныхъ лѣтахъ съ таковою твердостію, получилъ еще множайшее почтеніе о добродѣтеляхъ ея. При заключеніи повѣствованія просила Королевна и *Зимегога* разсказать объ себѣ пообстоятельнѣе, чтобъ знать о произхожденіи своего избавителя. —— Мое произхожденіе, отвѣчалъ онъ, совсѣмъ не знаменито и не заслуживаетъ любопытства. Я прежде сего былъ простой невольникъ одного сильнаго Князя, удостоив-

шаго

шаго меня своею повѣренностію. Однако, чтобъ я не проговорился о ввѣренныхъ мнѣ отъ него тайнахъ, то позвольте мнѣ умолчать о причинахъ, принудившихъ меня оставить его службу. Я только могу вамъ донесть, что во всю бытность мою при немъ не сдѣлалъ я ничего противнаго чести, которую во весь вѣкъ мой предпочитаю всѣмъ сокровищамъ міра. —— Словомъ сказать, *Зимегогъ* былъ самый тотъ *Форгасъ*, которой ушелъ изъ Поляніи отъ Князя *Бурносила*, единственно для того, чтобъ Государь его не имѣлъ къ нему подозрѣнія. Добродѣтельный сей человѣкъ сохранилъ ввѣренную ему тайну свято. По томъ разсказывалъ онъ, что бѣжалъ въ Персію, гдѣ началъ торги, и разбогатѣвъ отъ оныхъ, переселился въ государство Русское, гдѣ подъ именемъ *Зимегога* составилъ трудами своими великое себѣ щастіе. Окончавъ повѣсть свою, повторилъ онъ прозьбу свою къ *Серцерадѣ* о занятіи ею дома его въ Хомоградѣ, которая и согласилась на требованіе добраго сего человѣка съ благодарностію.

Между тѣмъ отплыли. Путь ихъ былъ благополученъ; они миновали уже проливъ Готфскій и вошли въ море Мурманское (*).

(*) Такъ называлось прежде Варяжское море, или Финскій заливъ.

Тутъ встрѣтились они съ тремя кораблями, на якоряхъ стоящими. Подъ начальствомъ *Зимегога* было шесть кораблей; по чему и не опасался къ онымъ подойти. Въ приближеніи его одинъ изъ трехъ кораблей готовился итти къ нему на встрѣчу. Это были люди, надлежащія къ шайкѣ разбойника *Яросила*; увидѣвъ его корабль сочли, что возвращается онъ съ великою добычею, и ѣхали его поздравить. *Зимегогъ* уразумѣлъ ихъ ошибку, позволилъ имъ приближиться и велѣлъ поднять флагъ разбойничій, найденный на его кораблѣ. По сему знаку пошли къ нему и остальные два корабля. *Зимегогъ* очень обрадовался успѣху своей хитрости, отдалъ приказанія, чтобъ ихъ допустивъ окружить; что и исполнено. Разбойники поздно примѣтили свою ошибку, оборонялись отчаянно, но великое пораженіе привело ихъ въ несостояніе противиться. Они спасая жизнь свою, положили оружіе, и были подобно первымъ своимъ товарищамъ раздѣлены по кораблямъ и прикованы къ весламъ. *Зимегогъ* отрядилъ своихъ людей для занятія побѣжденныхъ кораблей, которые рпіобщилъ къ своимъ.

Сдѣлали онымъ обыскъ. Сколь велико было удовольствіе *Зимегогово*, когда увѣдомили его, что онъ побѣдою своею освободилъ младую Ккяжну, прекрасную какъ

Ладу,

Лѣду, и отъ ужасу не могущую опомниться! Онъ пошелъ къ ней, и нашелъ ее трепещущею въ объятіяхъ женщины, равномѣрно испуганной. Успокойтесь, сударыня, сказалъ тронутый тѣмъ *Зимегогъ*; вы уже больше не у разбойниковъ, повѣрьте словамъ моимъ, и позвольте мнѣ проводить васъ къ прекраснѣйшей на свѣтѣ Королевнѣ, почтившей корабли мои своимъ присутствіемъ. Сіе отерло слезы младой Княжны; она встала и по совѣту спутницы своей слѣдовала за *Зимегогомъ*. Радость ея была неописанна при свиданіи съ *Серцерадою* и отъ дружества, съ каковымъ была отъ ней принята. Онѣ съ того часа полюбили другъ друга чрезмѣрно, и спали въ одной комнатѣ. Приключеніе Княжны разсказано было ею слѣдующее:

Я родилась въ государствѣ Гунновъ. Отецъ мой былъ братъ царствующему тамъ Князю, и я воспитана по смерти родителей моихъ Княгинею, моею теткою. Назадъ тому года четыре, прибылъ ко Двору нашему чужестранный Князь неописанной красоты. Тетка моя правила государствомъ; ибо супругъ ея при кончинѣ своей возвелъ ее на престолъ. Чужестранный Князь понравился ей противу своей воли, и она рѣшилась вытти за него замужъ. Князь этотъ, избавившій меня отъ великой опас-

 ности

ности, старался сказывать мнѣ кромѣ того разныя вѣжливости, чемъ сердце тетки моей приведено было въ такую ревность, что никогда не хотѣла мнѣ простить въ такой винѣ, которую мнѣ несправедливо приписывала; а именно: она считала меня своею солюбовницею. Я не знаю, какихъ расположенiй былъ ко мнѣ сей Князь; ибо я его видѣла только одинъ разъ въ моей жизни. Но тетка моя считала, что я въ него влюблена, и приписывала соотвѣтствованiю его холодность къ ней того Князя, коего повелѣла запереть въ мрачную темницу. Я между тѣмъ претерпѣвала множество досадъ, коими старалась она принудить меня помышлять о иномъ щастiи. Я признаюсь вамъ, сударыня, что Князь этотъ не произвелъ во мнѣ никакого особливаго впечатлѣнiя, но показался мнѣ столько любви достоинъ, что я охотно бы согласилась за него вытти, естьлибъ сердце его было свободно. Мнѣ очень хотѣлось узнать его мысли, но я не имѣла случая. Въ таковыхъ обстоятельствахъ отвергала я всѣ предложенiя къ браку до тѣхъ поръ, какъ объявили мнѣ, что свобода чужестраннаго Князя зависитъ единственно отъ сочетанiя моего съ Королевичемъ Готфскимъ. Я рѣшилась къ тому какъ изъ повиновенiя къ моей теткѣ, такъ и для пользы невинно тер-

терпящаго чужестранца, заслуживающаго лучшую участь. И такъ вышла я за Королевича. Чрезъ нѣсколько дней отправилась я съ моимъ супругомъ въ королевство его родителя. Проѣхавъ чрезъ области Князя Русскаго, сѣли мы на корабль при устьѣ рѣки Лады (*), чтобъ моремъ скорѣе могли доѣхать. Но нещастіе ввергнуло насъ въ руки морскихъ разбойниковъ. Супругъ мой въ сраженіи съ ними оказалъ все, что только можетъ храбрый воинъ; однакожъ побѣжденъ превозходствомъ злодѣевъ, и я отведена была на ихъ корабль. Представьте о тогдашнемъ моемъ состояніи! Я хотя не изъ доброй воли вышла замужъ, но супругъ мой умирая отъ ранъ, показалъ мнѣ столь сильные опыты любви своей, что я смягчилась, и кончина его обще съ невольничествомъ повергла меня въ жестокое отчаяніе. На другой день, когда разбойники проплыли Готфскій проливъ, страшная буря разлучила ихъ корабли. — Княжна хотѣла продолжать свою повѣсть, но *Серцерада* перебила слова ея; мѣста ея приклю-

---

(*) Такъ называлась рѣка Нева въ древности по славному капищу богини Лады, стоявшему при истокѣ ея изъ Ладожскаго озера, которое и собственное названіе отъ тогожъ получило.

ключенія причиняли ей безпокойство. Она страшилась, что содержимый въ темницѣ Князь не есть ли *Судиславъ*; что очень сходствовало съ упоминаемымъ въ письмѣ *Мирадовомъ*. Повѣствованіе ея привело нѣжную *Серцераду* въ великой трепетъ; можетъ быть примѣшалась къ тому искорка ревности, и съ той минуты начала она противу желанія своего быть къ Княжнѣ Гуннской столькожъ холодна, сколько прежде была дружественна. Но какъ назывался этотъ нещастливый Князь? спросила она. —— Ахъ, сударыня! отвѣчала Княжна; я не думаю, чтобъ онъ былъ вамъ знакомъ; онъ назывался *Иргумъ*. . . . . При словѣ семъ потребно было *Серцерадѣ* собрать всю свою твердость для сокрытія своего движенія. Довольно, любезная Княжна, сказала она; я не смѣю больше утруждать васъ разсказываніемъ. —— въ сію минуту очень кстати вошелъ *Зимегогъ*, и разговоры сдѣлались общіе.

Медлина и *Зовустана* довольно замѣтили то слово, которое тронуло ихъ Королевну. Онѣ хотѣли дать свободу остаться ей наединѣ; и какъ время было очень хорошо, то предложили выйти прогуляться на палубу. Всѣ согласились, кромѣ *Серцерады*, желающей отдохнуть отъ своего замѣшательства. Оставшись въ каютѣ, ско-

ро пришла она въ себя: возможно ли! говорила она сама себѣ, какая слабость! имѣю ли я причину жаловаться? и можно ли быть столько несправедливой? Не должна ли я Княжну *Златолику* (такъ называлась Княжна Гунская) за ея чистосердечіе, добродѣтель, и особливо за безкорыстное намѣреніе освободить моего возлюбленнаго, высоко почитать? А я вмѣсто того обвиняю ее въ похищеніи моего любовника. Въ чемъ также укорить мнѣ и *Судислава*? Долженъ ли онъ былъ отказать въ помощи сей Княжнѣ, когда тѣмъ всякой человѣкъ обязанъ красотѣ и высокаго достоинства людямъ? Ахъ! я сама стыжусь своей слабости! — Таковое разсужденіе вывело *Серцераду* изъ заблужденія; она постаралась и одержала надъ собою побѣду. Она встала и вышла на палубу съ таковымъ веселымъ лицемъ, какъ бы въ душѣ ея не произошло никакого смущенія.

Онѣ продолжали плаваніе свое до устья рѣки Лады. Княжна *Златолика* сама не вѣдала, куда избрать ей путь, къ свекру ли своему, или въ отечество. *Серцерада* предложила ей возпользоваться страннопріимствомъ *Зимегога*, который самъ просилъ ее о томъ; она согласилась. И такъ выгрузивъ съ кораблей въ плоскодонныя суда товары и сокровища, пошли вверьхъ до Ладина озера, а по томъ вошли въ славную рѣ-

рѣку, получившую свое прозванїе отъ волхва, обитавшаго въ ней, Крокодиломъ. Приближаясь къ Хомограду, *Зимегогъ* отправился напередъ для приготовленїя покоевъ своимъ знаменитымъ гостьямъ; украсивъ оныя драгоцѣнными убранствами, выѣхалъ онъ къ нимъ на встрѣчу, и при наступленїи ночи вышли онѣ изъ судовъ, сѣли въ приготовленныя колесницы, и тайно прибыли въ домъ великодушнаго своего угостителя. Комнаты для *Серцерады* и Княжны были разныя отведены; что очень нужно было и для *Златолики*, потому что она прибывъ въ Хомоградъ занемогла, и пролежала нѣсколько дней въ постелѣ. *Зимегогъ* же съ своей стороны ходилъ съ дарами къ Государю Русскому по обычаю, какъ и всегда онъ дѣлалъ по щастливомъ возвращенїи своемъ; сей Монархъ его отмѣнно жаловалъ, и въ сей разъ удержалъ при себѣ цѣлый день, разговаривая съ нимъ о странахъ и нравахъ народовъ, у которыхъ находился онъ по торгамъ своимъ. Обстоятельства сїи *Серцерада* употребила въ свою пользу; она прїѣхала въ Хомоградъ для сысканїя *Мирада*, и въ слѣдующїй день открылась о томъ *Зимегогу*; сей услужливый человѣкъ не отказалъ ей въ помощи, не взирая на свои недосуги. Давно уже, сказала она ему, живетъ въ здѣшнемъ городѣ вѣрный

мой

мой служитель. Сжалившись надъ моею печалію, объѣхалъ онъ всѣ страны Славянскія для сысканія моего возлюбленнаго Князя; я получила отъ него извѣстіе, что онъ старается чрезъ помощь Русскаго Монарха освободить его изъ заточенія, въ которомъ нашелъ его содержимаго. Я весьма желаю видѣть сего старателя, и тѣмъ больше, что онъ сынъ *Медлины* моей мамки. Вы одни, любезной *Зимегогъ*, можете при Дворѣ провѣдать объ его жилищѣ. — Повелѣвайте вашему слугѣ, отвѣчалъ онъ; я готовъ служить во всемъ. Но почему мнѣ его узнать, естьли онъ здѣсь подъ скрытымъ живетъ именемъ? — Постойте! сказала *Медлина*, мнѣ вспало нѣчто на умъ, о чемъ я должна сказать на единѣ моей Королевнѣ. *Зимегогъ* отшелъ къ сторонѣ; а *Медлина* напомнила *Серцерадѣ* о томъ драгоцѣнномъ кушакѣ, который она ткала своими руками. Оный съ нами, продолжала она, и сынъ мой довольно его помнитъ. Подарите онымъ *Зимегога*; пусть онъ въ немъ ходитъ; *Мирадъ* конечно его примѣтитъ и не преминетъ вступить съ нимъ въ разговоры. *Серцерада* обрадовалась, что имѣетъ чемъ почтить своего благодѣтеля; она велѣла подать этотъ драгоцѣнный кушакъ, и повязавъ сама онымъ *Зимегога*, примите, сказала, работу рукъ моихъ; носите оный

на

на память вашихъ ко мнѣ одолженій; а это самое послужитъ вамъ и къ сысканію *Мирада*. Милость *Серцерадина* тронула больше сего добраго человѣка, нежели цѣна подарка; онъ не зналъ, какъ изъявить свою благодарность, и вышелъ исполнять ея желаніе.

Находясь во Дворцѣ среди великаго собранія, какъ многіе пріятели поздравляли его съ щастливымъ возвращеніемъ, що всякъ удивлялся красотѣ кушака его, о которомъ сказывалъ, что вывезъ изъ чужихъ краевъ. Между прочими замѣтилъ онъ одного молодаго человѣка, который его съ великимъ примѣчаніемъ разсматривалъ. Онъ нарочно подвинулся къ нему, и сталъ бокомъ; молодой человѣкъ съ осторожностію взялъ конецъ кушака, разтянулъ, и посмотрѣвши, сказалъ про себя: это точно онъ; я не ошибся. *Зимгогъ* притворился, будто бы того не видитъ, но молодой человѣкъ поклонясь ему, просилъ отойти съ нимъ къ сторонѣ, потому что имѣетъ спросить у него объ важномъ дѣлѣ. *Зимгогъ*, обрадовавшись успѣху, вышелъ съ нимъ изъ собранія. Осмѣливаюсь спросить, сказалъ незнакомый, какимъ случаемъ получили вы кушакъ этотъ? — Государь мой! я охотно васъ въ томъ удовольствую, отвѣчалъ *Зимгогъ*, когда вы скажете мнѣ свое имя;

я не безъ причины любопытенъ. Меня называютъ *Мирадъ*, сказалъ незнакомый. — О! подхватилъ *Зимегогъ*, такъ я очень щастливъ. Слѣдуйте за мною, государь мой, прошу васъ; вы столькожъ будете обрадованы, какъ и я. Они пошли съ поспѣшенiемъ. *Мирадъ* не зналъ, что подумать; *Зимегогъ* шагалъ такъ споро, что ему не когда было спросить. Онъ привелъ его въ домъ свой, и въ комнату къ Королевнѣ. *Зимегогъ* вошелъ сперва одинъ, и сказалъ задыхаясь: я привелъ *Мирада*. — Ахъ! впустите его скорѣе, вскричала Королевна.

Вѣрный этотъ подданный едва не умеръ съ радости, увидѣвъ сверьхъ ожиданiя свою Государыню, равномѣрно съ радости пролившую слезы; онъ бросился къ ногамъ ея. Какую ты мнѣ вѣсть приносишь, сказала она вздохнувъ, смерть, или жизнь моего возлюбленнаго? Теперь я не могу еще донесть вамъ обстоятельно, былъ отвѣтъ *Мирадовъ*. Однако есть надежда; прошу выслушать отъ меня о всѣхъ подробностяхъ.

Сколько ни важно было это извѣстiе для *Серцерады*, но она не хотѣла лишить *Медлину* свиданiя съ ея сыномъ. Свиданiе это было нѣжно; и потомъ *Мирадъ* повѣствовалъ, какъ онъ нашелъ темницу *Судиславову*, и что случилось съ нимъ въ ко-

ролевствѣ Гуннскомъ. Объ Княжнѣ *Златоликѣ* онъ не больше упомянулъ, сколько доходило къ случаю его повѣствованія. Потомъ продолжалъ онъ: отъѣзжая сюда, испросилъ я обѣщаніе у *Дракомира* извѣщать меня письмами о состояніи Князя *Иргума*. Потомъ прибылъ я въ сей городъ, просилъ самаго Государя здѣшняго о защищеніи его друга, и получилъ великую надежду, когда пришло ко мнѣ отъ *Дракоміра* вотъ это письмо. Оное содержитъ въ себѣ обстоятельное извѣстіе о всемъ касающемся до Князя. Нетерпѣнія исполнившаяся *Серцерада* взяла письмо, и читала въ немъ слѣдующее:

„Я извѣщаю васъ съ особливымъ удо„вольствіемъ, что Князь *Иргумъ* освобожденъ, и что по его приказанію пишу я къ „вамъ. Желаю отъ сердца, чтобъ мое „стараніе принесло пользу сему любезному „и добродѣтельному Князю. — Какъ скоро „бракъ Княжны *Златолики* совершился, и „отъѣхала она изъ Гунигарда, Княгиня наша „вразсужденіи многихъ поднятыхъ записокъ, „касающихся до заточенія *Иргумова*, при„шла въ замѣшательство. Она повелѣла од„ному вѣрному своему тысяцкому выпус„тить Князя изъ заточенія, и отведши она„го на границы государства, обязать клят„вою, чтобъ впредь нога его въономъ не

„была.

„была. Князь согласился на это; тысяцкій „вывезъ его изъ города, и привезъ ко мнѣ „въ замокъ, въ которомъ надлежало про„быть ему, пока изготовятъ все нужное „къ путешествію. Тысяцкій возвратился для „выпущенія изъ темницы одного Славянина, „по услуженіи его находившагося, котораго „Княгиня приказала оставить, между тѣмъ „какъ прочіе высланы были изъ государ„ства. — Я возпользовался отсутствіемъ „тысяцкаго; и какъ мнѣ поручено было „надзираніе надъ *Иргумомъ*, то приближи„вшись къ нему сказалъ: Ваша Свѣтлость! „не давно видѣлъ я младаго Витязя, весьма „старавшагося объ вашемъ освобожденіи. Что „слышу я? вскричалъ онъ; продолжайте. Я „повиновался, и разсказалъ ему обо всемъ, „что между нами было. Какъ онъ называл„ся? спросилъ Князь. *Мирадъ*, отвѣчалъ я „ему, сынъ *Медлины*, мамки Королевниной. „О! я очень его знаю, сказалъ Князь испу„стивъ тяжкій вздохъ. Но что сказывалъ „онъ вамъ объ этой несравненной Королев„нѣ? Я упсваю оную скоро увидѣть при „дворѣ Короля Агафирскаго, ея родителя „— — Какъ! Ваша Свѣтлость, под„хватилъ я; вы не вѣдаете, что этотъ Ко„роль убитъ, и что нещастная дочь его „странствуетъ по свѣту? Слова мои его „поразили. Что ты говоришь! вскричалъ онъ;

 раз-

„разскажи мнѣ все, ни мало не скрывая. Я „разсказалъ ему все, слышанное отъ васъ „и отъ нашихъ купцовъ, торгующихъ съ Агафирсами. О Небо! что мнѣ дѣлать? сказалъ *Иргумъ* по нѣкоторомъ молчанiи; въ „Агафирсы возвратиться мнѣ не можно: „гдѣ найду я возлюбленную мою *Серцераду*? „. . Напослѣдокъ сказалъ онъ мнѣ: *Дракомiръ*! не можешь ли ты мнѣ сыскать „вѣрнаго гонца, который бы немедленно „въ путь отправился? Я обѣщалъ ему то, „и представилъ родниго моего брата. *Иргумъ* написалъ нѣсколько строкъ, но не „кончивъ письма сказалъ: нѣтъ, лучше будетъ вамъ отписать къ *Мираду*, чтобъ „онъ дожидался меня въ Хмоградѣ, куда „я, какъ скоро можно будетъ, отправлюсь. „Послѣ того впалъ онъ въ глубокую задумчивость, а я пошелъ отправить брата моего къ вамъ съ письмомъ этимъ. Съ того „времени мнѣ не удалось поговорить съ нимъ; „притомъ же приуготовленiя къ отъѣзду „вашего Князя заняли меня великими хлопотами. Князь *Иргумъ* отъѣхалъ сего утра „отсюда, шепнувъ мнѣ на ухо: пожалуйте отправьте гонца въ Хмоградъ въ сiю „минуту, чтобъ *Мирадъ* тамъ меня дожидался, а я оставшись теперь свободенъ, „исполню приказанiе одного Князя, которому желаю услужить сколько возможно „лучше.

„лучше. Я прошу боговъ, да сохранятъ Кня-
„зя твоего въ пути и тебя въ добромъ
„здравіи.„

Дракоміръ.

ВЕЧЕРЪ LXIX.

О Небо! сказала *Серцерада* прочитавъ письмо, какъ мы оба нещастливы! Она не могла безъ тайнаго безпокойства слышать о согласіи своего *Судислава* съ Княжною *Златоликою*; и хотя *Мирадъ* въ своемъ повѣствованіи поступилъ очень осторожно, однакожъ возбудилъ опять ревность ея. Неосновательное это подозрѣніе мучило ее, хотя бы письму *Дракомірову* и надлежало ея успокоить. *Мирадъ* продолжалъ свою повѣсть:

Я отпустилъ присланнаго гонца, которой поѣхалъ другою дорогою, чтобъ не встрѣтиться съ тысяцкимъ, везущимъ Князя *Судислава*. Я жилъ по томъ въ полномъ удовольствіи, продолжалъ *Мирадъ*, ежедневно ожидая прибытія *Судиславова*. Но уже три мѣсяца ожиданіе мое тщетно, писемъ отъ него не получаю, и не смѣлъ оста-

оставить сей городъ. —— Да, сказала *Серцерада*, я могла бы постигнуть эту тайну, когда бы смѣла ласкать себя, что одна я обладаю его сердцемъ. Увы! я нахожусь въ великомъ ужасѣ, заботясь о томъ, чтобъ *Судиславъ* вмѣсто ѣзды сюда не обратился въ Агафирсы, гдѣ его узнаютъ и безъ пощады вручатъ Королю *Закоміру*, коего лютая политика наноситъ мнѣ трепетъ. Возлюбленный мой *Зимегогъ*! говорила она обратясь къ купцу: васъ въ нашемъ королевствѣ не вѣдаютъ; не можете ли вы сдѣлать мнѣ одолженія? поѣзжайте туда и освѣдомтесь объ моемъ Князѣ.

Замѣшательство, съ каковымъ выслушалъ это предложеніе *Зимегогъ*, поразило Королевну и умножило ея безпокойство. *Зимегогъ* не безъ причины опасался этой ѣзды, которую открыть не находилъ за нужное; но требованіе *Серцерадино* извлекло его тайну. Я открою вамъ, государыня, препятствіе, непозволяющее мнѣ исполнить вашу волю. Я называюсь *Форгасъ*, и былъ прежде сего невольникъ Князя *Бурносила*, отца *Закомірова*. По видимому былъ я неблагодаренъ, что оставилъ Князя, осыпавшаго меня милостьми. Раздраженный мною *Бурносилъ* поставилъ цѣну за привезеніе моей головы во всѣхъ ближнихъ Славянскихъ державахъ; и хотя сынъ его, нынѣшній Король Агафирскій,

скій, былъ тогда еще невозрастенъ, но меня могутъ легко узнать старые чиновники, кои можетъ быть переселились съ нимъ изъ Болгаръ. *Закомиръ* пожелаетъ отмстить за отца своего, и пожертвуетъ тѣни его невольника, который согласится тысячу разъ лишиться жизни, нежели открыть причину, понудившую его къ побѣгу. Теперь разсудите, государыня, могу ли я въ семъ королевствѣ оказать вамъ услугу? — Таковая невозможность вывела *Серцераду* изъ неудовольствія; она хотѣла нѣчто сказать ему, какъ пресѣкъ то послышанный смѣшанный шумъ. Любопытство понудило *Зимегога* и *Мирада* вытти на открытый переходъ, съ котораго видимо было на площадь, предъ Дворцомъ находящуюся. Они усмотрѣли оную наполненною народомъ. Тысяча голосовъ кричали: это Князь *Дарославъ*; онъ не умеръ; вотъ онъ! *Зимегогъ* имѣлъ привязанность къ этому Князю, отъ котораго получалъ многія милости, и по тому кончину его оплакивалъ. Онъ безъ памяти бросился въ комнату къ *Серцерадѣ*, и испросилъ у нее позволеніе итти съ *Мирадомъ* освѣдомиться о таковомъ нечаянномъ и важномъ приключеніи для государства Русскаго. Они побѣжали; а *Серцерада*, требующая успокоенія, послала *Медлину* и *Зо-*

вустану къ *Златоликѣ* будто бы для освѣдомленія о ея здоровьѣ.

Зимегогъ и *Мирадъ* съ затрудненіемъ протѣснились сквозь толпу народа. Такъ точно, вскричалъ *Зимегогъ* приближась: это Князь *Дарославъ*; я очень его знаю. Онъ открылъ свою о томъ радость *Мираду*, который не отвѣчая занимался другими мыслями. Князя сего несли на рукахъ для предохраненія, чтобъ народъ изъ усердія его не задавилъ. *Зимегогъ* съ товарищемъ своимъ старались подойти ближе, но между тѣмъ отрядъ тѣлохранителей выступилъ изъ дворца, разогналъ народъ и окружилъ Князя. Какъ скоро они вошли въ большія врата, оныя заперли, и Князя видѣть уже было не можно.

Зимегогъ и *Мирадъ* возвратились къ *Серцерадѣ*, незаботящейся о городскомъ приключеніи. *Мирадъ* занимался своими мыслями, кои требовали однако подтвержденія. Но *Серцерада*, желая участвовать въ радости *Зимегоговой*, просила его разсказать повѣсть о *Дарославѣ*, коего не инако считала, какъ сыномъ Русскаго Государя.

Между тѣмъ, какъ *Зимегогъ* готовился исполнить повелѣніе *Серцерады*, отшедшей съ нимъ для сего въ покой къ *Златоликѣ*; *Мирадъ* помышлялъ о средствахъ, какъ бы

дойти

дойти ему до Князя *Дарослава*. Онъ не могъ противиться пріятной надеждѣ, родившейся въ немъ отъ совершеннаго сходства Князя сего съ *Судиславомъ*. Въ самомъ дѣлѣ сходство это было столько велико, что подало причину ко многимъ важнымъ приключеніямъ.

Когда Князь *Судиславъ* освободился изъ темницы Гунигардской, не кончилась тѣмъ превратность его щастія. На границѣ сего государства простился онъ съ тысяцкимъ, и продолжалъ путь къ Хомограду. Приближаясь уже къ предѣламъ округи сей столицы Русской, вечеромъ, когда проѣзжалъ онъ великій лѣсъ, небо вдругъ покрылось густыми облаками и сдѣлалось такъ темно, что онъ терялъ дорогу. По щастію увидѣлъ онъ вдали огонь, на который поворотилъ онъ коня своего, въ чаяніи найти дровосѣковъ и проводить ночь у нихъ.

Судиславъ не обманулся въ этомъ; онъ достигъ къ бѣдной хижинѣ и вошелъ въ оную. Хозяева приняли его ласково; семейство ихъ состояло изъ престарѣлаго поселянина, старухи и молодца лѣтъ дватцати, Они всячески старались услуживать Князю и просили у себя ночевать, что *Судиславъ* и принялъ съ благодарностію. Молодой человѣкъ, которой былъ сынъ стариковъ, сказалъ ему: батюшка! у насъ нѣтъ доволь-

наго запасу для потчиванія нашего гостя, не сходить ли мнѣ въ замокъ? — Какъ въ замокъ? подхватилъ *Судиславъ* удивленный, чтобъ въ таковомъ пустомъ лѣсу могъ кто нибудь жить? — Это замокъ Княжны *Милостаны*, сказалъ старикъ; какъ! вы не знаете, что она здѣсь живетъ? — Другъ мой! отвѣчалъ Князь; мнѣ обстоятельства не извѣстны: я чужестранецъ, и вы одолжите меня обстоятельнымъ извѣстіемъ. — Я неспособенъ къ этому, сказалъ старикъ; я говорю грубымъ деревенскимъ языкомъ, ты меня не выразумѣешь; я забочусь только объ моей работѣ. Но вотъ сынъ мой *Трисилъ* заступитъ мое мѣсто; онъ часто бываетъ въ замкѣ, гдѣ очень навыкъ, и женщины, находящіяся при Княжнѣ, много кой чего ему разсказывали. *Трисилъ* охотно снялъ на себя повѣствованіе, и сказывалъ слѣдующее:

Княжна *Милостана* была въ супружествѣ за Княземъ *Дарославомъ*, старшимъ сыномъ нашего непобѣдимаго Государя. *Милостана* также дочь одного сильнаго Владѣтеля. Князь нашъ увидѣлъ ее нѣкогда, и нашелъ ее столько прекрасну, что съ согласія своего родителя на ней женился. Онъ сердечно любилъ жену свою и никогда съ нею не разлучался, кромѣ того, когда ѣзжалъ на пустой островъ озера Ирмера,

гдѣ

гдѣ забавлялся онъ рыбною ловлею. Уже тому годъ прошелъ, какъ онъ съ однимъ молодымъ бояричемъ, коего называлъ своимъ любимцемъ, и со многими служителями Двора своего туда поѣхалъ. Чрезъ три дни сей любимецъ въ великой печали возвратился во Дворецъ, и требовалъ допуску предъ великаго Князя. Разговоръ его съ Государемъ продолжался три часа, и кончился плачевнымъ образомъ.

Государь вдругъ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ и вскричалъ: сорвите голову съ сего злодѣя, который допустилъ умереть своему Князю. Двое изъ тѣлохранителей пошли и вынесли отсѣченную голову нещастнаго сего любимца. Вскорѣ по томъ разнесся слухъ о кончинѣ Князя *Дарослава*.

Надъ вечеръ того дни прочіе бывшіе съ нимъ на рыболовствѣ возвратясь извѣстили, что Князь *Дарославъ* по обыкновенной привычкѣ своей очень рано вышелъ съ однимъ любимцемъ своимъ ловить рыбу на отдаленный берегъ острова; чрезъ четыре часа смятенный любимецъ прибѣжавъ сказалъ: ахъ! Князь утонулъ; я не могъ его спасти. А вы развѣ не слыхали моего крику? По томъ онъ помолчавъ нѣсколько, сказалъ: я поѣду напередъ ко Двору, чтобъ искусно извѣстить Государя о семъ нещастіи. Любимецъ поѣхалъ; а оставшіеся чинивъ

живъ поиски, не нашли на берегу ничего, кромѣ двухъ капель свѣжей крови, которая могла быть изъ рыбъ, ободранныхъ сѣтьми. Таковое двумысленное замѣчаніе произвело разныя заключенія, и скорая казнь любимца не могла мысли народа успокоить.

Вотъ господинъ честной, продолжалъ поселянинъ, все, что могли мы провѣдать о семъ страшномъ приключеніи, о которомъ по повелѣнію Государеву и упоминать запрещено. Этотъ нашъ Государь съ нѣкотораго времени находится въ великой печали и задумчивости, не открываясь никому въ причинѣ своего огорченія. —

Судиславъ удивился, слыша повѣствованіе *Трисилово*; потому что хотя жилъ онъ и нѣсколько мѣсяцовъ при Дворѣ Князя Русскаго, но не слыхалъ ни о старшемъ сынѣ его, ни о супругѣ его *Милостанѣ*. — Между тѣмъ поселянинъ продолжалъ:

Не знали, какимъ бы образомъ увѣдомить о таковомъ великомъ нещастіи Княжеву *Милостану*, коя страстно любила своего мужа. Свекоръ ея, великій Князь, имѣлъ особливую склонность къ ней какъ въ разсужденіи красоты, такъ и любви достойнаго ея нрава. Онъ старался всячески уменьшить печаль ея; но она услышавъ о смерти супруга своего, лишилась языка и стала какъ

без-

безумная. . . . Оставьте меня, сказала она напослѣдокъ; мнѣ должно быть одной. Слова сіи произвели догадку, что она покушается лишить себя жизни; но какъ Княжева неотступно повторяла свое требованіе, Государь нашъ приказалъ двумъ женщинамъ имѣть за нею надзиранiе; отъ-сихъ то женщинъ слышалъ я это обстоятельство.

По прошествіи трехъ часовъ *Милостана* вскочила, и не говоря ни слова, пошла къ своему свекру. Всемилостивѣйшій Государь! сказала она ему, какъ могу я сыскать тѣло моего мужа? Я рѣшилась соединить съ онымъ прахъ мой. Государь нашъ, которому вопросъ этотъ былъ непріятенъ, сказалъ ей только сіе: оставьте, сударыня, ваше ужасное намѣреніе, и берегите жизнь свою для утѣшенія моего по уронѣ моего любезнаго сына; я считаю, что обрѣтаю онаго, когда васъ вижу. Нѣтъ Государь, отвѣчала она, я не могу въ томъ мѣстѣ жить, гдѣ нѣтъ моего супруга; но какая причина не допускать меня видѣть драгоцѣнные его остатки? Такъ онъ конечно живъ; и чтобъ могла я его дожидаться въ здѣшнихъ печальныхъ мѣстахъ, прошу объ одной милости Вашего Величества. Подарите мнѣ округу съ тѣмъ дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ я почасту съ возлюбленнымъ моимъ *Дарославомъ* упражнялась въ звѣроловствѣ.

ловствѣ. Домъ, построенный имъ для моего отдохновенія, будетъ моимъ жилищемъ; а половина доходовъ съ сего лѣсу составитъ мое содержаніе. Въ немъ буду ждать я пять лѣтъ моего супруга; и когда онъ въ этотъ срокъ не возвратится, я знаю уже, что мнѣ сдѣлать.

Свекоръ ея съ нѣжнымъ состраданіемъ примѣтилъ замѣшательство ума ея. Она безпрестанно кричала: отдайте мнѣ тѣло моего мужа! или я никогда не повѣрю, что онъ умеръ. Всѣ совѣты и представленія не могли отвратить ее отъ намѣренія; она не преставала просить объ уступкѣ лѣсу, и Государь въ удовлетвореніе ея принужденъ былъ дать ей на оное мѣсто грамоту. По полученіи сего отпустила она всѣхъ своихъ служителей, кромѣ трехъ женщинъ и десяти вѣрныхъ невольниковъ, съ которыми она сюда переѣхала, и съ той поры изъ дому не выходитъ.

Сначала великій Князь посѣщалъ ее здѣсь не рѣдко; но она упросила его, чтобъ онъ этотъ трудъ оставилъ, потому что она ищетъ уединенія. Какъ три женщины, при ней находившіяся, не давно зачали весьма скучать здѣшнимъ житьемъ: дала она и имъ отпускъ, и съ того времени служатъ при ней наши бабы и дѣвки по очереди.

Кня-

Княжева въ добромъ находится разумѣ, кромѣ того, что сомнѣвается въ смерти своего мужа, и ежечасно ожидаетъ его возвращенія. Надежда эта пустая: всѣ обстоятельства оную опровергаютъ, но она не можетъ ее оставить. Какъ скоро она сюда прибыла, продолжалъ *Трисилъ*, первое ея стараніе было о приуготовленіи великаго костра дровъ, на содержаніе котораго употребляетъ она половину доходовъ съ сего лѣсу; костеръ этотъ горитъ денно и ночно, и огонь отъ него привелъ васъ къ намъ. Она для безпрестанной сей работы пригласила дровосѣковъ, въ числѣ которыхъ и мы находимся, рубя ежедневно дрова для возобновленія костра. Ежедневно же за часъ предъ захожденіемъ солнца ходитъ она на высокую не въ дальности отсюда находящуюся гору; по томъ бросаетъ три полена въ костеръ, и троекратно воскликнувъ громкимъ голосомъ, возвращается домой и запирается въ своей спальнѣ. Вскорѣ послѣ того долженъ я приходить къ ней и пѣть деревенскія пѣсни; въ томъ состоитъ вся ея забава. —— Ахъ! сказалъ *Судиславъ*, ты привелъ меня въ любопытство; мнѣ весьма хочется видѣть сію удивительную Княжеву; и естьли она жалуетъ пѣніе, можетъ быть и я могу доставить ей увеселеніе. Нѣтъ, господинъ честной, сказалъ *Три-*

Трисилъ, это не возможно; однако спойте что нибудь, я послушаю. *Судиславъ* во угожденіе его запѣлъ ту пѣсню, кою самъ сочинилъ на разлуку съ своею *Серцсрадою*, съ таковымъ искусствомъ и съ таковою пріятностію, что простосердечные дровосѣки прослезились.

Да! господинъ доброй, сказалъ *Трисилъ*, Княжевѣ нашей должно васъ послушать; ты прогонишь всю ея тоску. А какъ теперь самая къ тому пора, то пойдемъ со мною въ замокъ. Они пошли. *Трисилъ* вошелъ напередъ доложиться. *Судиславъ* оставшись въ передней комнатѣ, занимался разсматриваніемъ картинъ, и весьма удивился, увидѣвъ между оными свой портретъ. Онъ не зналъ, что подумать, но мысли его остановлены были. *Трисилъ* отворилъ двери, и кликалъ его къ *Милостанѣ*. Оная по обыкновенію своему лежала на постелѣ, когда онъ вошелъ. Не можно описать сердечныхъ движеній, почувствованныхъ *Милостаною* при взглядѣ на *Судислава*; она не могла выговорить слова. Не сонъ ли я вижу? вскричала она наконецъ; ахъ, мой возлюбленной супругъ! тебя ли я вижу послѣ таковой долгой разлуки? Князь, изумленный чрезвычайностію сего приключенія, понялъ, что игра естества сходствомъ лица его подкрѣпила *Милостану* въ ея сумо-

вбродствѣ, и не отвѣчалъ ничего; а она продолжала говорить нѣжныя привѣтствія свои, которыхъ онъ притворился неслышащимъ.

Милостана не могла далѣе лежать въ постелѣ; кликнула свою женщину, приказала подать верьхнее платье, и накинувъ оное бросилась къ *Судиславу*. Она схватила его въ объятія; но *Судиславъ* съ почтеніемъ отведши ея руки, сказалъ: вы ошиблись, милостивѣйшая государыня: я отнюдь не супругъ вашъ, но нещастной чужестранецъ. —— —— Ахъ вѣроломной! вскричала она, за чемъ появляешься ты предъ меня съ таковымъ притворствомъ? Безчеловѣчной! какое удовольствіе находишь ты меня мучить? Не трогаетъ ли тебя жалостное состояніе, въ которое приведена я любовію къ тебѣ? —— Ваше Высочество! сказалъ *Судиславъ*; я немного васъ щастливѣе, однако не могу утверждать васъ въ семъ заблужденіи, которое обоимъ намъ дорого будетъ стоить; я повторяю еще, что я не есмь супругъ вашъ. —— —— Изрядно! когда ты и не онъ, такъ будь имъ; ошибка моя мнѣ нравится, и сходство лица твоего поможетъ намъ весь свѣтъ обмануть; ступай, поѣдемъ въ Хомоградъ: тамъ ты будешь ожидать наслѣдованія престола Рускаг. —— —— Ахъ! что вы мнѣ предлагаете?

таеше? сказалъ *Судиславъ* съ досадою. Могу ли я измѣнить прекраснѣйшей Королевнѣ, содержащей въ неволѣ у себя мое сердце? — О чудовище! безчеловѣчной! вскричала внѣ себя приведенная *Милостана*; теперь вижу, для чего притворяешься ты меня незнающимъ; ты отдалъ *другой* измѣнническое свое сердце. . . Выговоривъ это, кликнула она своихъ невольниковъ: возьмите, сказала она имъ, сего чужестранца, и отведите въ запертые переходы; я спрошу его на васъ. Князь хотѣлъ оборонятся, но его не допустили: четыре сильныхъ невольника схватили его, обезоружили и отвели.

Милостана была внѣ себя. *Трисилъ* одинъ бывшій свидѣтелемъ сего явленія, приведшаго его въ удивленіе, употребилъ всѣ возможные по простотѣ своей способы къ успокоенію ея. Но видѣвъ, что всѣ труды его безплодны, побѣжалъ сказать о томъ своей матери, къ которой *Милостана* имѣла довѣренность. Старуха эта провела ночь съ нею; *Милостана* дѣлала ей многіе вопросы, какъ Князь пріѣхалъ въ ихъ хижину, и что съ ними говорилъ. — Это правда, сказала старуха, мы еще дома замѣтили, что чужестранецъ этотъ лицемъ такъ сходенъ къ твоему мужу, что ошибиться можно. Однако, что бы помѣшало ему узнать тебя? Онъ намъ показался, что нещастіе

твое совсѣмъ ему не извѣстно, и просилъ насъ разсказать объ ономъ обстоятельно. Какой ему барышъ въ томъ, что появился онъ къ тебѣ незнакомымъ?

Всѣ таковыя представленія не имѣли мѣста у *Милостаны*; она еще больше прежняго вѣрила, что *Судиславъ* точно ея супругъ. Какъ скоро разсвѣло, пошла она къ нему, однако не могли согласиться; *Судиславъ* постоянно противился ласканіямъ и угрозамъ ея, такъ что она продержала его три мѣсяца у себя подъ карауломъ.

Дровосѣки знали Князя *Дарослава* только по видѣнному портрету, и такъ не знали, что думать между тѣмъ, какъ невольники *Милостанины*, знавшіе сего Князя, клялись, что *Судиславъ* точно онъ. Они были Государынѣ своей очень вѣрны, и *Судиславъ* никакъ не могъ ихъ подкупить къ освобожденію своему. Сношеніе между *Милостаною* и Дворомъ ея свекра такъ прервалось, что Князь Великій совсѣмъ не зналъ о происходящемъ въ семидесяти верстахъ отъ его столицы. Съ *Судиславомъ* былъ одинъ только невольникъ изъ Хвалисовъ, которой о господинѣ своемъ не больше вѣдалъ, что онъ Князь *Иргумъ*. Хотя онъ ни о чемъ былъ не вѣдущъ, но его держали подъ карауломъ; однако онъ на-

шелъ случай убѣжать, и съ того времени не слыхали, куда онъ дѣлся.

ВЕЧЕРЪ LXX.

Въ таковыхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ *Судиславъ* ни отъ кого не могъ ожидать помощи, кромѣ добросердечнаго дровосѣка *Трисила*. Однакожъ сдѣлать ему предложеніе составляло вещь опасную. Родители сего молодца пользовались таковою милостію отъ *Милостаны*, что сынъ ихъ не инако, какъ за измѣнничество счелъ бы помощь къ его освобожденію, а особливо не зная собственно, кто онъ таковъ. *Трисилъ* одинъ имѣлъ свободу входить къ *Судиславу*. *Милостана* не имѣя другаго посредственника, полагалась на старанія *Трисиловы* къ приведенію мнимаго *Иргума* ей въ послушаніе. Хотя наконецъ она и рѣшилась не видать его никогда, но *Трисилъ* безпрестанно переносилъ между ими переговоры.

Между тѣмъ заточеніе *Судиславово* продолжалось, и нетерпѣливость его умножалась со дня на день, что не можетъ

онъ

онъ времени сего употребить на сысканіе своей возлюбленной *Серцерады*. *Милостана* съ своей стороны всѣ употребила способы, и сопротивленіе *Судиславово* доводило ее до таковаго отчаянія, что она не однократно готова была броситься въ костеръ, ежедневно у ней горящій. Послѣ сего отчаянія слѣдовало желаніе опять склонить его. Она рѣшительно утверждала, что это супругъ ея, или быть онымъ долженъ. Этотъ чужестранецъ, говорила она, долженъ употребить въ пользу свою таковую выгодную ошибку, и не будетъ больше меня обманывать, хотя бы онъ и не былъ мужъ мой; довольно, что я такъ къ нему благосклонна и хочу предаться сему заблужденію. Но *Судиславъ* былъ совсѣмъ инаго мнѣнія.

Среди смятенія, въ каковомъ *Судиславъ* находился, вознамѣрился онъ открыться *Трисилу*, чего бы то ни стоило. Онъ началъ ему сперва сожалѣніемъ о томъ, что онъ не есть супругъ *Милостанинъ*, и что не можетъ удовлетворить ея желанію. Потомъ ввѣрилъ ему о настоящемъ своемъ имени и о любви своей къ Королевнѣ *Серцерадѣ*, съ которою обрученъ. Онъ разсказалъ ему вкратцѣ свои и ея приключенія; словомъ сказать, онъ умѣлъ тронуть сего добросердечнаго дровосѣка такъ, что онъ обѣщался помочь его бѣгству.

Переходы, въ которыхъ *Судиславъ* былъ запертъ, опирались на стѣнѣ замка, подъ коего текла небольшая рѣчка. *Трисилъ* обѣщалъ ему въ слѣдующую ночь подъѣхать подъ окна въ лодкѣ и отвезти въ безопасное мѣсто. Онъ сдержалъ свое слово; а *Судиславъ* изрѣзавъ занавѣсъ и простыню своей постели въ лоскутки, связалъ и спустился по онымъ въ лодку. *Трисилъ* довезъ его до нѣкотораго мѣста, гдѣ приготовлены были у него лошади; они, не взирая на темноту ночную, поскакали въ Хомоградъ.

Не возможно описать отчаянія *Милостанина*, въ каковое пришла она по своемъ пробужденіи. Невольникъ, входившій ежедневно поутру къ запертому *Судиславу*, сказалъ ей, что онъ нашелъ дверь заперту изнутри, и Князя не могъ докликаться. —— О Небо! вскричала она; не ужь ли онъ ушелъ отъ меня? . . . Вели выломать двери. Невольникъ учинилъ повелѣнное, и осмотрѣвъ привязанное къ скобѣ полотно, по которому Князь спустился, не имѣлъ смѣлости о томъ ей донесть. Но *Милостана* не терпя дожиданія отвѣту, сама прибѣжала. Увѣрясь, что *Судиславъ* ушелъ, пришла она въ совершенное изумленіе: проливала горькія слезы, изодрала лице свое, билась объ полъ и выла. Никто не смѣлъ къ

ней

ней подступить; вдругъ она выгнала отъ себя всѣхъ, и грозила заколоть кинжаломъ всякаго, кто ей на глаза осмѣлится появиться. Ее оставили одну. Спустивъ нѣсколько, кликнула она одного невольника: закрой всѣ окны, сказала она; принеси мнѣ свѣчь; я не могу на свѣтъ глядѣть.

Когда она показалась успокоившеюся, пришли къ ней опять, и деревенскія женщины старались ее утѣшать. Она слушала представленія ихъ; и подумали тогда, что она опомнилась. Притворствомъ таковымъ она всѣхъ обманула; и какъ окружающіе ее успокоились, пожелала она опять остаться одна. Княжна искала только, чтобъ дали ей свободу; она заперлась въ своей спальнѣ, стаскала всѣ удобно загорающіяся вещи въ кучу и зажгла. Но прежде нежели огонь прошибъ въ окна, ушла она въ потайныя двери, прибѣжала къ холму, и съ онаго бросилась въ горящій костеръ, такъ что не въ дальности находившіеся дровосѣки не поспѣли подать ей помощи. На крикъ ихъ сбѣжались всѣ, но уже поздно; огонь задушилъ нещастную *Милостану*. Между тѣмъ увидѣли весь замокъ объятый пламенемъ; сіе отвело ихъ отъ костра, однако они ничего не могли спасти; огонь обратилъ и замокъ и тѣло злополучной *Милостаны* въ пепелъ. Ужасъ, причиненный тѣмъ въ сей

пустынѣ, былъ столько великъ, что едва надоумились дать о происшедшемъ извѣстіе ко Двору въ Хомоградъ. Но сколь ни страшно показалась Государю Русскому участь снохи его, но оная вскорѣ загладилась въ памяти его другимъ важнымъ произшествіемъ. Оное послужило ко основанію величія Князя *Судислава*, равномѣрно какъ совершенное и невѣроятное его сходство къ сыну Государя Русскаго *Дарославу*.

Мирадъ въ чаяніи своемъ не обманулся; это былъ въ самомъ дѣлѣ *Судиславъ*, которому народной вопль присвоилъ имя Князя *Дарослава*, и подъ онымъ проводилъ его во Дворецъ. Когда же Князь туда прибылъ, заперли его въ комнатѣ по близости внутреннихъ Великаго Князя покоевъ, съ повелѣніемъ, чтобъ никого къ нему не допускали.

Судиславъ стыдился подтвердить всеобщую ошибку; онъ и дорогою опровергалъ мнѣніе народа, но крикъ онаго заглушалъ слова его; а которые и вслушались въ оныя, вѣрили больше глазамъ своимъ, и думали, что Княжичь ихъ отпираться отъ своего имени имѣетъ важную причину.

Чрезъ часъ времени увидѣлъ *Судиславъ* вошедшаго къ себѣ чрезъ потайныя двери престарѣлаго величественнаго виду, но бѣдно одѣтаго мужа. Разсматривая долгое время

Суди-

Судислава, сказалъ онъ: поистиннѣ нѣтъ ничего удивительнѣе, и я самъ не знаю, что подумать; естьли бы я не имѣлъ вѣрнаго свидѣтельства въ рукахъ моихъ, что Князь *Дарославъ* мертвъ, могъ бы ошибиться. Это говорилъ незнакомый про себя; по томъ обратясь къ *Судиславу*, сказалъ повелительнымъ голосомъ: кто ты таковъ? Какъ ты находишься теперь во власти Государя Русскаго, то берегись утаить истинну. Государь мой! отвѣчалъ Князь со изумленіемъ; я не знаю, кто вы таковы, что можете такъ гордо повелѣвать мнѣ; но кто бы вы ни были, я могу сказать чистосердечно, что я не есмь Князь *Дарославъ*. Я употреблялъ всѣ силы уничтожить ошибку народа здѣшняго, причинившую мнѣ нынѣ поруганіе, что я взятъ невинно подъ стражу. Вотъ все, что я вамъ сказать могу; кто же я именно, объ томъ никому не скажу, кромѣ самаго Великаго вашего Государя. Сказавъ это *Судиславъ* замолчалъ.

Незнакомый, бывъ тронутъ благородною твердостію *Судислава*, не могъ долѣе скрывать себя. Изрядно, сказалъ онъ ему, такъ ввѣрьте мнѣ вашу тайну; я самъ Великій Князь Русскій, и желая вамъ оказать чистосердечныя мои услуги, требую отъ васъ подробной откровенности. — Ахъ! Всемилостивѣйшій Государь, сказалъ *Суди-*

 славъ

славѣ повергшись на колѣно; возможно ли! вы не узнали преданнаго вамъ Князя *Иргума*, равно какъ и я самъ, по пятилѣтнемъ моемъ отсутствіи. Но вы, Всемилостивѣйшій Государь, столько перемѣнились, и ваше переодѣяніе —— Возможно ли, вскричалъ съ своей стороны Государь Русскій, заключивъ его въ свои объятія; я не узналъ моего друга и благодѣтеля моего государства. Вѣрь, любезный мой Князь, что одолженія твои никогда не выходили изъ моей памяти, но чрезъ пятилѣтнюю разлуку вы совсѣмъ перемѣнились: я зналъ васъ въ цвѣтѣ юности, но теперь черты лица вашего стали мужественны, и дородство перемѣнивъ ростъ вашъ, придало вамъ совсѣмъ иной видъ, причинившій нынѣ всеобщую ошибку.

Послѣ таковыхъ привѣтствій *Судиславъ* открылъ ему истинное свое имя и всѣ приключенія своей жизни, не утаивъ ни малой подробности. Когда дошло до заточенія его въ Гунигардѣ, Государь Русскій спросилъ его: и такъ точно *Мирадъ* отъ васъ просилъ моей помощи? Я готовъ былъ подать оную, и войска мои были собраны; выступили бы уже въ походъ, естьли бы самъ *Мирадъ* не остановилъ того, не знаю, по какой причинѣ. *Судиславъ* благодарилъ его за сей опытъ милости, и продолжалъ, какимъ образомъ онъ получилъ свою свободу. Онъ кон-

кончилъ повѣсть свою описанiемъ любви своей съ *Серцерадою* въ таковыхъ живыхъ краскахъ, кои можетъ изобрѣтать только страстное сердце.

Позвольте мнѣ сказать вамъ, говорилъ Государь Русскiй, выслышавъ его повѣсть: можете ли вы полагаться на клятвы странствующей Королевны, которая считаетъ васъ погибшимъ съ тѣхъ поръ, какъ сама оставила страну Агафирскую? — Ахъ! Всемилостивѣйшiй Государь, отвѣчалъ *Судиславъ*, сiе-то меня и безпокоитъ; можетъ быть я никогда ее не увижу, однакожъ по смерть мою не престану ее любить. — Но выслушайте меня, подхватилъ Государь Русскiй; великодушiе ваше и извѣстныя мнѣ достоинства приводятъ меня къ другому намѣренiю. Важное дѣйствiе занимаетъ мои мысли, и произведенiе онаго не терпитъ отсрочки. Согласiе ваше съ моимъ предложенiемъ поправитъ всѣ ваши нещастiя; однакожъ послѣ открытiя страшитесь упорствовать моему требованiю. Несогласiе ваше обратитъ меня вамъ во врага, и принудитъ забыть всѣ ваши одолженiя. *Судиславъ* не зналъ, что ему отвѣчать; а Государь Русскiй продолжалъ:

Изъ повѣсти вашей, любезной мой *Судиславъ*, вижу я жестокость вашей участи. Вы родились для ношенiя короны, но не имѣете

ни сажни земли и ни малой надежды къ пріобрѣтенію. Я хочу помочь сему и предложить вамъ великое щастіе. Слушайте со вниманіемъ, и не перебивайте словъ моихъ; важность тайны, ввѣряемой вамъ, покажетъ, сколь опасно то, когда вы оной измѣните.

Я имѣлъ первороднаго сына, котораго любилъ съ чрезмѣрною нѣжностію; казалось, что и онъ оказывалъ ко мнѣ всѣ знаки сыновней любви. Самая сія нѣжность моя къ нему, больше нежели право первородства, принудила меня объявить его наслѣдникомъ престола. Этотъ неблагодарный сынъ, бывъ и такъ близокъ къ престолу, похотѣлъ ускорить всходомъ на оной. Мнѣ донесли, что онъ учинилъ заговоръ на жизнь мою; я не подалъ знаку, что мнѣ оный извѣстенъ, и избралъ надежнѣйшій путь... Однако Князь, повторилъ онъ, не забывайте, что несохраненіе моей тайны подвергаетъ васъ опасности.

Сынъ мой *Дарославъ*, продолжалъ Государь Русскій, имѣлъ любимца, молодаго и глупаго человѣка, коего корыстолюбіе мнѣ было извѣстно. Я склонилъ онаго великою суммою денегъ и знатнымъ обѣщаніемъ на мою сторону: онъ ослѣпленъ бывъ таковымъ щастіемъ, предался совершенно моей волѣ. Онъ ожидалъ способнаго случая къ исполненію повелѣннаго, чтобъ убить *Дарослава* до отъѣзду его на рыбную ловлю;

лю; тамъ нашелъ онъ способъ удалиться съ нимъ отъ всѣхъ, и умертвилъ его. Скрывъ слѣды, чтобъ ни малаго не осталось подозрѣнія, возвратился онъ къ бывшимъ съ ними, и объявилъ съ притворнымъ плачемъ, что *Дарославъ* утонулъ и тѣло его погрузло въ воду. Но какъ я не могъ онаго спасти и не могу пережить моего нещастія, то пойду къ Государю испросить себѣ смерть за мою оплошность. Ахъ! продолжалъ Монархъ; этотъ безбожный любимецъ предвѣщалъ свою погибель; онъ прибылъ ко мнѣ за нѣсколько часовъ прежде своихъ товарищей. Я слышалъ отъ него ужасное это повѣствованіе; но когда показалъ онъ мнѣ окровавленную голову моего сына, природа возбудила всѣ родительскія чувствованія; я пришелъ въ таковое изступленіе, что самъ себя не вспомнилъ; я забылъ, что самъ совершить это повелѣлъ, и казнилъ нещастнаго исполнителя моего мщенія. Все это случилось не задолго до вашего у меня пребыванія; вы можете понять, по какой причинѣ вы не свѣдали, что у меня былъ сынъ; я запретилъ упоминать объ немъ. Государь Русскій вздохнулъ при томъ, и по нѣкоторомъ молчаніи перемѣнивъ голосъ, сказалъ: я и въ первое пребываніе ваше имѣлъ намѣреніе удержать васъ при себѣ; а нынѣ предубѣжденіе народное, по сходству лица вашего къ *Дарославу*, укрѣпляетъ меня въ

онОмъ.

оном. То есть, вы должны принять с именем *Дарослава* его супругу, и быть по мнѣ наслѣдником престола, или неминуемо умереть.

Судиславъ чрезмѣрно пораженъ былъ тѣмъ, что не размысливъ должно ему рѣшиться въ таковомъ важномъ дѣлѣ. Онъ видѣлъ тысячу розныхъ препонъ въ этомъ согласіи, изъ которыхъ одна совсѣмъ лишила его словъ. —— —— Объясняйся, говорилъ Государь важнымъ голосомъ; соглась на предлагаемое, или готовься умереть. Я не за тѣмъ ввѣрилъ тебѣ тайну мою, чтобъ притомъ подвергнуть себя опасности. —— Ваше Величество! сказалъ *Судиславъ* съ благородною твердостію: щастіе, предлагаемое мнѣ отъ высокой вашей особы, столько велико, что не льзя отъ онаго отрещись. Но одно обстоятельство приводитъ въ несостояніе, и удержитъ меня отъ повиновенія, хотя бы то и жизни моей стоило. Я не могу пользоваться милостію Вашего Величества съ тѣмъ, чтобъ жениться на *Милостанѣ* и нарушить клятвы, коими обязанъ я Королевнѣ *Сердцерадѣ*.... Возможно ли! сказалъ Государь, негодующій на его упорство; возможно ли тебѣ упорствовать пожертвовать ею для короны столь сильнаго государства? и можешь ли ты оставаться столько безразсуденъ, чтобъ думать

мать о Королевнѣ, давно считающей тебя мертвымъ, и которая не видя тебя, останется въ семъ заблужденiи? Но какъ бы то ни было, я даю тебѣ ночь сiю на размышленiя; завтра въ три часа дни самъ приду я узнать о твоемъ намѣренiи, и опредѣлить, что будетъ нужно.

Въ самое то мгновенiе ока постучались въ двери; Государь Русскiй самъ пошелъ отпереть оныя. Былъ то *Богудъ*, престарѣлый вельможа, которому одному только Монархъ его ввѣрилъ о своемъ намѣренiи. — Вотъ письмо, сказалъ онъ подавая, присланное изъ лѣсу, и которое, сказываютъ, содержитъ въ себѣ великую важность. Государь принялъ оное, и приближаясь къ *Судиславу* читалъ. Ахъ! сказалъ онъ прочитавъ, нещастной *Милостаны* нѣтъ уже на свѣтѣ. — Но что причиною ея смерти? подхватилъ *Судиславъ* съ ужасомъ. — Вы сами, сказалъ Государь; бѣгство ваше привело ее въ отчаянiе; я сожалѣю объ ея судьбѣ: она заслуживала лучшую участь. Я любилъ ее отъ всего сердца; однакожъ смерть ея случилась кстати для нашихъ намѣренiй. Теперь, любезный *Судиславъ*, ничто уже не мѣшаетъ: я полагаюсь на вашу вѣрность; а вы положитесь на мое слово. *Судиславъ* бросился къ ногамъ его; Государь поднялъ его, обнялъ и отходя сказалъ: про-

щай

щай Князь; я сдѣлаю къ завтраму разпоряженія для всенароднаго признанія васъ за сына моего *Дарославг*, и тѣмъ больше поспѣшу, что послѣ сего обряда должно возвѣстить о смерти Княжевы *Милостаны*. Между тѣмъ не дѣлайте никому объ себѣ повѣренности; при таковомъ важномъ предпріятіи все опасно. Положитесь во всемъ на меня. Государь Русскій отшелъ по томъ съ тою же предосторожностію, какъ и пришелъ.

Судиславъ оставшись наединѣ, употребилъ все время на разобраніе стеченія столькихъ чрезвычайныхъ приключеній. Ему представлено великое щастіе, отъ котораго не можно отказаться безъ потерянія своей жизни; по томъ обманъ не соглашался съ чистотою его сердца: ибо онъ имѣлъ чрезмѣрное отвращеніе отъ сего порока. Но ему не оставалось инаго чего дѣлать, а особливо когда требовало того спокойство цѣлаго государства. — Какъ бы то ни было, сказалъ онъ самъ себѣ, покорюсь добровольно судьбѣ моей, и буду помышлять объ томъ только, чтобъ щастіе мое раздѣлить съ возлюбленною моею *Сердцерадою*, когда сердце ея надлежитъ еще мнѣ.

Между тѣмъ предстоящее щастіе казалось ему таковою щекотливою вещію, что онъ не считалъ себя довольно благополучнымъ.

Пла-

плачевный конецъ Княжевы *Милостаны* огорчалъ его, и тѣмъ больше, что онъ былъ невинною того причиною.

Занимаясь таковыми разсужденіями, не могъ онъ во всю ночь глазъ свести; однако началъ было уже засыпать, когда Государь вошедъ къ нему, сказалъ: теперь все готово; я сяду на мой престолъ, и велю васъ привести моимъ боярамъ въ Думную Палату. Я объявилъ, что имѣю васъ открытно испытать, для отвращенія всякаго подозрѣнія въ обманѣ, который можетъ произвести впредь неосновательныя свидѣтельства о смерти моего сына. Будьте вольны, но почтительны; я въ вопросахъ моихъ буду осторожен, и вы только на оные отвѣтствуйте. Естьли бы время позволяло, я могъ бы вразумить васъ о нѣкоторыхъ вещахъ, которыя необходимо вамъ знать нужно.

Наконецъ пришелъ верьховный Бояринъ съ четверыми другими Боярами для отведенія *Судислава* предъ Государя, окруженнаго всѣми Вельможами государства. Государь разсматривалъ его нѣсколько времени въ молчаніи, но вдругъ какбы совершенно удостовѣрясь, сказалъ: Князь! я не могу далѣе противиться свидѣтельству очей моихъ и гласу моего сердца; я признаю васъ за сына моего *Дарослава* и наслѣдника моего престола. — *Судиславъ* повергся къ под-

подножію престола и отвѣчалъ: Всемилостивѣйшій Государь! я желаю, чтобъ сіе изреченіе произходило изъ вашего сердца; взирайте на меня какъ на всеподданнѣйшаго вашего сына, которой съ величайшимъ подобострастіемъ преданъ освященной особѣ Вашего Величества.

Государь сошелъ по томъ съ трона, поднялъ и заключилъ его въ своихъ объятіяхъ; по томъ обратясь къ своимъ Вельможамъ: Бояра! какъ вы думаете, не есть ли это нашъ сынъ? Тогда тысяча голосовъ произнесли: такъ, это Князь *Дарославъ*, наслѣдникъ твоего вѣнца, котораго по злодѣйскому умыслу считали мертвымъ! —— И такъ, подхватилъ Государь, да будешь ты сынъ мой по всеобщему признанію, и считай наше подозрѣніе бывшее и сіе испытаніе за слѣдствіе заблужденія, которое надлежало опровергнуть явнымъ доводомъ. Но тебѣ, продолжалъ онъ, должно обьявить причины, для чего ты тайно удалился отъ Двора нашего. —— Ахъ? всемилостивѣйшій Государь, отвѣчалъ притворный *Дарославъ*, я тайны сей никому не могу открыть, кромѣ Вашего Величества, и ожидаю, что когда выслушаете меня съ обыкновеннымъ вашимъ великодушіемъ, благоволите простить погрѣшность, которая имѣетъ только видъ преступленія. Хорошо, сказалъ Госу-

сударь, я согласенъ тебя выслушать безъ свидѣтелей; но ты долженъ также оправдаться въ казни твоего любимца, который учинился жертвою твоего бѣгства. Онъ возвѣстилъ мнѣ мнимую смерть твою, которая со всѣми прикрасами его казалась намъ столько неестественною, что я въ отчаяніи моемъ казнилъ его, не взирая на заслуги къ намъ его отца, который будетъ намъ всегда любезенъ. О Небо! вскричалъ *Судиславъ* съ притворнымъ огорченіемъ, я не ожидалъ сего ему нещастія. —— Хорошо! подхватилъ Государь, оставимъ нынѣ наши огорченія; ибо есть другія обстоятельства, требующія нашего вниманія. И дабы народъ славныя нашей столицы участвовалъ въ нашей радости, желаемъ мы, чтобъ вы надвечеръ во всемъ великолѣпіи, приличномъ вашему сану, ѣхали по всѣмъ площадямъ и знаменитымъ улицамъ. День сей требуетъ таковаго же торжества, какъ и мое коронованіе. По семъ Государь отшелъ съ *Судиславомъ* во внутренніе чертоги.

ВЕЧЕРЪ LXXI.

Все произошло по желанію Государя Русскаго. Князь *Судиславъ* всеместно признанъ за настоящаго Князя *Дарослава*, и всякъ согласенъ былъ со мненіемъ мнимаго его родителя; одинъ только *Мирадъ* оставался при своемъ. Сей верный подданный нещастной *Серцерады* пробрался ввечеру во Дворецъ, и ночевалъ тамъ у начальника телохранителей, своего пріятеля, не проведавъ ни о чемъ. Поутру приметилъ онъ великое движеніе во Дворце, и то, что отменно украшали Думную Палату. Хотя не понималъ онъ, что бы это значило, но определилъ быть свидетелемъ происходящаго. Во множестве народа *Мирадъ* протеснился ближе къ трону, и не упустилъ безъ замечанія ничего произходившаго. Онъ отчасу больше утверждался, что въ догадке своей не ошибается; онъ отважился появиться предъ Князя, подвергая голову свою опасности, и пошелъ за *Судиславомъ* во внутренніе чертоги.

Судиславъ шелъ за Государемъ по пятамъ; и когда вступили они въ темной переходъ, осмелился *Мирадъ* къ нему подвинуться. *Судиславъ* приметивъ его, сказалъ

тихо:

тихо: будь молчаливъ и не уходи отсюда. Государь обратился по томъ къ Князю и началъ разговоръ, такъ что *Мирадъ* не успѣвъ отвѣчать *Судиславу*, съ осторожностію удалился. Оба Князи вошли во внутренніе покои, гдѣ пробыли до времени къ торжественному выѣзду; а *Мирадъ* безпечно дожидался въ переходахъ, и былъ столько щастливъ, что никто его не примѣтилъ.

Когда все къ выѣзду было готово, верьховный Конюшій донесъ о томъ Государю, который взявъ *Судислава* за руку, свелъ его на Княжій дворъ, а самъ взошелъ въ высокій теремъ смотрѣть на сіе великолѣпное позорище. *Судиславъ* сѣлъ на бѣлаго коня, на коемъ всѣ уборы блистали отъ золота и самоцвѣтныхъ камней. Знакъ къ торжественному выѣзду данъ былъ звукомъ военной музыки, которая пошла напередъ въ прикрытіи многочисленныхъ всадниковъ изъ тѣлохранителей. За оными шествовалъ *Судиславъ*, провождаемый всѣми Боярами и Воеводами на дорогихъ коняхъ и въ богатомъ убранствѣ. Построенные рядами воины возгремѣли въ знакъ почести удареніемъ о щиты своимъ оружіемъ, положили оное на землю предъ своимъ Государемъ, и поколебали воздухъ торжественнымъ восклицаніемъ. Радостный гласъ многочисленнаго народа со-

единился съ воплемъ ратниковъ: тщетно великiй Казнодѣй опорожнялъ мѣшки съ мѣлкою серебряною монетою, бросая оную на обѣ стороны обѣими руками, предшествуя своему Князю. Каждый Русъ попиралъ серебро ногами, и тѣснился поцаловать стремя своего Государя. — Таковы усердны были праотцы нынѣшнихъ Россiянъ къ своимъ Монархамъ! Равномѣрно таковы и нынѣ храбрые ихъ потомки; что составляетъ ихъ славу, честь и собственное щастiе.

Во время таковой всеобщей радости *Серцерада* съ *Златоликою* сидѣли въ своемъ покоѣ преданныя печали. Первая ни о чемъ не помышляла, кромѣ отсутствiя *Судиславова*, теряя надежду когда нибудь его увидѣть. Она искала уединенiя, чтобъ свободно предаваться своей горести, и присутствiе *Златолики* наносило ей скуку. Когда же звукъ трубъ и бубновъ дошелъ ушей ея, велѣла она безъ намѣренiя вывести себя на открытый переходъ, и сидя взирала равнодушно на торжественный ходъ. *Златолика*, больше удовольствiя находящая въ праздниствахъ, стояла съ *Медлиною* и *Зовустаною* опершись на перилы, не ожидая совсѣмъ того, какое участiе возьметъ она въ семъ видѣ. Она примѣчала все съ невиннымъ любопытствомъ; но какъ скоро примѣтила

еще вдали *Судислава*, вскричала внѣ себя отъ радости: ахъ! я вижу Князя *Иргума*.

Сіе милое имя возбудило *Серцераду* изъ ея задумчивости; и когда устремила она взоры на приближившагося Князя, съ чрезмѣрнымъ движеніемъ чувствъ узнала въ немъ, что былъ то дѣйствительно *Судиславъ*. Сильное волненіе крови изчерпало ея силы и лишило ея чувствъ.

Женщины, находившіяся при ней, слишкомъ устремлены были на позорище, чтобъ могли примѣтить опасное состояніе Королевны. Въ то же самое время сердце *Судислава* почувствовало одинакое движеніе. Едва онъ примѣтилъ лице *Серцерадино*, какъ въ чрезмѣрной радости, и не вѣдая что дѣлаетъ, остановилъ коня своего; онъ поднялъ голову и смотрѣлъ прямо на переходъ. Гдѣ я? говорилъ онъ самъ себѣ; не возлюбленную ли мою я вижу? - - - - Можетъ ли она быть здѣсь? - - - Такъ, сердце мое мнѣ то вѣщаетъ! - - - Но блѣдность лица ея приводитъ меня —— —— Тогда верьховный Бояринъ доноситъ ему: милостивѣйшій Государь! шествіе остановилось; произойдетъ безпорядокъ. —— При словѣ этомъ *Судиславъ* принужденъ былъ ѣхать; онъ удалился, не видя и не слыша ничего происходящаго впереди и вокругъ его.

Когда ходъ миновалъ, обратились къ *Серцерадѣ*; ее нашли безъ чувствъ и движенія, и охладѣвшую какъ камень. Полумертву отнесли ее въ постелю, но не прежде часу освободилась она отъ своего обмороку. *Медлина* и *Зовустана* укоряли себя въ своей неосторожности, что столько забыли о своей Государынѣ. *Судиславъ* еще былъ очень молодъ, когда отъѣхалъ отъ Двора Агафирскаго; онѣ не примѣтили въ немъ, кромѣ малаго сходства, и на оное вспали уже тогда, какъ *Серцерада* сказала имъ причину своего обмороку, то есть, что находитъ она своего любовника въ особѣ Князя *Дарослава*. Глаза, освѣщаемые любовію, ошибокъ не дѣлаютъ. *Серцерада* столькожъ мало ошиблась, какъ и *Златолика*.

Когда *Серцерада* опомнилась, пришелъ *Мирадъ*; онъ слѣдовалъ за Княземъ до самаго Дворца, гдѣ стеченіе народа такъ столпилось, что онъ не могъ продраться, и едва достигъ обратно до дому *Зимегогова*. Опасное состояніе Государыни его привело его въ ужасъ. Однакожъ онъ тому не удивлялся, а винилъ себя, что не предувѣдомилъ ее и не обнадежилъ въ непоколебимой вѣрности ея любовника. Хотя было уже поздно, однако желалъ онъ вывести ее изъ заблужденія; почему подшедъ сказалъ ей тихо: позвольте, государыня, переговорить съ вами наединѣ. *Серцерада*

при-

притворилась требующею успокоенія, и подозвавъ *Златолику*, просила оставить ее и удалиться въ свою спальню съ *Медлиною* и *Зовустаною*; она поблагодарила ее за оказанную помощь въ ея припадкѣ, и всѣ вышли вонъ.

Но нечаянный обморокъ *Серцерадинъ* привелъ младую *Златолику* въ безпокойство мыслей. Любовь, говорила она сама себѣ, овладѣла ея сердцемъ, и взглядъ на Князя *Иргума* произвелъ въ ней сильное впечатлѣніе. Однакожъ она не могла понять, какимъ образомъ можно ей найти своего любовника въ особѣ Князя *Дарослава*, и зачемъ онъ такъ скоро отъ ней сокрылся. Она находила въ этомъ такія затрудненія, коихъ разрѣшить не могла. Она довольно ясно узнала Князя *Иргума*, который владѣлъ еще ея сердцемъ. Однакожъ примѣчала, что онъ тронутъ былъ не ею, но лицемъ *Серцерадинымъ*, на которую единственно смотрѣлъ, а ее не удостоилъ ни однимъ взглядомъ. При таковыхъ досадныхъ размышленіяхъ безпокойство *Серцерадино* не могло быть для нее тайною. *Златолика* была во всѣхъ дѣлахъ равнодушна; склонность ея къ Князю *Иргуму* состояла лишь въ томъ, что она его другимъ предпочитала, и то на случай, когда онъ на ней жениться вздумаетъ. Она никогда не ощущала въ себѣ тако-

таковой страсти, которая нарушила бы спокойство. Она поздравляла себя съ тѣмъ, и заключила, что самой этотъ *Иргумъ* долженъ быть Князь *Дарославъ*, которой только притворился для сысканія своей *Серцерады*, кою давно уже всемъ сердцемъ любитъ. *Златолика* изъ розныхъ заключеній разсуждала справедливо, и вела себя въ таковыхъ сомнительныхъ обстоятельствахъ очень разумно. Она опредѣлила уступить *Серцерадѣ* всѣ мнимыя свои на него права, и даже всѣми силами помогать ей, когда догадки ея окажутся основательными. И такъ *Златолика* успокоила себя своимъ благ разуміемъ, и хотя она противъ *Серцерады* была чистосердечна (какъ то во многихъ случаяхъ доказала), а примѣчала ея ревнивость, но искала со удовольствіемъ ея дружества.

Серцерада, оставшись наединѣ съ *Мирадомъ*, съ великою радостію услышала отъ него, что она нашла любовника своего подъ именемъ Князя *Дарослава*; однакожъ, сказала она тяжко воздохнувъ, онъ видѣлъ прекрасную *Златолику*. Когда онъ ее любитъ, что начать мнѣ тогда бѣдной? —— Уже не осталось сомнѣнія, что Князь *Иргумъ*, въ котораго *Златолика* по мнѣнію ея влюбилась, былъ *Судиславъ*. Однакожъ, продолжала она, какимъ образомъ возможно,

чтобъ

чтобъ *Судиславъ* по всеобщей ошибкѣ сочтенъ былъ за сына Государя Русскаго? Таковое неслыханное заблужденіе съ стороны родителя приводило ее въ замѣшательство. Однакожъ, продолжала она, когда *Судиславъ* къ сему обману согласился, то хочетъ онъ быть супругомъ Княжевы *Милостаны*. Какая напасть! *Мирадъ*! вся надежда моя можетъ быть погибла, и я увидѣла моего любезнаго только для страданія.

Серцерада произнесла съ лишнимъ движеніемъ, нежели позволяли ея силы. Выслушайте меня, сказалъ *Мирадъ*, и позвольте доказать вамъ, что вы ошибаетесь. Кто можетъ повѣрить, чтобъ *Судиславъ* предпочелъ вамъ *Златолику*, а всего меньше, чтобъ женился на Княжевѣ *Милостанѣ*, которую совсѣмъ не знаетъ? Нѣтъ, ваша красота и его клятвы могутъ быть за него поруками. Онъ узнавъ меня, чрезмѣрно обрадовался; для чего бы онъ это сдѣлалъ? Подождите, Государыня, пока я съ нимъ переговорю; тогда я скажу вамъ мысли его безъ всякой утайки; можетъ быть узнаю я притомъ, какимъ образомъ достигъ онъ до Русскаго престола. Изъ давнаго уже времени пріобрѣлъ я пріязнь начальника надъ тѣлохранителями, и чрезъ его руководство имѣлъ доступъ до его Государя. Я и нынѣшнюю ночь у него ночевалъ; онъ мужъ

твердый и осторожный, отъ коего не скрыты всѣ тайны здѣшняго Двора. Жестокая болѣзнь, за которою послѣдовала глубокая задумчивость, приключила, что онъ по видимому оставилъ службу, однакожъ не лишась милости своего Монарха. Между тѣмъ я вѣдаю, что нѣкоторое нещастное приключенiе, которое онъ скрываетъ, принудило его удалиться. Онъ ввѣрилъ мнѣ это въ прошедшую ночь; за что и я съ своей стороны, чтобъ доказать ему мою повѣренность, когда дошла рѣчь до сомнительства о Князѣ *Дарославѣ*, осмѣлился открыть о вашемъ здѣсь пребыванiи. Но не страшитесь сего; онъ ищетъ случаю вамъ услужить.

Серцерада не довольна была таковою его нескромностiю; но *Мирадъ* ее успокоилъ и объяснилъ, какiя таковой разумной чиновникъ можетъ ей показать услуги. Не страшитесь, государыня, продолжалъ *Мирадъ*, вы видите конецъ вашихъ мученiй. Да даруютъ боги! сказала она. . . . Но Князь мой уже во Дворцѣ, поди опять къ нему *Мирадъ*, и старайся ему на глаза показаться. Онъ пошелъ и прибылъ въ надлежащую пору; ибо *Судиславъ* только что прибылъ, и принятъ отъ Государя Русскаго съ родительскою нѣжностiю. По томъ Монархъ сей далъ знать, что говорить желаетъ,

лаетъ, и всѣ умолкли. Онъ обратился потомъ къ *Судиславу*, и сказалъ громогласно: *Дарославъ*! не рѣдко слѣдуютъ слезы послѣ совершенной радости; такова есть участь смертныхъ. Я долженъ объявить вамъ вѣсть, могущую поколебать всю вашу твердость; но прежде, нежели объяснюсь, слѣдуйте въ ваши чертоги, всенародное собраніе неприлично для великой скорби. Сказавъ это, вышелъ, и *Судиславъ* слѣдовалъ за нимъ во внутренніе покои, принявъ на себя изумленный видъ, чемъ пустилъ туманъ въ глаза всѣмъ придворнымъ. Вскорѣ за тѣмъ бирючи возвѣстили на всѣхъ перекресткахъ о кончинѣ Княжевы *Милостаны*, и гонцы повезли печаль на все государство.

Страшная сія вѣдомость подвигла всѣ сердца къ сожалѣнію. Ужаснулись образа, каковымъ *Милостана* прекратила дни свои въ то время, когда возвратилось ея щастіе. Скрыли, сколько можно, истинную причину ея отчаянія, и истина затмилась между множества ложныхъ вѣстей, какъ то въ большихъ городахъ обыкновенно случается со всякою молвою. Печальное это приключеніе умѣли употребить въ пользу, какъ нужно было для намѣреній Государя Русскаго.

Печальные обряды наблюдаемы были въ древности со всякою строгостію: Супругъ знат-

знатнаго достоинства овдовѣвъ, долженъ былъ сидѣть немалое время въ уединеніи и не принимать никакихъ посѣщеній. Служители его собирались къ нему троекратно въ день и производили вой. Обычай сей былъ очень кстати для Князя *Судислава*. Онъ получилъ тѣмъ свободу развѣдать о множествѣ обстоятельствъ, кои ему необходимо вѣдать надлежало; и мнимый его родитель провелъ съ нимъ для сего много времени, подъ видомъ, что страшится оставить его одного въ таковой печали.

Мирадъ съ своей стороны опять замѣшавшись въ служителей, слѣдовалъ за *Судиславомъ*; но онъ съ великимъ Княземъ вошедъ, по повелѣнію его заперъ двери внутреннихъ покоевъ. Таковымъ образомъ *Судиславъ* съигралъ важное представленіе очень удачно; но во всемъ томъ взглядъ на его любезную занялъ единственно его воображеніе. При взорѣ на нее исполнился онъ великой радости; ему показалось, что она на него взглянула, но не оказывая никакого въ немъ участія. Таковое мнимое равнодушіе, отъ величайшей чувствительности *Серцерадиной* произшедшее, пронзило его сердце; онъ счелъ себя забвеннымъ, и опасался, что нещастія не приключили ли вреда здоровью его возлюбленной. Тысяча помышленій приводили сердце его въ крайнее без-

безпокойство; и объ семъ-то началъ онъ первый свой разговоръ съ нареченнымъ отцемъ своимъ. Всемилостивѣйшій Государь! сказалъ онъ ему: *Серцерада* здѣсь въ Хомоградѣ; я видѣлъ ее на переходахъ одного дому, не подалеку отъ Дворца; необыкновенная блѣдность покрыла лице —— —— Что ты говоришь! подхватилъ изумленный Государь; какъ бы я не зналъ о присутствіи въ моей столицѣ Великой Королевны? Я не вѣрю; ты можетъ быть ошибся - - - Нѣтъ, родитель мой! сердце мое движеніемъ своимъ въ томъ меня подтвердило. Ахъ! Всемилостивѣйшій Государь, не ужъ ли необходимо нужно печальнымъ обрядамъ послѣдовать и лишиться удовольствія мнѣ ее видѣть? Ахъ! Государь, сжальтесь надъ любовникомъ, который по пятилѣтней разлукѣ не вѣдаетъ, что произходитъ съ его любезною.

Требованіе твое, сказалъ старый Князь, опасно; кромѣ того, чрезъ котожъ бы можно освѣдомиться объ истинѣ сего? —— *Мирадъ*, вѣрный подданный моей Королевны, подхватилъ *Судиславъ*, и который обо мнѣ у Вашего Величества прилагалъ старанія, можетъ лучше всего къ тому употребленъ быть, когда вы то позволите. —— Ему хочешь ты ввѣрить сію тайну; я

знаю

знаю его (сказалъ Государь), онъ проворенъ и разуменъ: но можно ли по молодости лѣтъ его въ томъ на него положиться? —— О Всемилостивѣйшій Государь! отвѣчалъ *Судиславъ*, *Мирадъ* произхожденія знатнаго; онъ всегда удостоенъ былъ повѣренностію отъ своей Королевны и никогда ей не измѣнилъ. Хорошо, сказалъ Князь, пусть такъ будетъ; вы можете принять его въ свою службу. Я велѣлъ представить вамъ новыхъ вашихъ служителей, коимъ не льзя вступить въ свою должность, пока вы ихъ не увидите. Пусть *Богудъ* введетъ ихъ и притомъ *Мирада*; я назначилъ ему важный чинъ въ вашемъ дѣлѣ - - - *Судиславъ* столько тѣмъ былъ обязанъ, что приносилъ благодарность повергшись на колѣна. Государь Русскій поднялъ его, обнялъ съ нѣжностію, и вышелъ на часъ для отданія повелѣній дожидавшемуся его *Богуду*.

Вскорѣ послѣ того вошли всѣ служители для отданія поклона. Государь Русскій сказалъ къ находящемуся между оныхъ *Мираду*: я поставляю тебя начальникомъ надъ служителями моего сына; чинъ этотъ обязуетъ тебя быть при немъ безотлучно, такъ что безъ его воли ты ни на шагъ отходить не долженъ, а особливо во время печальнаго времени, кое онъ въ уединеніи провождать долженъ. Мы хотѣли удержать тебя

тебя при Дворѣ нашемъ за усердіе твое къ Князю *Судиславу*, которой наконецъ освобожденъ изъ темницы Княгини Гунновъ.

Удивленный *Мирадъ* повергся на землю для засвидѣтельствованія своей благодарности. Послѣ сего всѣ служители пошли одѣваться въ черное печальное платье. *Мирадъ* также вышелъ, но чрезъ нѣсколько минутъ введенъ былъ *Богудомъ* обратно въ потайныя двери. Тогда старый Князь повелѣлъ ему разсказать приключенія *Серцерады*, съ самой великой перемѣны въ королевствѣ Агафирскомъ до прибытія ея въ Хомоградъ. Сей младой человѣкъ былъ краснорѣчивъ; онъ умѣлъ престарѣлаго Государя Русскаго тронуть многими мѣстами своего повѣствованія, а особливо безпокойствомъ, претерпѣннымъ Королевною отъ разбойника *Яросила* на пустомъ островѣ. *Судиславъ* пролилъ слезы, слышавъ, сколько любезная его пострадала для сохраненія къ нему вѣрности. Увы! вскричалъ онъ внѣ себя, доживемъ ли мы до конца нашихъ нещастій? Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, продолжалъ онъ, обратясь къ Князю Русскому, вашимъ милостямъ долженъ я въ перемѣнѣ моего щастія; но благоволите совершить - . - Положитесь на мое слово, подхватилъ Князь; но должно въ семъ случаѣ поступить осторожно, и сдѣлать начало

взятьемъ Королевны ко Двору. Я слышалъ уже молву о чрезмѣрной красотѣ ея и Княжны *Златолики*. Я воспользуюсь симъ обстоятельствомъ. Завтра отъ имени моего пойдетъ *Богудъ* къ *Зимегогу* и спроситъ, кто таковы красавицы, коихъ бережетъ онъ въ своемъ домѣ: а *Мирадъ* предувѣдомитъ напередъ *Серцераду*, чтобъ она оказала намъ съ своей стороны помощь. *Мирадъ* получилъ о томъ особливое приказаніе отъ обоихъ Князей, и въ безмѣрной радости побѣжалъ къ Королевнѣ съ таковою щастливою вѣстью.

Онъ нашелъ ее одну, и донесъ ей о намѣреніи Русскаго Государя, и о томъ какое важное лице при семъ она представлять должна. Обрадованная *Серцерада* на все согласилась, и столько утѣшилась своимъ щастіемъ, что вскорѣ возвратившееся здоровье возвысило ея красоту. *Мирадъ* отходя сказалъ ей: я испрашиваю у васъ милости Государыня, которая можетъ принести вамъ пользу, и въ которой вы никогда не будете имѣть раскаянія. Начальникъ тѣлохранителей, о которомъ я вамъ уже упоминалъ, имѣетъ несказанное желаніе повергнуться къ ногамъ вашимъ; благоволите ему то дозволить. Онъ мужъ престарѣлый, чрезмѣрно искусный, и можетъ быть вамъ полезенъ.

Серцерада испугалась сего предложенія, но послѣ на оное согласилась, и *Мирадъ* приведши онаго ввечеру къ Королевнѣ, отшелъ къ *Судиславу*. Старый Князь уже почивалъ, а *Судиславъ* проводилъ всю ночь въ разговорахъ о своей прекрасной *Серцерадѣ*. Они уговорились о надлежащихъ мѣрахъ, *для* произведенія въ дѣйство своего важнаго намѣренія, такъ чтобъ тайна ихъ не вышла наружу. *Мирадъ* упомянулъ и объ начальникѣ тѣлохранителей, и *Судиславъ* по сдѣланному объ немъ описанію заключилъ, что таковой повѣренной ему очень нуженъ.

Между тѣмъ этотъ вельможа находился у *Серцерады*, которую нашелъ больше удивленія достойную, нежели чаялъ. Королевна съ своей стороны, возъимѣвъ почтеніе къ его заслугамъ, открыла ему всѣ приключенія своей жизни; признательный сей мужъ, чтобъ заслужить таковую повѣренность, за долгъ счелъ увѣдомить и о своихъ приключеніяхъ; и получивъ на то позволеніе, началъ тако:

ВЕЧЕРЪ LXXII.

Я имѣлъ только одного сына, и, естьли смѣю сказать, собою очень прекраснаго; онъ имѣлъ много разума и способности, но былъ такъ опрометчивъ, что огненность его почасту приводила въ излишества. Хотя въ юности его и старался я укротить въ немъ жаръ этотъ, причинившій мнѣ множество безпокойствъ, но безъ успѣху. Къ дополненію нещастія старшій Государя нашего сынъ, Князь *Дарославъ*, такъ полюбилъ его, что не могъ жить безъ него. Сынъ мой жилъ у него въ чертогахъ. Онъ учинился любимцемъ Князя, погруженнаго въ роскоши: сколь легко соблазнить тѣмъ и ввергнуть въ оныя младаго человѣка! Князь женился на *Милостанѣ*; и какъ любилъ онъ свою супругу чрезмѣрно, то оставилъ и безпорядочную жизнь; но инако вели себя его служители.

Привыкнувъ къ разпутной жизни, покушались они не однократно охладить въ Князѣ любовь къ его супругѣ; но не успѣвъ въ томъ, искали склонить его къ честолюбію, и мало помалу внушили въ него страсть къ царствованію, хотя наслѣдственный его престолъ еще не опростался.

Они

Они сдѣлали заговоръ противу жизни нашего Государя. Столько-то опасно, продолжалъ сей добродѣтельный придворный, обходиться со льстецами! долго ли, коротколь опровергаютъ они лучшихъ Государей.

Я получилъ нѣкоторое подозрѣніе о произходящемъ; говорилъ о томъ съ моимъ сыномъ, но онъ съ множайшимъ исскуствомъ, нежели могъ я чаять, умѣлъ разогнать мое подозрѣніе. Вскорѣ послѣ того наступило время ловли сиговъ; Князь *Дарославъ* чрезмѣрный охотникъ былъ до сей забавы. Рыба сія отмѣннаго вкусу, и ловится въ великомъ множествѣ около одного острова на озерѣ Ирмерѣ въ одну пору; оная приходитъ къ берегамъ стадами, но не должно оную пугать, ибо отъ малѣйшаго шороху удаляется въ глубину. Князь *Дарославъ*, отправлявшись на сей ловъ, оставлялъ всѣхъ при немъ бывшихъ посреди острова, и ходилъ на ловъ только самъ-другъ съ моимъ сыномъ, для лучшаго сохраненія тишины.

Тому уже шестой годъ, какъ Князь *Дарославъ* въ таковое время, въ сопутствованіи моего сына, многихъ придворныхъ и разныхъ служителей, поѣхалъ на оной островъ на двѣ недѣли. Три послѣ того спустивъ, надвечеръ сказали мнѣ, что сынъ мой одинъ возвратился, и Великій Князь взявъ его, заперся съ нимъ во внут-

ренних покоях. Известіе это меня удивило, и я пошел во Дворец. Дожидаясь, прохаживался я с одним моим пріятелем в сборной комнате, и разговаривал о безпокоющем меня известіи. В то время появилось четверо из стражей, несущих обезглавленное кровавое тело. Ужас и любопытство меня объяли; я подшел ближе, но о Небо! что я увидел! это был сын мой. Естьлиб не случилось тут моего пріятеля, приведшаго меня в чувства, я может бы последовал за моим сыном. Не знаю, что произошло далее, но когда очнулся я, увидел себя дома на постеле, и уже на другой день почувствовал великость моего нещастія.

Государь наш почтил меня своим посещеніем; он плакал. . . . *Премір!* сказал он мне, сын ваш виноват; он старался лишить меня жизни, и был главою заговора. Нет сомненія, что он подвиг к тому и моего сына; но Небеса, наказующія пороки, погубили их одного чрез другаго; и чтоб более ужаснулись вы пороков вашего сына, то знайте, что он был изменником своему милостивцу. . . Что я говорю! не милостивцу, но другу; он лишил его жизни, и осмелился принести ко мне его голову. От сего ужаснаго виду кровь воскипела в моих жилах;

я

я вовскрежешалъ отъ гнѣва; я не видалъ уже больше твоего сына, но убійцу моего, и велѣлъ его умертвить. . . . Однако, сказалъ Государь, видя во мнѣ ужасъ, опустимъ завѣсу на сіе страшное дѣйствіе, которое должно предать вѣчному забвенію,

Мы плакали по томъ оба, не говоря ни слова, Наконецъ Государь сказалъ мнѣ: объ этомъ никто не знаетъ, кромѣ тебя и меня; а сего довольно сказано для мужа тебѣ подобнаго. Моя отличная довѣренность къ тебѣ да пріобрѣтетъ мнѣ прощеніе въ смерти порочнаго твоего сына.

Я долженъ былъ отдать справедливость милости такого Монарха, который наказалъ измѣнника, и притомъ столько низошелъ, что взялъ трудъ въ этомъ извиняться. Я находился въ таковомъ замѣшательствѣ, что прижавъ крестообразно руки мои къ груди, давалъ знаками разумѣть, сколько я тѣмъ тронутъ. Государь, сожалѣющій объ моей слабости, былъ столько милостивъ, что отходя послалъ ко мнѣ самъ людей мнѣ прислуживающихъ.

Я получилъ жестокую горячку, при чемъ оказались розные припадки, въ которыхъ я цѣлыхъ сорокъ дней боролся съ смертію. Вообраafженіе о проклятой измѣнѣ моего сына было мнѣ несносно; напослѣдокъ избавился я болѣзни, но впалъ въ глубокую задумчи-

вость, которая меня со дня на день снѣдаетъ, и не допускаетъ меня показываться въ томъ мѣстѣ, на которое взглядъ ускоритъ моею смертью. Государь пріемлетъ великое участіе въ моей тоскѣ; онъ оставилъ при мнѣ всѣ прежніе чины и должности, которыя исправлять поручилъ другому.

Съ того времени ничто не могло разогнать тоски моей. Одинъ только *Мирадъ* совершилъ это чудо начертаніемъ объ особѣ Вашего Высочества, и разсказаніемъ о вашихъ приключеніяхъ; онъ ободрилъ тѣмъ мою твердость и возбудилъ великое желаніе служить вамъ. Я изъ терема моего, продолжалъ *Премiръ*, видѣлъ мнимаго *Дарослава*, когда вели его во Дворецъ. Но какъ я о смерти сына Государя моего имѣлъ очень вѣрное извѣстіе, то и не могъ впасть въ ошибку; однакожъ признаюсь, что по великому его сходству извинялъ всеобщее заблужденіе. Одинъ только *Мирадъ* не могъ обмануться, онъ противился всеобщему заблужденію, и пришелъ ко мнѣ сказать свои о томъ мысли. Тогда позналъ я разумъ сего юнаго человѣка, подкрѣпилъ онаго въ его надеждѣ и намѣреніи замѣчать все происходящее, а по томъ притти ко мнѣ ночью. Благородные его поступки принудили меня ввѣрить ему объ моихъ нещастіяхъ. И сей-то, милостивѣйшая Государыня былъ случай, чрезъ

ко-

который получилъ я щастіе предстать предъ васъ; щастіе драгоцѣннѣйшее для меня всего на свѣтѣ! Между тѣмъ уповаю я, что великодушіе ваше сокроетъ донесенную вамъ столь важную тайну; а особливо ту, которую еще разсказать имѣю, и коя съ предшедшимъ имѣетъ таковую связь, что умолчать объ ней не можно. И такъ вѣдайте, Милостивѣйшая Королевна, что Государь нашъ самъ открылъ мнѣ о той государственной хитрости, которая Князя *Судислава* на Русскій тронъ возводитъ.

Государь нашъ, продолжалъ *Премиръ*, былъ усердіемъ народа, оказаннымъ къ пріѣхавшему незнакомцу, приведенъ въ великое безпокойство, такъ что онъ сперва подумалъ, что сынъ мой его обманулъ. Онъ подумалъ, что *Дарославъ* можетъ еще живъ, что объ открытіи заговора получилъ свѣденіе, и только удалился для избѣжанія первыхъ движеній гнѣва раздраженнаго отца. Въ таковомъ неосновательномъ мнѣніи сошелъ онъ къ окну нижняго жилья, дабы лучше разсмотрѣть лице незнакомаго, когда онъ дворомъ пойдетъ. Чрезмѣрное его сходство произвело въ немъ сильное впечатлѣніе: однако онъ вскорѣ оставилъ подозрѣніе, вспалъ на другое намѣреніе; и какъ я вѣдалъ всѣ его тайны, сообщилъ мнѣ о томъ. Государь нашъ имѣетъ обыкновеніе для изы-

изысканія истинны въ вещахъ ходить тайно въ переодѣяніи; въ таковомъ посѣтилъ онъ и меня вчерась, не видавшись еще съ Княземъ *Судиславомъ*. Открылъ мнѣ свою ошибку, какъ изъ оной свободился, и какое этотъ случай внушилъ въ него намѣреніе.

Ты знаешь, продолжалъ мой Монархъ, причину, для чего не могу я терпѣть обоихъ Княжичей молодыхъ, коихъ считаютъ за дѣтей моихъ. Онъ признался притомъ, что печаль его объ измѣнѣ Князя *Дарослава* тѣмъ умножилась, когда помыслилъ о прочихъ своихъ наслѣдникахъ. Сіе приводитъ меня къ важному намѣренію. Ахъ, *Премiръ*! когда бы этотъ чужестранецъ имѣлъ столько мужества, чтобъ согласился на мою волю, для чего бы мнѣ не возпользоваться симъ заблужденіемъ? Весь народъ и Вельможи Двора моего ошиблись; а смерть *Дарославова*, которая по двусмысленнымъ обстоятельствамъ въ народѣ производитъ объ себѣ подозрѣнія, обѣщаютъ мнѣ щастливый успѣхъ моему намѣренію; сею цѣною могу я получить опять мое спокойство.

Желаніе къ царствованію соблазнило моего сына, коего любилъ я столько нѣжно; чегожь не могу я ожидать отъ двухъ мнимыхъ моихъ сыновъ, кои и безъ того раздражены моею къ нимъ холодностію? *Премiръ*! мнѣ должно постановить спокойство.

Чу-

чужестранецъ, одолженной отъ меня таковымъ великимъ щастіемъ, будетъ мнѣ гораздо вѣрнѣе; а чтобъ не покусился онъ противъ меня, разскажу я ему плачевный конецъ моего сына.

Всемилостивѣйшій Государь! отвѣчалъ я ему, предпріятіе это великое и соединенное со многими затрудненіями, однакожъ необходимо нужное въ нынѣшнемъ состояніи государства. Довольной моимъ отвѣтомъ Монархъ, оставилъ меня и пошелъ разговаривать съ чужестранцемъ.

Вскорѣ за тѣмъ посѣтилъ меня *Мирадъ*. Я открылъ ему о разговорѣ со мною Государевомъ; сказывалъ, что слѣдствія онаго еще мнѣ не извѣстны, но что обѣщано мнѣ поутру дать знать о томъ чрезъ *Богуда*. Я получилъ сіе извѣстіе; дѣло произошло такъ далеко, что не льзя изъ онаго вывернуться. Я представляю уже себя васъ, Свѣтлѣйшая Королевна, соединенною съ вашимъ возлюбленнымъ, и владѣтельницею сего государства. - - - Ахъ *Премірь*! сказала *Серцерада* воздохнувъ, когда бы это совершилось, была бы я больше щастлива, нежели желаю; но до тѣхъ поръ не могу еще быть довольною. --- Но чтожь мѣшаетъ? сказалъ *Премірь*. --- Честь моя меня укоряетъ, отвѣчала *Серцерада*. Когда я выду за Князя *Дарослава*, весь свѣтъ будетъ укорять меня въ непостоянствѣ. - - - О! успокойтесь въ томъ; этому легко пособить можно. Можно еще до вашего бра-

брака распустить слухъ о мнимой смерти *Судислава*; я о томъ постараюсь, положитесь на мою вѣрность. Печальное время здѣсь продолжается полгода, можно между тѣмъ все разпорядить. —— Но, *Премiръ*! подхватила она: къ чему таковое множество лжей? Я и Князь мой не рождены людей обманывать. —— Это необходимо, говорилъ *Премiръ*; успокойтесь, милостивѣйшая Государыня, боги являютъ милость Руссамъ: они для сего совокупили чудное стеченiе обстоятельствъ, такъ что нѣтъ уже сомнѣнiя въ ихъ волѣ. Послѣдуйте, Государыня вышнему водительству, посаждающему васъ на первенствующiй тронъ изъ всѣхъ державъ Славянскихъ, съ Княземъ, коего вы любите и который васъ достоинъ.

Послѣ многихъ таковыхъ убѣдительныхъ разговоровъ, на кои согласиться принуждало Королевну ея сердце, просила она *Премiра* разсказать причину, для чего Государь Русскiй не терпитъ меньшихъ сыновъ своихъ. Я исполню вашу волю, сказалъ *Премiръ*, и тѣмъ охотнѣе, что нужно вамъ вѣдать о всѣхъ произшествiяхъ въ государствѣ, надъ коимъ будете вы царствовать. Но это извѣстiе тайное и плачевное.

По кончинѣ Княгини, родительницы *Дарославлей*, влюбился нашъ Государь въ младую красавицу, которая вскорѣ совершенно

имъ

имъ овладѣла. Она управляла всемъ, раздавала чины, и была горда и своенравна. Весь Дворъ ее ненавидѣлъ, а почиталъ только въ угожденіе Государю. Она родила двухъ сыновъ, къ коимъ Монархъ нашъ обратилъ всю любовь свою ко вреду пользамъ Князя *Дарослава*, имѣвшаго уже 17 лѣтъ. Государь, бывъ страстенъ сею любовницею своею, пожелалъ праздновать день рожденія ея съ таковымъ торжествомъ, каковаго еще не видано; два мѣсяца занимались пріуготовленіями къ оному. Все уже было готово; назначенный день наступилъ; но любимица сія прислала къ Государю донесть, что жестокая головная боль не допускаетъ ее встать съ постели. Ему это было огорчительно. Онъ поспѣшно пошелъ къ ней и просилъ ее, чтобъ она чрезъ силу себя принудила и не лишала бы празднество лучшаго сего украшенія. Сія вѣжливая прозьба навлекла ему множество укореній, что онъ такъ мало заботится о ея здоровьѣ. Монархъ согласился отложить торжество; но какъ это не удовлетворяло желанію любимицы, убѣдила она его произвесть веселія безъ ней, и настояла въ томъ столько крѣпко, что онъ, боясь досадить ей, согласился. Празднество началось конскимъ ристаніемъ; слѣдовали за тѣмъ богатырскія потѣхи и множество другихъ великолѣп-

лѣпныхъ увеселеній. Государь нашъ, занимающійся только болѣзнью и отсутствіемъ любимицы своей, едва смотрѣлъ на происходящее, и вдругъ наполнился подозрѣніемъ. онъ подозвавъ меня къ себѣ, сказалъ: избавь меня отъ безпокойства; поди къ моей любимицѣ, подсмотри, что она дѣлаетъ. Сердце мое столько волнуется, что я не могу сносить, и не успокоюсь до твоего возвращенія. Войди къ ней тайно въ тѣ сокровенныя дверцы, коими только я вхожу; *Богудъ* верьховный мой постельничій оныя тебѣ покажетъ. Но остерегайся, чтобъ тебя никто не примѣтилъ. Я пошелъ съ *Богудомъ* исполнить волю моего Государя: мы пробрались къ потайнымъ дверцамъ весьма тихо, и вошли. Но чтожъ представилось глазамъ нашимъ! Мерзкой невольникъ изъ Чуди, прислуживающій на поварнѣ, былъ въ ея покоѣ. Злодѣй этотъ, увидя насъ и схвативъ саблю, бросился на насъ. Бой былъ неравенъ, но онъ защищался такъ отважно, что мы не могли взять его живаго, и больше защищая самихъ себя, принуждены были его убить. Любимица между тѣмъ лежала неподвижна въ своей постелѣ; и не знаемъ, не лишилась ли она при томъ разума. Вѣроломство ея столько насъ тронуло, что мы не имѣли объ ней попеченія, и пошли донесть о ужасномъ приключеніи нашему Госу-

сударю. Онъ издалека еще меня увидѣлъ, и пошелъ самъ ко мнѣ на встрѣчу. Ну, *Премiръ*, сказалъ онъ отведши меня къ сторонѣ, какую вѣсть ты мнѣ приносишь? —— Не спрашивайте, Ваше Величество, отвѣчалъ я съ печальнымъ видомъ. —— Что я примѣчаю! сказалъ онъ съ ужасомъ; говори, ничего не скрой. Я принужденъ былъ донесть. Выслушавъ меня, Государь ко удивленiю моему принялъ спокойный видъ: поди скорѣй обратно, сказалъ онъ мнѣ, возми четверыхъ моихъ комнатныхъ служителей, вели ее положивъ въ мѣшокъ съ камнемъ бросить въ воду, она недостойна сожалѣнiя. Выговоривъ это, спокойно обратился онъ къ позорищу, и казалось, что находилъ уже въ ономъ увеселенiе. А я съ *Богудомъ* пошелъ исполнить повелѣнное. Нещастная жертва своего непостоянства была пожерта, и вмѣстѣ съ негоднымъ любовникомъ своимъ положена въ одинъ мѣшокъ. Въ городѣ не было почти ни одной души; потому что всѣ вышли на позорище за городѣ: и такъ ни кто не видалъ, какъ тѣла вывезены и потоплены были. Я донесъ Государю о исполненiи его воли; онъ далъ мнѣ знакъ удовольствiя своего наклоненiемъ головы, ни о чемъ не спрашивая. Онъ во весь день не показалъ въ себѣ ни малаго смятенiя, и далъ своимъ придворнымъ, какъ назначено было,

ве-

великолѣпный пиръ, за которымъ было все очень весело. Я удивлялся таковому равнодушiю его; но на другой день и двѣ недѣли послѣ того, не выходилъ онъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ подъ предлогомъ обыкновенной своей болѣзни, кромѣ необходимыхъ Государственныхъ дѣлъ. Съ того нещастнаго дни никакая красавица не могла поколебать его сердца. Оба маленькiе его сыновья, составлявшiе прежде единственную его радость, учинились предметомъ его ненависти; потому что въ происхожденiи о ихъ онъ сумнѣвался. Онъ сослалъ ихъ въ Изборъ, гдѣ и содержатъ ихъ во всякомъ довольствѣ. Государь хотя и помышлялъ объ нихъ иногда, но не осмѣлился изъ побочныхъ своихъ дѣтей назначить наслѣдника престолу, котораго по законамъ слѣдуетъ ему объявить еще при жизни своей.

Сiи-то, милостивѣйшая Государыня, причины, продолжалъ *Премiръ*, для чего Монархъ нашъ поступаетъ таковымъ образомъ. Великое недоумѣнiе, въ каковомъ онъ находился, было причиною, что прибытiе Князя *Судислава* въ Хомоградъ счелъ онъ за промыслъ боговъ, и хочетъ онымъ прiобрѣсти себѣ спокойство, которое такъ давно отъ него убѣгаетъ.

Послѣ сего *Премiръ*, возобновивъ обѣщанiя стараться о пользахъ *Серцерады*,

шелъ. Вскорѣ за тѣмъ пришелъ *Мирадъ* увѣдомить Королевну о посѣщенiи *Богуда* и уговориться съ нею, какимъ образомъ поступить при томъ. Онъ насказалъ ей множество страстныхъ словъ, которыя послалъ къ ней ея любовникъ, и подалъ надежду, что она скоро съ нимъ увидится.

Удовольствiе прекрасной *Серцерады* видимо было во всѣхъ ея дѣйствiяхъ. Какъ *Зимегоръ* по торговымъ своимъ дѣламъ отъѣхалъ на устье рѣки Лады, гдѣ стояли его корабли, Княжна находилась въ полной свободѣ. Но любопытство узнать о произшествiи съ Княземъ *Дарославомъ*, понудило его въ три дни поворотиться. Королевна не вставала еще съ постели, когда *Зимегоръ* прiѣхалъ; ее увѣдомили, что онъ точно увѣренъ о возвращенiи настоящаго Князя *Дарослава*. *Жировъ* съ самаго дѣтства былъ неотлучно при *Зовустанѣ*; и когда оная переселилась въ деревню, то онъ и не имѣлъ случаю видать Князя *Судислава*. *Серцерада* и всѣ говорившiе съ *Зимегогомъ*, подтверждали его въ сей ошибкѣ, и онъ радовался тому по многимъ причинамъ, когда пришли сказать, что *Богудъ* прибылъ отъ великаго Князя.

Зимегоръ былъ изумленъ таковымъ нечаяннымъ посѣщенiемъ, и вышелъ съ безпокойствомъ къ верьховному Постельничему.

Зимегогъ! сказалъ ему *Богудъ*, я пришелъ отъ имени Его Величества, нашего Государя, увидѣть двухъ красавицъ, коихъ вы имѣете у себя въ домѣ. — О боги! сказалъ *Зимегогъ*, какое предложенiе! я далъ имъ честное слово, что онѣ останутся ни кѣмъ здѣсь невидимы. — А! говорилъ *Богудъ* важнымъ голосомъ, такъ ты противишься волѣ Государской? — Ахъ *Богудъ*! подхватилъ *Зимегогъ*, можешь ли требовать, чтобъ я въ моемъ домѣ нарушилъ законъ страннопрiимства, нарушилъ клятву и навлекъ на себя жалобы? Мнѣ приказано рѣшительно, сказалъ *Богудъ*; я долженъ исполнять. — Что дѣлать! молвилъ *Зимегогъ* воздохнувъ: позвольте по крайней мѣрѣ мнѣ предувѣдомить сихъ нещастныхъ дѣвицъ. *Богудъ* на это согласился; а *Зимегогъ* съ великимъ смятенiемъ вошелъ къ *Серцерадѣ*. Государыня! сказалъ онъ, Великiй Князь узналъ, что вы здѣсь; онъ хочетъ вѣдать — — Ахъ! что вы говорите! подхватила *Серцерада*; не можно ли отъ сего избавиться? Нѣтъ, Ваше Высочество, сказалъ онъ, я не могъ упросить. Верьховный Постельничiй стоитъ у дверей вашихъ, и требуетъ допуску. — Пусть такъ будетъ, отвѣчала *Серцерада*; велите ему войти.

Богудъ вступилъ, и отдавъ три низкихъ поклона, оборотился къ *Зимегогу* и ска-

сказалъ: упросите сію госпожу, чтобъ и подруга ея вошла сюда. Я желаю ихъ вмѣстѣ видѣть, прежде нежели объявлю имъ волю моего Государя, который велѣлъ мнѣ принести обстоятельное извѣстіе о красотѣ ихъ. *Богудово* намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ отлучить *Зимегога* и поговорить съ *Серцерадою*. *Зимегогъ* вышелъ увѣдомить *Златолику*. Сей Княжнѣ очень было пріятно, что Русскій Государь объ ней узналъ, надѣясь получить отъ него покровительство: почему она тотчасъ пошла къ *Серцерадѣ*. Между тѣмъ *Богудъ* успѣлъ донесть Королевнѣ нетерпѣливое желаніе возлюбленнаго его *Судислава* ее видѣть, и опрочихъ подробностяхъ. По прибытіи *Златолики* *Богудъ* перемѣнивъ голосъ, говорилъ: Повелитель народа Русскаго увѣдалъ, что *Зимегогъ* скрываетъ въ своемъ домѣ двухъ чрезвычайныхъ красавицъ; онъ возъимѣлъ любопытство васъ увидѣть во дворцѣ своемъ, и повелѣлъ мнѣ просить васъ о переѣздѣ въ оный. *Серцерада* приняла на себя смятеніе: *Богудъ*! сказала она ему величественно, когда это зависитъ отъ нашей воли, то я прошу васъ донесть прозьбу нашу къ Государю, что мы ничего больше не желаемъ, какъ спокойно обитать въ нашемъ уединеніи. —— Ахъ! милостивѣйшая Государыня, сказалъ *Богудъ*,

 же-

желанія нашихъ Государей суть приказы: я прошу васъ шествовать со мною. — Изрядно, отвѣчала *Серцерада*, когда властительской силѣ должно уступить, по крайней мѣрѣ увѣдомлю я о себѣ, чтобъ оказали мнѣ уваженіе, достойное моего произхожденія. Подите къ своему Государю, и донесите, что вы нещастную Королевну Агафирскую видѣли, которая хищникомъ лишена отеческаго наслѣдія, и прибыла ко Двору его искать помощи и защиты. Бѣдное мое состояніе требовало, чтобъ я жила въ неизвѣстности.

Богудъ услышавъ это, повергся къ ногамъ ея: простите мнѣ, Ваше Высочество, сказалъ онъ, что незнаніе мое довело меня до невѣжливостей; но желаніе мое служить вамъ все то загладитъ. Однако прежде отшествія моего позвольте мнѣ отобрать и у сей прекрасной особы. — Примѣръ Королевны, сказала *Златолика*, послужитъ мнѣ образцемъ; я слѣдую ея откровенности. Донесите Государю, что я вдова Королевича Готфскаго, и племянница владѣющей Княгини Гунновъ, и что нещастія привели меня въ сотоварищество сей прекрасной Королевны. Гдѣ она ни будетъ, я съ нею неразлучна. — *Богудъ* отдалъ опять низкій поклонъ, и пошелъ донесть своему Государю. Вскорѣ прибыли придворныя колесницы съ великимъ

прикры-

прикрытіемъ тѣлохранителей, и въ препровожденіи множества придворныхъ обоего полу. *Богудъ* предсталъ опять, и просилъ *Серцераду* и *Златолику* именемъ своего Государя, что оный не можетъ допустить, чтобъ столь высокія особы жили гдѣ либо опричь его дворца. Онѣ согласились на это, и отъѣхали занять въ Княжемъ домѣ покои, порознь для пребыванія ихъ назначенныя, со множествомъ служителей обоего пола. *Зовустана* по прозьбѣ *Златолики*, чрезмѣрно къ ней привязанной, осталась съ нею; а *Зимегогъ*, огорченный таковою перемѣною, при прощаніи получилъ отъ *Серцерады* увѣреніе о ея всегдашнемъ признаніи къ его одолженіямъ; чему и видѣлъ онъ во всю жизнь свою опыты.

Послѣ того, какъ о достоинствѣ Королевны *Серцерады* открылось, и была она принята подъ защиту Государя Русскаго: *Зовустана* старалась увѣдомить о томъ брата своего, верьховнагѡ жреца Дажбова, отъ котораго со времени отбытія изъ Агафирсіи не имѣла извѣстія. *Серцерада* сама того охотно желала. *Зовустана* не вѣдала о тайнѣ, принудившей *Серцераду* переселиться во дворецъ, и писала къ брату своему только о щастливой перемѣнѣ ея обстоятельствъ; что оная еще заботится объ отсутствіи Князя *Судислава*, о которомъ

 нѣтъ

нѣтъ слуху; и кончила прозьбою увѣдомленія обо всемъ произшедшемъ послѣ нихъ въ Агафирсахъ. *Трисилъ* былъ гонецъ, отправленный съ письмомъ этимъ. Сей молодой дровосѣкъ какъ скоро услышалъ о смерти *Милостаниной*, коея гнѣву опасался, тотчасъ обратился къ *Мираду*, и далъ ему знать, что обитаніе при Дворѣ ему очень скучно; онъ просилъ объ отпускѣ, который получилъ съ великимъ награжденіемъ отъ мнимаго Князя *Дарослава*. Тогда-то *Мирадъ* представилъ его *Зовустанѣ* для посылки въ Агафирсы. *Трисилъ* охотно поѣхалъ туда не для любопытства увидѣть новую страну, но думая, что въ посылкѣ его есть особливая нужда Князю *Судиславу*. *Трисилъ* привезъ *Серцерадѣ* письмо отъ верьховнаго жреца, которымъ сей увѣдомлялъ о кончинѣ сестры ея, Королевны *Зарины*, и о всѣхъ подробностяхъ, служившихъ къ пресѣченію дней ея. Далѣе, осмѣлился онъ просить ее склониться на желаніе Короля *Закоміра*, и обще съ нимъ вступить на престолъ ея предковъ; чѣмъ обрадуетъ своихъ подданныхъ, которые хотя имѣютъ къ ней усердіе, но отдаютъ также справедливость кроткому царствованію надъ ними *Закоміра*. —— Однако обстоятельства уже перемѣнились: *Серцерада* всходила на верьхъ своего щастія, и не отвѣчала на письмо

это;

это; она оплакала только погибель сестры своей.

Великій Князь Русскій имѣлъ великое желаніе ее увидѣть. Онъ посѣтилъ ее торжественно, и нашелъ несравненно прекраснѣе, нежели воображалъ. Разговоры ея съ нимъ еще больше привели его въ удивленіе объ ея разумѣ. Монархъ сей посѣтилъ также и *Златолику*. По отшествіи Великаго Князя *Мирадъ* предсталъ къ *Серцерадѣ*. Сколь велико было удовольствіе ея, когда нашлась она въ одномъ домѣ съ своимъ возлюбленнымъ послѣ таковой долгой разлуки! Покои ея были отдалены отъ *Судиславовыхъ*, но повелѣніемъ Государя Русскаго *Богудъ* и *Мирадъ* въ тотъ же вечеръ сдѣлали тайный между оными ходъ. Любовники видѣлись ежедневно до самаго брака своего, послѣдовавшаго чрезъ шесть мѣсяцовъ, такъ что никто о свиданіяхъ ихъ не вѣдалъ. Нѣтъ возможности изобразить чувствованія ихъ, когда они другъ друга увидѣли. Радость ихъ открылась пролитіемъ слезъ, языкъ не дѣйствовалъ, и одни только вѣрныя сердца ихъ говорили. По томъ разсказали онѣ подробно свои похожденія. Наконецъ *Премиръ* былъ душею ихъ совѣтовъ; онъ почасту бывая у *Серцерады*, вымышлялъ средства, какъ бы лучше разгласить о мнимой смерти Князя *Судислава*, котора-

рая бы развязала *Серцераду* отъ клятвъ. *Премiръ* выдумалъ слѣдующее: *Судиславъ* имѣлъ при себѣ всегда маленькой портретъ Королевны *Серцерады*; оный завернули въ бумагу, съ надписью на имя Князя *Иргума*. Опредѣленный къ произведенiю сего въ дѣйство, представилъ Государю, что на границахъ Гуннскихъ наѣхалъ убитое тѣло нѣкоего знатнаго человѣка, и при обыскѣ въ карманѣ его нашли это. Старый Князь велѣлъ произвести объ этомъ строгое слѣдствiе, по которому, какъ легко ожидаемо, подтвердилось, что убитый былъ Князь *Судиславъ*. Слухъ этотъ распространился всюду, и молвою обвинили Гунновъ, что они совершили это убивство по приказанiю своей Государыни. Государь Русскiй съ великими обрядами принесъ эту печальную вѣсть Королевнѣ *Серцерадѣ*; оная притворилась крайнѣ огорченною и наложила на себя печальное платье. Всѣ увѣрились о смерти *Судиславовой* такъ же, какъ и въ мнимомъ сжитiи Князя *Дарослава*. Вѣсть эта дошла въ Агафирсы чрезъ вельможу *Закомiрова*, жившаго при Дворѣ Русскомъ; приложено было о томъ начертанiе о приятiи въ покровительство отъ онаго *Серцерады*, и что по всѣмъ видамъ получитъ она сильную помощь къ возвращенiю себѣ Агафирскаго престола.

Зако-

Закомірѣ пришелѣ вѣ великое безпокойство, видя таковую страшную тучу, собирающуюся на него. Онѣ всегда уповалѣ преодолѣть упрямство Королевны *Серцерады*, почему и не помышлялѣ о своемѣ бракѣ; и хотя сѣ отсутствія ея не имѣлѣ никакого обѣ ней извѣстія, но отлагалѣ женидьбу свою до полученія обстоятельной вѣсти о судьбѣ Королевны Агафирской. Вѣ таковыхѣ разположеніяхѣ дошелѣ кѣ нему слухѣ о смерти *Судиславовой*; это подало ему надежду. Онѣ отправилѣ великое посольство кѣ Государю Русскому, для испрошенія его посредства, кѣ склоненію *Серцерады* кѣ сочетанію сѣ нимѣ. Посольство это было выслушано, но довольно холодно, вѣ томѣ намѣреніи, чтобѣ лучше склонить *Закоміра* кѣ сочетанію сѣ *Златоликою*; о чемѣ старалась сама *Серцерада* и *Судиславѣ*.

Между тѣмѣ срокѣ печальнаго времени кончился. Государь Русскій, желая совершить щастіе своего наслѣдника, созвалѣ весь свой совѣтѣ; кѣ чему приглашена и *Серцерада*. Верьховный Бояринѣ предложилѣ тогда Королевнѣ желаніе своего Монарха и всего государства о сочетаніи ея сѣ мнимымѣ *Дарославомѣ*; и притомѣ требовалѣ ея согласія о уступленіи права ея на престолѣ Агафирскій *Закоміру*, на условіяхѣ брака его

съ Княжевою *Златоликою*. *Серцерада* не могла противиться предложеніямъ, на которыя согласно было ея сердце. Бракъ положенъ на мѣрѣ, и совершился съ великимъ торжествомъ, къ чрезмѣрной радости всѣхъ Руссовъ. И такъ по многимъ злоключеніямъ *Судиславъ*, соединясь съ возлюбленною *Серцерадою*, началъ наслаждаться совершеннымъ щастіемъ.

Закомиръ, извѣщенный о произшествіи, принужденъ былъ принять предложеніе, для утвержденія на головѣ своей Агафирской короны; онъ остался тѣмъ доволенъ, и еще сталъ довольнѣе, когда прибыла туда *Златолика*. Красота ея и нравъ удовлетворили всѣмъ его желаніямъ. *Златолика* съ своей стороны осталась довольною, пріобрѣтя любви достойнаго супруга и престолъ. Они провели щастливо дни свои; но не оставили по себѣ наслѣдниковъ. Тогда сынъ, рожденный *Судиславу* отъ его супруги, и наслѣдовавшій по немъ престолъ Русскій, возобновилъ право своей родительницы, и присоединилъ къ Государству Русскому Королевство Агафирское; чему Агафирсы подверглись добровольно. Съ того времяни оба сіи государства составляли единую державу. Агафирсы утратили свое имя и назывались уже Руссами, и страны ихъ всегда принадлежали къ Хомограду, а по томъ

къ Старому Славянску (или нынѣшнему Нову-граду), когда завладѣли Руссами, или лучше сказать, соединились съ ними во единый народъ пришедшіе съ востока Славяны.

Судиславъ подъ именемъ *Дарослава* по кончинѣ благодѣтеля своего наслѣдовалъ его корону. Вѣрная любовь его къ *Серцерадѣ* награждена была многимъ потомствомъ, царствовавшимъ нѣсколько вѣковъ въ странахъ Славянскихъ. Онъ былъ любимъ своими подданными, и усладилъ участь мнимыхъ братьевъ своихъ, побочныхъ дѣтей покойнаго своего предшественника, своими благодѣяніями и уваженіемъ. Можетъ быть досада за четырехлѣтнее его содержаніе въ темницѣ, по нѣкоторомъ времени родила войну у Руссовъ съ Гуннами; которой окончаніе послѣдовало присоединеніемъ Гунигарда и надлежащихъ къ нему странъ къ престолу Русскому. Одинъ изъ потомковъ *Судислововыхъ*, именемъ *Кій*, возобновилъ славную столицу Гунигардъ, опустѣвшую отъ времени и браней; съ того времени носитъ оная поднесь имя своего возобновителя, и называется градъ Кіевъ. —— —— ——

Сію повѣсть написалъ мудрый *Премiръ*, житель Хомоградскій. Оная была въ таковой славѣ у Славянскихъ народовъ, что списокъ ея стоялъ поллитры сребра, и кто его получить находилъ случай, считалъ себя

щастливымъ. Время съѣло всѣ сіи рукописи, но рачительные сказывальщики древнихъ Сказокъ довели до нашихъ дней это наслѣдство своихъ предковъ.

КОНЕЦЪ VI И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
31374-0
КП-30554